

ДНИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

**Литературный конкурс
«СЛОВО – 2017»**

Номинация: «Проза»

ТОМСК 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Возрастная группа 19-34	3
Юлия Алюнина, 24 года, студентка	3
Роман Верховский, 28 лет, рекламист.....	9
Виктор Непомнящих, 20 лет, студент	19
Татьяна Односторонцева, 33 года, химик-технолог	23
Надежда Янович	31
Возрастная группа 35+	40
Виктор Вайнштейн, пенсионер, Томск	40
Ольга Вылегжанина (Савина), 35+, с. Чердаты, Зырянский район	51
Нина Габдрахманова, 35+, с. Берлинка Зырянского района.....	54
Александр Егоров, 1937 г.р., пенсионер, Томск	59
Николай Конинин, 35+, Томск.....	63
Галина Крестинина, 35+, с. Зырянское	66
Марина Сапёлкина, 35+, педагог дополнительного образования.....	74
Елена Сидоренко, 35 +, Томск	78
Георгий Томберг, пенсионер, Томск.....	84

Возрастная группа 19-34

Юлия Алюнина, 24 года, студентка

Путешествие из Томска в Ниццу или бюрократические заметки из дневника

Как всё начиналось. А начиналось всё хорошо. Год ожиданий и планов, накоплений и подработок, и вот, наступило лето, тот момент, когда нужно было вылетать во Францию, где предстояло в течение месяца подтягивать французский язык в лингвистической школе.

День 1

Итак, начиналось всё хорошо. Прилетели в Москву, аэропорт Шереметьево. Рейс Томск-Москва-Ницца-Москва-Томск. Багаж оформляли транзитом: в Москве его забирать не нужно было. Просто приходишь на посадку, показываешь паспорт и билет. Тебе ставят штамп, и ты идёшь в самолёт. Багаж забирается только в Ницце – финальной точке первого этапа путешествия.

До вылета во Францию оставалось четыре часа. Мы сидели в одном из кафе Шереметьево. Посадку не объявляли. Говорили, что началась регистрация багажа, но это не для нас. Наши вещи уже в самолёте и готовы лететь. Мы плавно двигаемся на паспортный контроль. Стоим в очереди на разные регистрационные пути, чтобы сэкономить время. Со мной Марина. Я очень устала, потому что спала всего три часа, и сказала: «Хочу домой».

Наша очередь двигается невыносимо медленно, контроль проходит очень долго. Всех пассажиров задерживают, подозрительно тщательно изучают документы даже у младенцев. На меня потратили около семи минут, потому что завис компьютер. В итоге мой паспорт перекинули в параллельную кабинку паспортного контроля, что-то там отсканировали, откопировали, пропечатали, и я прошла. Потом проверяли документы Марины. Тоже продолжительно.

На часах уже 15:00. Вылет наш по билетам в 15:10. Посадка заканчивается за 20 минут до вылета. Мы, как под пулями, несёмся к своим воротам №39, которые, как оказалось, не наши, и бежать нужно было к №33. Подбегаем и, разумеется, обнаруживаем, что аэробус на самолёт давно ушёл. Стюард звонит диспетчеру, ему говорят, что свободных машин нет, и ничего сделать невозможно. Мы опоздали на самолёт.

Нас направили к транзитной стойке, чтобы обменять билеты. Стойка, как нам сказали, «где-то посередине». Пришли на стойку «Информация». Там парень, который не знает, где транзитная стойка. Звонит всем подряд, и никто нигде не отвечает, потом все перезванивали и говорили, что не знают, где же эта загадочная *terra incognita*. Лиза, девочка из нашей группы, выхватила в толпе стюардессу и спросила, куда нам идти. Та ука-

зала на стойку «Информация» и сказала, что это и есть нужная нам транзитная стойка. Опа! А парень-то и не знал, где работает. Пока нерасторопный молодой человек боролся с телефонами, по громкоговорителю объявили, что мы должны вернуться к воротам №33. Вернулись. Нас посадили на скамеечки и сказали ждать. Ждём. А багаж, если мы помним, в самолёте. А самолёт уже 30 минут, как улетел в Ниццу.

Подходит сотрудник аэропорта и уводит нас к паспортному контролю, где нам уже поставили штамп, что мы улетели. Там поверх печати поставили «АННУЛИРОВАНО», и вывели нас из транзитной зоны к простым смертным со словами: «А дальше мы вам ничем помочь не можем, идите за вещами, к начальнику смены и в кассу за новыми билетами».

Подходим к стойке снятого с рейса багажа. Чемоданов ещё нет, и миловидная дама бальзаковского возраста отвечает, что она работает в другой авиакомпании и не может связаться с обслуживающим нас АЭРОФЛО-Том. Остаётся только ждать. Я и руководитель группы отдаём талоны на багаж Лизе и уходим к начальнику смены. Там нам говорят, что мы сами виноваты, что проторчали в аэропорту и не сообразили, что у них вообще посадка не объявляется, потому что в силу вступила услуга онлайн-регистрации, при которой вся ответственность лежит на пассажирах. Нас же никто не предупредил, что рейсы они теперь не объявляют. Ещё нам сказали, что из-за нас задержали вылет, чтобы достать наши чемоданы из самолёта. Их ведь нельзя отправлять без владельцев. Нормально! Задержать рейс, чтобы вытащить сумки можно, а вместо этого запустить опоздавших пассажиров уже не по правилам. Нас отправили дальше. И нас ведь не позвали, когда уже стало ясно, что мы опаздываем, хотя после этого мы слышали раза четыре: «Пассажир N, пройдите, пожалуйста, на посадку. Ваш рейс №XXX отправляется через 20 минут», или что-то в этом роде.

Пришли мы в кассу менять билеты решать проблему с пересадкой на другой самолёт, но не тут-то было! По сути, мы пропустили рейс Москва-Ницца. Логично предположить, что остальные билеты на обратный путь должны остаться в силе, но по правилам авиакомпании они уже считаются недействительными! Звезда в шоке, а то и где-нибудь подальше! Нужно покупать новые билеты. Нам предлагают ближайший вариант до Ниццы за 30 000 р. с человека за один перелёт. Если на следующий день, то за 50 000. Недурно! У меня наличными 2500 и на карте 3500. И евро, которые можно поменять на рубли, и прилететь во Францию ни с чем. Идём в другую кассу. У соседнего окна мы наблюдаем прелюбопытнейшую сцену негодования одного из пассажиров, который с семьёй хотел улететь в Таиланд, но у них, судя по всему, возникли проблемы с билетами, и виноваты, разумеется, они, а не авиакомпания. Мужчина орёт на весь зал, используя весь запас эмоциональной лексики, оперирует такими экспрессивными метафорами, которые мне, даже как филологу, и присниться не могли. Вот это воображение у человека! Да ему бы русские толковые словари обценной лексики составлять. Такая фантазия и так зря пропадает — нехорошо.

Что ж, нам предлагают новые билеты за цены ещё более привлекательные – 104 000 р. Уууух! Перекрестились и пошли в третью кассу в терминале E, который в 15 минутах пешком. Там нашли билеты за 31 000 р. на рейс Москва-Париж-Москва с возвратом в Москву на обратном пути 26 июля. Следовательно, за дорогу из Парижа до Ниццы нужно доплачивать отдельно, и до Томска тоже вновь придётся покупать билет. Не очень. В отчаянии соглашаемся на этот вариант. Я звоню Мише (это мой дядя), чтобы попросить его прислать деньги мне на карточку. Срочно и много. Нам руководитель группы сказал, что возместит. Верить?

Деньги Миша присылает, но тут мы обнаруживаем ещё один вариант за 21 000 р. на рейс Москва-Париж-Ницца-Париж-Москва. Берём! Срочно покупаем! Теперь у нас есть обратный билет, но мы остаёмся ночевать в аэропорту. Ах да! У нас всё ещё нет багажа! Нам сказали, что он в терминале D 56. Это другой конец аэропорта. Противоположный терминалу E. Мы уже раз 5 туда-сюда бегали за день. Пришли сюда опять. Забрали багаж. Теперь вопрос, как спать, где спать, и спать ли вообще? За вещи страшно. Убитые, уставшие, измотанные ползём в капсульный отель. Берём на 8 часов два двухместных номера и один трёхместный. Я со Мариной. Таня с Оксаной. Альфия Павловна (она же Александровна) с Кириллом и Лизой. Заходим в комнату и падаем на кровать абсолютно без сил. По крайней мере, я. Я ведь перед дорогой спала 3 часа. Думала, высплюсь двумя самолётами, а тут сюрприз такой. Да ещё проскакала весь день по аэропорту с рюкзаком, весом 7,7 кг.

Комнатка капсульного отеля выглядит вполне прилично. Нет окна, но он и не нужен. Есть телевизор, и он даже работает! Двухспальная кровать и прикроватная тумбочка. С Божьей помощью я доползаю до душа. Включаю воду, пытаюсь добыть жидкое мыло – оно же гель для душа, оно же шампунь в одном флаконе, – а эта пластиковая коробочка на стене как свалится на пол от моего чуть живого нажатия! И волшебная мыльная жидкость розоватого оттенка вылилась на кафельную плитку. Осталось совсем чуть-чуть, но на двоих хватило. С канализацией тоже были некоторые недоразумения. Как я включила воду, автоматически включилась опция «арома-терапии» ванной комнаты. Ну и вода не уходила в слив. Россия. Родина. Москва. Мать наша!

Не представляю, что всё это время творилось в Томске. Родители обзвонили все авиакомпании, всех диспетчеров. Позвонили в русско-французский центр нашего университета, который организует поездку. Мама, наверняка, на таблетках. Постоянные звонки и непрерывающиеся сообщения.

Была свободная минутка, мы решили выяснить условия обслуживания клиентов компанией АЭРОФЛОТ. В интернете нашли много интересного, в том числе дело, по которому какой-то мужчина отсудил у компании деньги за то, что они ему, опоздавшему на тройной рей, перекрыли все билеты. Ещё мужчина получил компенсацию за моральный ущерб. Кто знает, может быть, нам тоже повезёт. Хе-хе! Сам пошутил — сам посмеялся!

А ведь что интересно. Хотелось взять с собой какую-нибудь книжку в поездку. Выбор пал на роман Достоевского «Униженные и оскорблённые».

*30.06.2014.
10:49, время по Москве*

День 2

Мы проснулись в капсульном отеле. Я была никакая. Усталость так и не прошла. Сдали ключи, спустились вниз, купили обратные билеты до Томска. Самое главное — никуда не опоздать, когда будем возвращаться. Альфия Александровна заняла у меня 8500 р., поскольку у неё совершенно не осталось денег.

Пройдя паспортный контроль и сдав багаж, мы отправились в кафе в транзитной зоне. Как же тут всё дорого! Я взяла себе винегрет и чёрный чай с бергамотом в маленьком чайничке (300 мл). Вкусный, но бывает и лучше. В кафе, где мы обедали, хорошо ловил Wi-Fi, и я тут же отправила сообщения во все направления, потому что у всего Томска ехала крыша из-за того, что с нами приключилось. Хотя, сами мы тоже виноваты. Я-то на 100% знала, что Альфия отнюдь не адекватна персоне.

Самолёт прилетел по расписанию. Это был огромный авиалайнер. На таком я ещё не летела — боинг (номер, к сожалению, не помню, но обещаю себе уточнить на сайте авиакомпании), рейс 4855, время отправления 12:40. Он действительно был очень большой. Удивляюсь, как не заметила, что она поднялся в воздух. Обычно мне плохо на взлёте, потому что боюсь летать. Не тошнит. Просто плохо и страшно. Учащается сердцебиение. Сажу с влажной салфеткой на лице и глубоко дышу, когда самолёт поднимается. В этот раз я не заметила, как самолёт оторвался от земли. Единственное, что промелькнуло у меня в голове, это: «Почему мы уже минут 20 катаемся по лётному полю?» Открыв глаза, я осознала, что 20 минут прошло с начала полёта, смогла рассмотреть, каким по-настоящему красивым был самолёт. Я даже хотела прямо на борту достать ноутбук, чтобы продолжить вести дневник и описать его, так сказать, с натуры, а не по памяти. Сидения были в три ряда с двумя проходами между ними. В первом и третьем рядах было по три сидения, в среднем — четыре. Моё место было, если не ошибаюсь номером, в ряду 29-ом под буквой E. Это посередине. Слева от меня сидела Лиза, справа расположились Оксана и Таня. Передо мной место пустовало, а остальные сидения занимали Марина, Кирилл и Альфия Павловна. Все рядом. На спинках впереди стоящих сидений располагались небольшие экраны и пульт на проводе, который вытягивался из своего отсека. Мне было лень разбираться, что означает каждая кнопка на пульте, поэтому я пользовалась сенсорным экраном. Меню предлагало посмотреть фильмы (премия Оскар, премьеры, комедии, боевики, драмы, детские фильмы, семейные и т. д.), послушать му-

зыку (классика, рок, джаз, эстрада и ещё много всего, и в каждом жанре ещё множество исполнителей) или аудиокниги, TV (даже не представляю, как оно там выглядит), детский канал, игры, книги (тоже по жанрам и на разных языках), маршрут (можно было следить, как движется самолёт, где мы сейчас находимся, скорость, высота, градусы широты и долготы, а также была возможность изучить карту близлежащих к месту назначения крупных городов — интересно). Там было очень много всевозможных функций, разделов и подразделов. Сначала я попыталась посмотреть «Элизиум» (кстати, фильмы тоже можно было смотреть на разных языках, но к каждой кинокартине свой лингвистический набор, где-то был даже китайский с субтитрами), но мне быстро надоело из-за усталости, я включила латино, потом обнаружила, что в аудиотеке имеется мой обожаемый John Newman, и погрузилась в сон, пока не стали кормить. Всё оставшееся время я читала Достоевского.

Когда самолёт сел, пришло осознание того, что мы вновь можем опоздать, чего ни в коем случае нельзя было допустить. Нас долго не выпускали. Потом мы ждали, когда приедет наш багаж, затем ждали автобус до аэропорта Орли (приземлились мы в Шарль де Голь, и нужно было переехать в другой аэропорт для вылета в Ниццу). С нами на борту летел один парень из Москвы, который учится на химическом факультете МГУ (на нём была толстовка с логотипом). Его рейс до Ниццы был в 17:50, наш — в 18:20. На остановке мы стояли вместе. Наконец, приехал автобус, но на трассе мы оказались спустя минут 15 после того, как сели, потому что приходилось останавливаться, чтобы посадить других пассажиров.

По началу ехали быстро. В километрах 20-30 от Орли попали в пробку. Да. Мы вновь опоздали на самолёт. Последние полчаса пути нам ничего не оставалось, кроме как хохотать во всё горло. Слезами всё равно горю не поможешь, а так хоть настроение не упадёт окончательно. Домой никто ни в коем случае не звонил. Альфия Павловна была на связи в Инэн (куратором языковой школы в Ницце) и Николаем Власовичем (директором русско-французского центра). Было до смешного страшно даже подумать о том, что нас ждёт впереди.

Приехали. Вырвали сумки из багажного отделения. Помчались в аэропорт. Самолёт, естественно, улетел. Альфия Павловна ушла раньше нас, чтобы проконсультироваться в «Информации», как нам дальше быть, но, со слов Лизы Есениной, которая пошла её искать, та просто стояла посреди офиса и не знала, что делать, к кому обратиться. Лиза подошла к первому попавшемуся консультанту, объяснила ему ситуацию, показала билет, сказала, что нас семеро, и ей без нашего присутствия и без наших документов поменяли все наши билеты. Таким образом, мы вылетели следующим рейсом буквально через 1,5 часа после прибытия в Орли. Как резюмировал Кирилл, стоило через всё это пройти только чтобы понять разницу в отношении к клиентам авиакомпаний. Действительно, в Европе отношение к человеку показалось совсем другим, но, безусловно, это не значит, что здесь меня всё более чем устраивает. Отнюдь.

В Ницце нас встретили Инэн и её коллега. Всех довели до общежития, и мы благополучно разместились в комнатах. Интернет не работал, поэтому связаться с родителями не получилось. Мама к этому моменту написала не одно сообщение с вопросами о Лазурном берегу. Что я могла ей ответить? «Средиземное море, говорят, прекрасно! Приеду — проверю!» Нет. Мама всё узнала лишь на следующий день (для неё вечер — разница в шесть часов), и, насколько мне показалось, не переживала. По крайней мере, не так сильно, как в предыдущий день.

Войдя в общежитие, мы столкнулись с особенностями отношения к провинциалам в России. У стойки администратора толпились московские студенты и что-то пытались ему объяснить. Потом одна девушка повернулась к парню и сказала: «Ладно, давай потом. Сейчас этих будут регистрировать». Этих! Это мы «эти»? А кто они? «Те»? Культура не упускает ни единого момента, чтобы дать о себе знать! Но не будем о грустном. Нам выдали ключи, и мы пошли проверять комнаты. С дороги, да ещё и в столь поздний час это была мука мученическая. Требовалось проверить всё и всюду и отметить в бланке все недочёты, неисправности и недостатки. Пока носились по этажам, уже и за полночь перевалило. Я легла спать в таком бардаке! В кошмарном сне не представить. А комната мне показалась маленькой и неудобной. Совсем крошечная. Даже меньше, чем номер в капсульном отеле. В душевой так вообще только шаг влево, шаг вправо — мокро, потому что вода стекает прямо на пол, а не в какую-нибудь ванноподобную ёмкость. В жилом помещении есть только кровать, стол, стул, маленький холодильник, шкаф и полки. Плита имеется на этаже на кухне, но из четырёх конфорок благополучно функционируют лишь две. Ещё там раковина и микроволновая печь. Духовки нет, а жаль.

Что удивительно, в комнате много розеток. Есть даже кабель для интернета, но у меня он не работает. Уже все возможные пароли перепробовала — ничего! Только на первом этаже Wi-Fi ловит. Я живу в комнате 327. В России это был бы третий этаж. Здесь — четвёртый, потому что наш первый — нулевой.

Спать легла поздно. Опять не выспалась. Рано утром нужно было писать тест на распределение, которое уже все прошли, а мы опоздали. Не помню, снился ли какой-то сон. Было до странного спокойно засыпать в этой новой обстановке. Наверное, это было то самое ощущение, которое можно описать фразой: «Теперь уже всё позади».

01.06.2014.

01:37, время по Ницце

Роман Верховский, 28 лет, рекламист,

ПОЧТИ СВЯТОЙ

Все это, конечно, далеко не новое. Но поэтому и цена такая. Очень привлекательная, согласитесь?

Она легонько дернула себя за мочку уха, обернулась на мужа. Тот приободряюще улыбнулся. Одинакового цвета джинсы и одинаковые кашемировые джемперы наводили на мысль о кровном родстве. Пара излучала респектабельный шик спальных районов – аристократичный университетский лоск, приправленный снобизмом и намеками на инцест. Они даже внешне были похожи.

Она приподнималась на носочках в уличной обуви, показывая особенно интересные особенности советской мебели. Он покачивался на каблуках, скрипя старым паркетом.

Икона нашлась в гостиной на чипэндейловском трюмо (подделка, конечно) за стеклом, спасенная от слоя пыли, что лежал на мебели. В пятикомнатной квартире одиночества бы хватило на пять человек.

– Куда вы смотрите? – насторожилась девушка.

– На икону. То есть на репродукцию. Хорошая работа. Извините, меня не заинтересовала эта мебель. В одной из комнат стол начала века, если вам интересно мое мнение. Его вы сможете продать подороже. Извините, пожалуйста.

Азурит – это карбонат меди, асфальт из бурого угля. Голубец, варзия, шафран и ярь. Вдолбите в свои пустые головы. Слышите меня?

Трамвай прихрамывал на неровном участке с поднявшимися рельсами. Девушка копалась в телефоне. Ее ребенок рядом канючил. С детьми в трамваях всегда две истории: или они измотанные не звенящие к вечеру колокольчики или егозливые громкие нарушители дневного спокойствия. В четыре двадцать невоспитанный монстр терзал девушку игрой без победителя в дай, дай, дай. Она устало посматривала за стекло трамвая, на окоченевшее брошенное здание военной академии, что тянулось целый квартал вдоль линии, а затем снова погружалась в телефон. Все это время за ними наблюдала женщина за сорок в молодившем ее пальто и яркой помадой на плотно поджатых губах.

Люди не страдают от неудач. Люди страдают от невозможности приобрести то, что есть у других. Для того, чтобы это знать не обязательно продавать БМВ, которые научились парковаться сами, не обязательно впаривать последнюю систему кондиционирования «хитачи» в только что отстроенный дилерский центр, не обязательно изучать европейские вина, чтобы продать самое дорогое топ-менеджерам строительной фирмы за заслуженные, но пока не выплаченные бонусы.

– Здравствуйте, меня зовут Евгения. Банк Альфа-кредит. У вас есть время поговорить о наших новых программах?

– Нет, извините.

Девушка отвлеклась от телефона и смотрела на меня. Рядом прыгал сын. Дай посмотреть. Ну что там у тебя. Дай гляну. Дай телефон.

У тебя свой есть.

Нет, я хочу твой. Ну дай. Дай посмотреть.

Она живет в моем доме за стенкой на этаж ниже. У нее нет мужа, но есть любовник, он приезжает к ней раз в три дня. Она просит его остаться, она просит его заботиться о, возможно, своем сыне. Ее старшая дочь играет на пианино с шести лет. Последние два года по вечерам я слушаю как она монотонно занимается, разучивая Чайковского. Ровно час в одно и то же время. Амбициозная девочка.

В отношениях матери с дочерью было мало любви и, как это часто бывает у родивших слишком рано и едва сводящих концы с концами, мало любви было к позднему сыну. Дети стали ее невыполнимой миссией. Она, еще совсем молодая девушка, старалась от них отгородиться, сохранить свое Я. Любить их меньше, как часто громко заявляла она, выпивая с подругой на кухне по пятницам. Что означало – не любить вовсе.

В панельном доме слишком тонкие стены.

Ее красивые зеленые глаза с теплом рассматривали меня. Привет – только губами произнесла она. Привет, – кивнул я.

Мы вышли на одной остановке. Она встала рядом, светофор моргал красным. Ребенок выглядывал из-за матери на меня и молчал.

– Ты же в моем доме живешь, верно? Я Марина. Ты где-то наверху живешь, я тебя часто вижу. А это мой сын. Ты есть вконтакте? Давай добавлю. Или ты из этих? Фейсбук там, фликр – звучит как клитор. Ой.

Крон, Марс, Вохра. Лазоревый цвет – смешай голубую и белую краски. Киноварь – используется с двенадцатого века.

Посмотрите на состояние. Видите, задняя крышка в полном порядке. Обычно именно она первая подвергается износу. В таком состоянии вы вряд ли найдете еще мебель. В основном эти стулья-диваны отвозили на дачу и там они медленно приходили в негодность. Ну вы понимаете, мороз, потом протекающие крыши.

Молодую женщину следовало подбодрить, чтобы она продолжала. Старые массивные стеллажи вперемешку с серийной мебелью восьмидесятых. Многотомные собрания – марксизм, ленинизм, советская историческая энциклопедия на пятнадцать томов. Все в темно-зеленых, почерневших обложках.

Вас только стулья заинтересовали?

Хозяйством умерших родственников занимаются именно такие молоденькие девушки. Они поправляют волосы, стесняются и показывают старую мебель в больших четырехкомнатных квартирах с гигантскими потолками (муж, если есть, ходит открыв рот, откровенно зевает или его нет вовсе). В этих девушках никогда нет того, что мне нужно, зато иногда есть в квартирах.

У нее зазвонил телефон и она отвлеклась:

– Что? Чтобы когда она ему ставит лайки, вы знали об этом? Нет, таких услуг нет. Извините, Светлана, но у вас развивается паранойя. Да, да, конечно.

Она отошла к окну.

Икона хоть и не возвышалась на специально оборудованной полочке, но была устроена поближе к левому углу квартиры с почестями древней святыни. Выдающаяся подделка. Двадцать на двадцать, краска немного облезла, с кракелюрами – все как положено. Я аккуратно повернул ее и посмотрел заднюю часть доски на свет. В трещинах дерева была черная грязь. Я немного ковырнул ее припасенной булавкой и добавил в принесенную бутылочку пробника от духов с реагентом. Взболтал. Реагент помутнел – это была краска. Несомненная подделка, но очень хороша, очень. Разочарование - липкий густой мед, приготовленный из нектара ожиданий.

– Что вы делаете? – девушка подошла ко мне вплотную.

Я зажал нехитрые инструменты в кулак и незаметно отправил в рукав рубашки, за плотные манжеты. Булавка расстегнулась и упруго вошла под кожу.

– Смотрел на мебель вблизи. Очень интересно.

– Что вам нужно? – холодно спросила она.

Кровь горячей струйкой медленно потекла на ладонь. *Лазорь, белило, чернило. Белило хоть в синь. Ярославские белила 17 века – свинец на уксусном пару. Видишь? Охра для лица, для кистей.*

– Извините, я кажется вогнал занозу, - показал растекающееся пятно крови по голубому манжету. Девушка отшатнулась:

– Как это вышло?

– Я работаю с деревом. На работе застряла, а я не заметил. Я пойду в машину. Окажу себе первую помощь, - она не ответила на улыбку и схватила меня за руку.

– Вы вор?

– Что? Нет, господи, что вы говорите?

Кровь капнула на пол.

– Знала, я знала, что это плохая история с Авито, я знала, - ее легонько затрясло, - Извините. Извините. Я просто испугалась. Извините.

Она отпустила меня.

– Давайте я перебинтую. Здесь же есть бинт, наверняка есть бинт. Я знаю.

– Нет, - мне пришлось рывкнуть на нее. Нагрубить этой хорошенькой девушке, - извини, пожалуйста.

Во дворе мужчина прикуривал от черного Мерседеса белый Порш Каен. Он проводил меня озадаченным взглядом. Похоже не получалось.

Трамвай проехал мимо зданий военной академии. Все окна выбиты. Шутники этой ночью написали на стене огромными корявыми буквами: «Нет челки – нет телки».

Лучше вернуться к приложению «Авито» на телефоне. Тонны просмотренных объявлений о продаже мебели. Я научился фильтровать их с первой фотографии. Если мебель старая, добротная, а на полу советский паркет, то вполне возможно, что там есть и иконы. Никто не выставляет их на продажу. Не потому, что их берегут, просто не принято. В стране другой дискурс – продажа иконы порицается. Но когда родственники избавляются от мебели, они и их продают. Главное - предложить цену и не носить галстук.

Чтобы купить икону, нужно выглядеть, как гуманитарий. Никто не продаст семейную реликвию человеку в костюме или с серьгой в ухе.

– Привет! – меня похлопали по плечу и я обернулся.

Соседка Марина улыбалась мне снизу вверх. Трамвай качнулся на повороте и она со смехом плюхнулась на меня.

– Что делаешь? – она заглянула в телефон, - выбираешь мебель?

– Да так. Смотрю рынок. Ищу антиквариат.

– Ого, как интересно.

– Да нет, ничего интересного. Даже муторно, - я отодвинулся от нее назад.

У нее явно были нарушения с зоной комфорта. Она снова придвинулась ко мне вплотную, так, что я чувствовал потускневший мятный вкус жвачки.

– У тебя так тихо всегда. Тебе моя девочка не мешает? Она фанатка классической музыки.

– Да, я заметил. У нее хороший прогресс.

– Такие тонкие стены, а тебя совсем не слышно. Давай я как-нибудь загляну к тебе в гости? Ее любовник недавно ушел и теперь Марина ищет нового опекуна для старшей дочери, младшего сына, но прежде всего для себя и не важно, что я на пять лет моложе ее.

– Выйду на этой остановке. Хочу пройти через церковь.

– Все-таки зайду. Ты знаешь, я неплохо готовлю, - она помахала мне в след. Зря оглянулся.

– Ну а что? - Петрович, местный бомж с перевязанным грязной повязкой глазом, хрипит весь, - вот реставрация, реставрация. А кому от этого хорошо? Весь храм в лесах. Кому он нужен в лесу? - он крякнул, довольный каламбуром, - меньше верующих, меньше денег. Ну а что? Вот бабка одна, совсем убогая, ну ты знаешь, сидела тут с краю с лотком из-под курицы. Я говорю, шапку брось. Кто тебе в лоток подавать будет? Дура что ли совсем. Из-под курицы. Значит деньги есть. А денег нет. Людей то мало ходит. Вот и загнулась. Ну а что? Я проморгал. Глаз то один, - он снова крякнул, - Тут колокол почистили с химией. Вода вся стекла и не замерзает. Я утром прихожу, а во дворе собаки валяются. Целая стая. Воды напи-

лись. Шесть их что ли было. Все сдохли. Не учуяли, - он опустил голову и потускнел, - вот и думай, что хорошо, а что плохо и где в это время был бог, - Петрович замолчал, повязка на глазу увлажнилась - хоронили потом.

Алло? Вы где? Подъезжаете? Ну все! Хорошо! Я уже на месте. Жду.

Проходите, можно не разуваться. Видите, как тут у нас. Ремонтировать все нужно. Паркет думаю оставить. Сейчас это модно ведь. Правда?

Девушка, похожая на актрису, провела в комнату. Вот. Диван может быть нужен? Вообще здесь все продается. Вот сервант.

Господи, не может быть. Ладони мгновенно вспотели. Так бывает, когда видишь сияние, чувствуешь первое весеннее солнце, а его нет и сияния нет, есть только далекое воспоминание о счастливом детстве. Вот такая это была святыня – на тумбочке стоит в углу. Простая, как три рубля.

Притворный кашель поднялся во мне. Для убедительности я согнулся пополам:

– Кха-кха, принесите воды.

Девушка нахмурилась и торопливо ушла включать воду в туалете.

Черная вся. Едва проглядывает изображение святого. Размашистые ангельские крылья. Фон уже не разглядеть. Креститель?

Доска старая, разошедшаяся. Повернул - сзади почерневшая. Достал булавку соскреб немного с трещины.

Женщина зашумела на кухне.

Опустил булавку в пробник. Реагент остался чистым. Не может быть.

Точнее тут не скажешь. Где-то тридцать пять, на двадцать пять. Хорошая иконопись. Давно таких не встречалось, очень давно. Одну позолоту видно. И то черную. Кострома? Похоже, что Кострома. По сюжету век 17тый. Я отошел к окну, повернул на солнце. Точно креститель. 17 век.

– Вот, возьмите.

Стою, смотрю на икону. Взял стакан и выпил залпом. Миллион. Не меньше. Может быть полтора.

– А что это за икона у вас такая?

– Вы знаете, у меня прабабушка вообще еврейка была. Но мы с ней мало общались. Моя бабушка в штаты эмигрировала. Я вообще там родилась. Нет, нет, мама за русского вышла. В начале девяностых. Брайтон бич – вот это все – тогда сами знаете. Прилетел, женился, увез. Так что я больше в Москве. И вот. Ну вы понимаете. Двоюродная бабушка умерла. Я кивнул.

– Конечно, я знаю, диван и это все мелочи. Ничего! Я выкину. Но трюмо то реально шикарное. Мне такое не нравится, но не мусор же? – она поправила волосы за ухо и потупила взгляд, - А от мебели надо избавиться. Так квартиру продавать легче. Я еще думаю, может себе оставить? И паркет этот... не знаю в общем, - она заглянула мне в глаза и улыбнулась, - я много болтаю, да? Но с вами легко как-то.

Я терпеливо кивнул. И снова перевел ее взгляд с себя на икону:

– Вы знаете что это? Это дорогая вещь. Я ее у вас за семьдесят тысяч могу купить. Вы подумайте.

– Семьдесят?

– Да, семьдесят. Я вас не тороплю, вы подумайте. Я знаю, как неверующие относятся к таким вещам. Вы ведь неверующая? Так вот, семьдесят тысяч – это хорошие деньги. Поживете тут, подумаете, что с квартирой делать. Оставлять или нет. Город посмотрите. Вдруг понравится?

Она украдкой провела ладонью по шее, убрала волосы.

– И трюмо хорошее. Вы цену поднимите. Я разбираюсь. Но я лучше икону куплю. Подумайте денек. Телефон есть.

Тут главное не услышать «нет». Девушка замороженно кивала, потом попросила проводить ее до такси.

– Вы завтра приезжайте, - улыбнулась она, - Я вам точно скажу все.

– Завтра не могу, извините.

В дверь настойчиво постучали. Черт, Марина. Это точно она. Притворился что нет дома, затих в прихожей. Дверная ручка повернулась. Ну да. Конечно. Забыл закрыться! Дверь с жестяным лязгом распахнулась.

– Привет! – сказал я, - как раз шел открывать.

– Ой помоги мне, - она вползла боком, в руках прозрачная кастрюля для микроволновки, - внутри друг на дружку уложенные голубцы.

Голубцы. Серьезно?

– Отгадай загадку? – она наступила на задник кроссовка, стянула, - Мясо, завернутое в овощ. Что это? Мужик в коме! Хахаха – нервно засмеялась, стянула второй кроссовок, - извини, я когда волнуюсь, как ляпну что-нибудь. Ну? Куда идти? Ой, а чем у тебя пахнет так? Ремонт что ли делаешь?

Я поспешил закрыть дверь в комнату:

– Да, там ужас, пойдём на кухню.

Она передала мне кастрюлю, открыла дверь и заглянула. Эта краска может сбить с ног кого угодно. Но только не Марину. Она зашла в комнату и очаровано огляделась. С нескольких мольбертов на нее смотрели лица святых. Разведенные краски воняли в полную силу. Последняя отреставрированная работа была на самом виду – 18 век. Аккуратно переступая через краски, она подошла к иконе вплотную:

– Господи, они же сотни тысяч стоят, да?! Откуда они у тебя?

– Правильно. Прежде всего Господи, - я кивнул ей, но она не поняла, - вот эта бандитская. И вот эта. И та, на полу, - мы повернулись к первой, - Они же тоже люди. Но люди прежде всего жестокие. Как и все истинно верующие. Тех, у кого не было икон – перебили. У кого есть – остались живы. Их, конечно, по-другому теперь называют. Бизнес. И прочее. Я тоже плохой человек. Но я стараюсь исправиться.

Отреставрированная сюжетная икона светилась, отражая свет окна.

В лицах не будет глубины, пока краска не даст им глубину. Лица людей отличаются от лиц святых, потому что они од-но-мер-ны. Нанеси сначала один слой охры. Затем второй. Затем третий и четвертый. Пока

лик не станет святым. Свя-тым! Я тебе открою страшный секрет. Иконы пишут обычные люди. Поэтому принимайся за дело.

– У тебя что там? Голубцы, - кастрюля по-прежнему была в моих руках, на Марину медленно спускалась благодатная оторопь, - пошли поедим. Тебе больше нельзя ко мне приходить. Извини, пожалуйста.

Петрович сидел на обычном месте у храма, в фуфайке поверх куртки. Глаз замотан свежей тряпкой. Смотрит в ноги и бормочет. Петрович, говорю. Ау, Петрович. Бывает его заклинивает.

– А я что? – глаз поднял один и смотрит.

– Петрооооович. Это я.

– Ты что ли?

– Я что ли.

– А я что? - так до бесконечности можно, но где-то на половине он все-таки приходит в себя. Для убедительности лучше положить монету. Чтобы звякнуло и Петрович запустился, как автомат.

– Держи пакет. Аккуратно держи.

Он взял пакет. Ладонь в черной рабочей перчатке.

– Опять что ли? Петрович то, Петрович се. А я чего? Меня в прошлый раз бить хотели. В милицию хотели везти! Где взял, где взял! А я что?

– Неси давай. Пакет передашь Батюшке, понял? Сейчас неси. Я смотреть буду. Только Батюшке передай. Он разбирается. Будешь для них как святой, Петрович. Они за тебя молиться будут. Иди давай.

Он тяжело поднялся, убрал мелочь в карман, взял пакет и пошел за ворота. Я проследил, чтобы он постучался в дом Батюшки, а когда тот открыл, передал пакет. Батюшка взглянул внутрь, открыл дверь шире, впустил Петровича. Хоть накормит.

Хочешь рисовать «древние» иконы, будь добр, используй истинные краски. Азурит – карбонат меди. Багор – из червеца. Белило – на свинце. Охра – земляная краска. Навсегда запомните! Вдолбите в свои головы.

Когда уходит одна святыня, на ее место всегда возвращается другая. Это понятно?

– Алло? Алло? Это Александра, помните? Вы еще мебель приходили смотреть, а я вам наплела всего, про прабабушку там. Про эмиграцию. Знаете, мне и правда ни к чему эта икона. Только я не могу ее продать так дорого. Она же черная совсем. Можно на ты? В общем, знаешь что? Давай поужинаем сегодня? Я ее с собой возьму. Ну а там...как пойдет.

Священнослужитель в черных одеждах с черным дипломатом, украшенный одним лишь золотым крестом на большой цепи и седой давно нестриженной бородой зашел в приемную, ни слова не говоря секретарю, остановился у двери и подождал пока ее откроют. Чиновник тепло поприветствовал священнослужителя.

- Артур Винаминович, отложим! Я ведь не по своей прихоти к вам хожу, а по наставлению архиерея, ставленника апостолов, да по воле божьей и во благо епархии. А уж она богата историей на этих землях и не нам с

вами решать, где эта история продолжится дальше и не жителям мирским, а верховному духовенству. Церковь широко ценит ваш вклад. И в ваших силах нам помочь, как помогали вы уже неоднократно. И в этом ваша прямая ответственность и доблесть и крест. Переубеждать нерадивых, ибо не ведают что творят, да содействовать делам епархии. Нет, нет. Не перебивайте! Добро всегда должно награждаться, а праведные люди быть под присмотром. Поэтому и вам кое-что на благочистивое попечение остаться должно. Обращайтесь аккуратно с этой святыней. Ей нет цены. Икона эта восемнадцатого века и появилась на земле нашей буквально чудом, то есть из ниоткуда. Храните ее, а она будет хранить вас. И о деле своем не забывайте. То что должн`о случиться, того не миновать. И что должно быть построено, то построено будет. И воздух там наполнится дыханием молитвы. В этом ваш путь земной и долгая служба в администрации. Да будет так.

ТЫ ДОЛЖНА БЫТЬ ТАКОЙ КАК ВСЕ

Ты должна быть такой как все. Мать, перебирала одежду Крис, отделяя зерна от плевел. Если можно было придумать более садистский способ вторжения в хрупкий мир дочери, то мать тут же реализовала его. Для усиления контроля. Чтобы сторожевые псы оставались голодными. Чтобы ворота Трои были вечно закрыты, она убирала юбки выше колена. Она убирала юбки до пят. И куча слева, росла как голгофа. Туда же отправлялись топы кислотных цветов, черные майки, клетчатые ковбойские рубашки. Эти джинсы слишком расклешенные. Эти брюки недостаточно широкие. На кого ты похожа? Ты должна быть такой как все. Мать фильтровала заколки, отбирала бижутерию и затем переходила на косметику. С этим просто: тюбики, кисточки, флакончики просто исчезали, все без остатка.

– Мама, я взрослая женщина.

– Завтра в церковь, – отрезала маленькая сухая женщина и закрыла дверь с другой стороны.

И Крис оставалась посреди выпотрошенной как ритуальное животное комнаты одна. С пустыми клетчатыми сумками. С опустошенным чемоданом на колесах, из которого вывалился язык белой блузки. С пустой косметичкой, где осталась зубная щетка и нетронутый пробник французских духов из парижского торгового центра.

– Ты должна быть такой как все, – причитала в другой комнате мать, – такой как все. Господи, путь зла – прямая тропа. Я сама видела, как приезжая девочка, дочь той недалекой дикарки, что живет за мельницей, вышла на центральную площадь перед гастрономом и поправила волосы.

Она поправила волосы, а ее колени были открыты, ее руки были открыты и шея с маленькими синячками была гола. Ее забили камнями, как животное, которое болеет бешенством и брызжет слюной. Я сама это видела. Она лежала не в силах подняться, и, как к больному, зараженному животному к ней никто не подошел.

– Она напуганная женщина, она всегда такой была, – говорила Кристина, – это не ее вина, это не моя вина. Когда она была в моем возрасте их насаживали на нравственность, на лишение, на несчастье. И вот такими они стали. Это не моя гордыня, это не ее глупость. Никто не виноват.

Так Кристина прощала мать. Так говорил с ней бог. И она молча, смиренно поджав колени под живот, пыталась заснуть на большой, но все-таки детской кровати.

ШОРТЫ

(короткие рассказы без начала и конца)

Она всегда вставляла «почти» - как лазейку чтобы улизнуть.

- Вот вдвоем живут тут, ну как, скорее двое почти вдвоем живут, слышишь?!

Показывает вверх.

Носила свое «почти», как Джери мышь, будто его можно прилепить к основанию плинтуса и сбежать из любого своего утверждения.

- Они может быть не женаты, но, ты знаешь, я в курсе почти всех новостей, я живу в этом доме давно, и, ты знаешь, они...ведь они почти разошлись...

И она прислушивалась к тому, что происходит на потолке. Старая одинокая молодая женщина, засохшая как корочка хлеба, оставленная на столе.

Они всегда забывают свои вещи. Бесконечные заколки, расчески, резиночки, фенечки, сережки. Полная вселенная женского поп-арта: совы, рыбки, перья. Золото, серебро, кость. Индийские и индейские украшения. Инфантильный кислотный пластик.

Они оставляют все: пиджаки, зарядки, сотовые телефоны. Уходят без сумок и рюкзаков.

В прихожей остаются шарфы и шапки, одна перчатка, иногда даже пара. Они забывают сигареты на балконе, газовое месторождение зажигалок.

Они приходят и уходят, аккуратно прикрывая дверь. Эти артистичные девчонки - настоящий ураган, стихийное бедствие. Заявляются с короткого ночного звонка, одной кривой смс.

Они забывают колготки в ванной, носочки, иногда пару, а иногда даже один. Часы и браслеты. Уходят в футболках, оставляя взамен водолазки и блузки.

Единственное что они не забывают - это голову, никогда не забывают голову, когда раз за разом приходят только на одну ночь.

Даже когда сетчатка отслоилась он продолжал вязать, его руки, руки прежде всего мужчины механически точно отбирали петли. Он отводил спицу захватывал нить и протягивал ее через маленькую, неощутимую лазейку, извлекая из пустоты полотно, ряд за рядом.

- Или вот помнишь, раньше, когда спрашивали, «ты на чем сидишь?», в ответ можно было услышать такой космос всего, составить химический атлас, узнать все о нейромедиаторах или внутренней солнечной системе изотерических наркоманов. Теперь, «ты на чем сидишь?» и в ответ только «на Android» или «на ios».

Его спицы были всегда точны и экономны: даже когда перестал видеть, он мог дважды уколоть всего одним высказыванием.

Зимой она редко выходила из дома и всегда отправляла мне списки продуктов в «телеграмме».

Списки продуктов – интимные и красивые, как изысканная поэзия без художественных средств.

Виктор Непомнящих, 20 лет, студент

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

С первыми лучами солнца Антон Павлович открыл глаза, чтобы вновь почувствовать свое забытое существование в этом мире. Но как не странно, его это нисколько не тяготило. Он широко улыбался и, словно маленький ребенок, которому предстоит еще многое узнать об этом мире, радовался каждому Божьему дню. Антон Павлович не спеша поднялся с кровати, и его уставший от жизни взгляд встретился с небольшой фотографией в рамочке, которая в полном одиночестве стояла на поверхности тумбочки. На этом снимке был изображен стройный, еще в полном расцвете сил, сильный юноша со своей горячо любимой женой. Наше свадебное путешествие. Ох, как же мы тогда были счастливы, казалось, это никогда не закончится, но война решила иначе... Мне тебя так не хватает Настасьюшка... Время идет так медленно, когда нет любимого человека рядом. Сегодня мне уже исполняется 98 лет и поверь мне, не было ни одной секунды чтобы я не вспоминал нашу первую встречу, когда Господь воссоединил два пылающих сердца вместе. Отца и мать убили пока я воевал на фронте. Только Отцу Небесному теперь и нужен. Увы... жизнь порой бывает несправедлива и беспощадна. – так каждое утро разговаривал Антон Павлович со своей женой, обращаясь к старой фотографии. После недолгого каждодневного монолога старик протянул руку в сторону настенного календаря, чтобы сорвать еще один прожитый день. Вместо черной невзрачной восьмерки, появилась красная торжественная девятка. Антон Павлович посмотрел на часы, которые стояли на дальнем круглом столике и принялся собираться на ежегодный парад посвященный долгожданному дню победы. Немного перекусив хлебом и водой, старик направился к пыльному деревянному шкафчику, где каждый год, в одно и тоже время, ждала своего часа чистая, увешанная заслуженными орденами и медалями - военная форма. Среди всех наград особенно выделялись своим блеском: Орден «Боевого красного знамени»; орден «Красной звезды» и орден «Отечественной войны»; медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза; медаль «За боевые заслуги» и медаль «За взятие Берлина». Через короткий промежуток времени сверкающий военный китель сидел уже на плечах Антона Павловича и дожидался выхода на свежий воздух. Входная дверь захлопнулась и Антон Павлович маленькими шагами, опершись на твердую трость, двинулся к парадной площади. Несмотря на то, что старик рисковал собственной жизнью, бросался не раз под пули, только бы будущее поколение увидело вместо черного задымленного купола - чистое и ясное небо, старика никто не замечал. Будто бы он и вовсе не существует. На его глазах выступили слезы не столько от усилий, которые он прикладывал для того, чтобы снова ощутить радость победы, побывав на параде, сколько от терзающей его душу, обиды. Каждый сделанный им шаг равнялся подвигу, а каждый вздох мог для него стать последним

глотком воздуха. Война научила Антона Павловича на половине пути никогда не сдаваться, но всегда идти до самого конца, до победного крика, не жалея своей жизни. Так, выжимая из себя последние силы, старик достиг парадной площади. Повсюду играла громкая музыка, пытаюсь выразить ту малую частичку безграничной радости, которую Антон Павлович испытал, услышав в далеком 1945 году радостное восклицание: «Мы победили!». После парада Антон Павлович по своему обыкновению шел к каменной плите, на которой были увековечены имена погибших героев. Вот мы снова и встретились, мои родненькие. Все вы спокойно уже спите, один я еще дышу земным воздухом. Ванька – лучший друг с соседнего села, ушел на фронт и не вернулся. Гена – вместе были в плену. Испустил дух после последнего бесчеловечного допроса. А вот Серега – был убит за год до того, как мы взяли Берлин. – так, стоял старик на коленях и со слезами целовал навечно высеченные в его сердце имена, разговаривая со своими бывшими товарищами. В одно мгновение время для Антона Павловича остановилось, он последний раз согрел своим теплым дыханием каменные буквы, и навеки воссоединился с ушедшими героями...

РАССКАЗ «ЭЛЕКТРОННАЯ БОЛЕЗНЬ»

Исполнение прихоти

Детство восьмилетнего мальчика Вани, как и у всех дворовых мальчишек пролетало с неизмеримой скоростью. Утром он ходил в нелюбимую школу в которой его насильно заставляли учить неудобоподобные математические формулы и вечно неразрешимые примеры. Однако, не все еще было потеряно. Он до безумства любил рисовать, и уже в шесть лет положил начало своей творческой способности, перерисовав с тетрадной обложки, - необычного робота. Вечером, Ваня часами пропадал на улице, и лишь изредка забегал домой, чтобы закинуть в рот неровно – отрезанный кусок белого хлеба со сливочным маслом, и теперь уже наполненный детским бесценным счастьем, бежал снова во двор к своим друзьям, которые его ждали на коробке. Каждый долгожданный вечер, Ваня и его ровесники собирались на небольшой площадке, покрытой асфальтом, где происходили ежедневные футбольные матчи. Казалось, беззаботное детство так никогда и не закончится, и весь свой незабываемый путь пройдет на веселой ноте, но к несчастью, все изменилось с появлением в 2003 году новых электронных технологий. Знаменитая финская марка анонсировала свой первый телефон с сенсорным управлением – "Нокиа 7700". Перед Ваней возникло новое непреодолимое желание – во что бы то не стало стать полноправным владельцем этой новой игрушки. На тот момент Ваня уже учился в 6 классе, и хоть не так успешно, как его одноклассник - Игорь, но все же он старался чтобы маму как можно реже вызывали к директору. Несмотря на свое беспримерное поведение, страстное желание заполучить навороченный телефон его никак не покидало. Усугубляла же всю эту итак неприятную ситуацию одна большая загвоздка: «Где он возьмет денег, чтобы его купить?». Напряжение все сильнее набирало обороты и

достигло своего апогея за семейным ужином, когда Ваня осмелился озвучить свою просьбу родителям:

- Mam, пап, вы просили меня подумать, что я хочу на свой день рождения? Так вот, я решил.

- И что же? – хладнокровно пробурчал папа, поглядывая из-под бровей на сына.

- Гена передо мной сегодня похвастался своим новым телефоном – «Nokia 7700», который ему недавно купили. Я себе хочу такой же.

- А сколько он стоит, ты уже узнавал? – заинтересовалась мама.

- Шестьдесят пять тысяч!

У отца от такого ответа еда комом встала в горле, отчего он незамедлительно побледнел и чуть не поперхнулся.

- Об этом не может быть и речи! – уверенно отец поставил точку на всем желании сына.

- Но пап, он такой крутой! Стоит только провести пальцем по экрану, как все внутри оживает. Если вы его мне не купите, я убегу из дома! – выставив наружу свой каприз, Ваня заплакал и затопал ногами.

- Москва слезам не верит! – сказал отец, ничуть не сожалея о своем решении, и тотчас направился в зал.

Ваня был в полном расстройстве от такого исхода событий. Он, конечно, понимал что из-за его поведения в школе он не то что не достоин такого подарка, но даже думать об этом ему не было смысла, но все же он надеялся на хоть какое-нибудь снисхождение со стороны родителей. Все мечты рухнули. У меня никогда не будет этой удивительной техники, - отчаянно рассуждал про себя Ваня. Сынок, успокойся, кажется, у меня для тебя есть интересное предложение.

- Какое? – ободрено воскликнул Ваня.

- Ты телефон хочешь? – спросила мама, посмотрев на сына серьезным вопросительным взглядом.

- Конечно, хочу! Я без него жизни не вижу!

- Тогда слушай. До конца учебного года осталось около трех месяцев. Если, ты за это время исправишь все свои плохие оценки, и учителя будут тебя только расхваливать, то будет тебе счастье. Я тебе его куплю.

- Правда? Мама, я так тебя люблю! Я знал, что ты поймешь мои страдания. Обещаю, что с завтрашнего дня я начну получать только одни пятерки!

Если читатель дочитал до этого момента, то ему, вероятно, будет интересно узнать, каких успехов добился Ваня в своем предприятии? Надо сказать, что Ваня за эти три месяца старался не покладая рук. Отныне, он свой распорядок дня полностью изменил: никакой улицы и никакого футбола; после школы сразу домой; большую часть времени проводить за учебниками и отбой строго в 10 часов вечера. Распланировав все до мельчайших деталей, вплоть до того, когда и в какое именно время нужно принимать пищу, Ваня достиг желаемого результата. Теперь в его руке лежал тот самый – «Nokia 7700», который он так стремился заполучить. Цель была достигнута.

Неизвестная болезнь

Ваня находился на двухсотом небе от счастья. Наконец – то, наконец – то! – не переставал он про себя повторять. Ему еще не верилось, что это происходит именно с ним. Эта желанная радость пронизывала все его тело, каждую клеточку его организма, словно, пытаясь вырваться наружу в виде ослепительного света. Вместе с посеянной радостью, в его уме и сердце стало развиваться нечто иное, совершенно несвойственное человеку, как Образу Божию. Ваня еще этого не совсем понимал, но оно уже давало свои плоды. Он ограничил себя в общении, стал раздражителен и мало кого к себе подпускал. Все его внимание теперь забирал этот электронный идол, увлекая все глубже и глубже в свой душепагубный мир. Постепенно Ваня невольно начал забывать обещание, данное маме в благородном порыве, пару месяцев назад. Друзья не один раз к нему приходили, надеясь хоть каким-нибудь образом отвлечь его от злополучного телефона, но все было напрасно. Ваня заболел еще неизвестным доселе врачам недугом, который проявлялся в нездоровой зависимости от святящегося экрана. Однажды, когда Ваня уже который час находился в своем иллюзорном мире, к нему пришел не так давно мною упомянутый одноклассник – Игорь, и попытался ему напомнить, что от него уже отвернулись почти все друзья:

- Вань, ты меня слышишь? – обратился к нему Игорь, когда тот сидел на мягком объемном диване, вовлеченный в придуманный мир иллюзий.

- Слышу, слышу, говори. – ответил Ваня, даже не удосуживаясь поднять наверх глаза.

- А ты в курсе, что с каждым несчастным для тебя днем, ты теряешь своих самых лучших друзей?

- И что?

- Как что? – возмущено спросил Игорь, - никто больше не хочет с тобой общаться! С того момента, как тебе купили эту проклятую штуковину, ты стал сам не свой. Что стало с тем непредсказуемым и веселым Ваней, который учился со мной с первого класса? Где он?

- Блин! Сгорел! Теперь всю игру надо с самого начала начинать. Вот видишь, что ты наделал? – начал показывать Ваня свой новоприобретенный характер. – Какая разница, есть друзья или нету? Теперь у меня один друг, который в отличие от некоторых от меня никогда не отвернется.

- Нет, ты точно болен, - констатировал Игорь печальный факт, - слухи не врали. Ваня, если ты сейчас не оставишь эту доводящую тебя до сумасшествия игрушку, то ты лишишься последнего своего друга.

- Да катись ты хоть на все четыре стороны, только оставь меня в покое!

- Это твое последнее слово?

- Да!

- Тогда прощай! – сказав это, Игорь незамедлительно повернулся на девяносто градусов и стремительно направился в сторону выхода.

Ваня потерял своего последнего друга, который, как и все, кто был до него, желали ему только добра.

Татьяна Односторонцева, 33 года, химик-технолог

РАССКАЗ

Два потрепанных временем фонаря едва освещали пустынную улочку на окраине города. В этот поздний час жители предпочитали проводить время в уютных креслах за своим любимым развлечением - просмотром телевизора. Однако иногда здесь все же можно было встретить одинокого прохожего.

Невысокая хрупкая девушка на мгновение остановилась, поежившись от ветра, приподняла воротник пальто и поспешила по явно хорошо знакомой дороге. Быстрый цокот каблуков эхом отзывался среди каменных стен. Быть может, она торопилась домой? Или заметила две фигуры, скрывающихся в тени зданий и тайком следующих за ней?

Девушка сделала еще несколько шагов, оглянулась, и вдруг свернула в совершенно темный переулок. Преследователи замешкались совсем ненадолго.

Раздался выстрел... Затем еще один. Где-то вдалеке залаял пес. Жители ближайших домов с любопытством прильнули к окнам, наблюдая за убегающей девичьей фигуркой. Похоже, на ближайшую неделю у них появилась еще одна тема для разговоров.

Джил стояла на балконе, облокотившись на перила. Свежий утренний ветер ласково трепал и без того взлохмаченные короткие волосы.

Свобода. Всего одно слово, но как много оно значит...

В ясном небе пролетела ласточка, сделала круг над домом и скрылась из виду.

Эта птица свободна, потому что может лететь, куда ей угодно...

По тропинке в роще быстрыми шагами прошел мужчина. Руки в карманах классического пальто, голова опущена. Мужчина вынул мобильник из кармана и что-то стал объяснять в трубку.

Он лишь считает себя свободным, на самом деле находясь в клетке под названием «суета». Добровольно.

Неподалеку послышался приближающийся звук полицейской сирены. Джил сжала перила рукой и рассеянно улыбнулась.

Лишь недавно она поняла, что такое настоящая свобода. Свобода знать, что тебе и твоим близким больше ничего не угрожает.

Стоило Джил зайти в комнату, как птичьей трелью запел дверной замок. На первом этаже послышались шаги.

- Кто там? – звонкий мальчишеский голос на первом этаже. Еще какие-то голоса, жесткие, грубые, но слов не разобрать. Джил спустилась вниз по деревянной скрипучей лестнице.

- Сначала нам нужно увидеть саму мисс Морган, - обрывок фразы, произнесенной широкоплечим полицейским, не оставил никаких сомнений. Джил догадывалась, что рано или поздно это случится, вот только хотелось бы попозже.

- Это не сложно, - тихо проговорила Джил.

Сложнее объяснить все происходящее, особенно пятнадцатилетнему Тедди. Эх, братишка, сейчас ты вряд ли поймешь. Быть может потом, когда станешь старше.

- Джил, зачем ты им понадобилась? – При ярком солнечном свете Тедди выглядел совсем ребенком, несмотря на рост и комплекцию баскетболиста. А все из-за веснушек, которые он терпеть не мог, а вот Джил считала их очаровательными.

- Думаю, всего лишь маленькое недоразумение, братишка. Не бери в голову, лучше приготовь нам чаю, хорошо?

Тедди перевел взгляд с полицейского на Джил, замер в нерешительности, затем пожал плечами.

- Ладно, но после этого ты все мне расскажешь.

Когда-нибудь, позже... возможно... когда все закончится. Джил натянуто улыбнулась.

Стоило брату скрыться за дверью, Джил протянула полицейским обе руки.

- Можете надевать на меня наручники, вы же для этого сюда пришли?

Один из мужчин, седой, несмотря на молодость, казался озадаченным такой готовностью. Однако широкоплечий тут же защелкнул на запястьях девушки наручники.

- Мисс Морган, вы арестованы за убийство Джона Макдауэла и Ирвина Рэтчета. Вы имеете право...

Джил даже не слушала стандартных заученных фраз. Лишь обернулась и посмотрела на окно кухни, когда ее выводили из дома. Расстроенный Тедди что-то крикнул вслед, вот только услышать его сквозь стекло было невозможно.

В комнате для допросов было холодно. Слишком холодно и сыро, словно в подвальном помещении. Джил обхватила себя за плечи и уставилась на носки ботинок следователя. Все равно смотреть в этой комнате было совершенно не на что, кроме пустых стен, стола и двух жестких стульев. И следователя, который, похоже, не испытывал тут никакого дискомфорта.

- Надо же, такая милая мордашка. Даже не скажешь, что принадлежит убийце.

Совершенно бесцветный, равнодушный голос с металлическими нотками. Карие глаза внимательно смотрели на Джил, словно пытаясь прочесть все без слов. Девушке оставалось лишь усмехнуться.

- Не ожидала такого комплимента, но спасибо.

Следователь поставил диктофон на стол и нажал на кнопку записи.

- Итак, мисс Джиллиан Морган, как вы на такое решились?

- Они были негодяями.

На самом деле это было самое точное описание причины ее поступка. Вот только следователю, похоже, одной фразы было маловато.

- Такое я не раз слышал в этой комнате. Суду понадобятся подробности.

- Как хотите, - Джил пожал плечами. - Только предупреждаю, это будет долгий рассказ.

- Ничего, я не спешу.

- Все началось с телефонного звонка.

- Звучит, как начало дешевого романа, - все с таким же равнодушным видом попытался пошутить следователь.

- Сама знаю, и все же...

Ясный и жаркий день. Ветер, дующий в столовую через настежь распахнутое окно, приподнимает края яркой цветастой скатерти. За накрытым столом собралась вся семья: пятнадцатилетняя Джил, еще совсем маленький Тедди и их отец, погруженный в чтение свежей газеты.

Тедди болтает под столом ногами, задевает ногу Джил. Джил бросает на Тедди недовольный взгляд и продолжает есть. Тогда Тедди отщипывает от куска хлеба мякиш, быстро скатывает его в шарик и кидает в Джил, за что получает подзатыльник от сестры.

- Ты чего дерешься? - обиженно взвизгивает мальчик. - Па-ап, она дерется.

Лишь начинающаяся семейная склока заставляет отца приопустить край газеты и строго взглянуть на детей.

- Для баловства у нас есть другие комнаты.

И снова бумажный лист отгораживает мужчину от остального мира, оставив видимой лишь рыжую кудрявую шевелюру. Тогда Джил приподнимается из-за стола и выхватывает у отца газету.

- Читать тоже можно не здесь, - с этими словами Джил отбрасывает газету в сторону. - Пап, ты не так уж часто обедаешь дома, так проведи это время с нами.

Отец всего пару секунд удивленно смотрит на нее, но потом его лицо озаряет теплая улыбка.

- Ты права. Ваша мама сказала бы то же самое, так что...

Раздавшийся телефонный звонок не дает ему договорить.

- Я сейчас, вдруг это что-то важное.

Джил лишь разводит руками. Что поделать, такова работа офицера полиции. Однако она из любопытства подходит к оставленной чуть приоткрытой двери и прислушивается. На попытки брата пристыдить, что подслушивать нехорошо, Джил прижимает палец к губам.

- Хорошо... да, сумма устраивает. Я перезвоню, - приглушенный голос отца почти не разобрать.

Джил быстро садится обратно за стол. А вернувшийся в столовую отец, кажется, сияет ярче дневного света.

- Parlez vous français?

Тедди звонко смеется.

- Па, у тебя ужасный акцент!

- Зато у тебя такой проблемы скоро не будет, - мужчина взъерошивает волосы сына, такие же непослушные, как и его собственные. - Скоро у нас вообще не будет никаких проблем...

- Какая идиллия, - скептически хмыкнул следователь, слушая рассказ Джил.

Джил нахмурилась.

- Тогда мне тоже так казалось.

Следователь нетерпеливо постукивал костяшками пальцев о стол. Надо же, оказывается и его можно вывести из себя.

- И к чему мне все это знать? Не думай, что это разжалобит меня или судьбу.

- Я ведь предупреждала: история длинная. Но если не хотите слушать...

- Рассказывай, - на лице следователя вновь появилась маска безразличия.

- Тогда я не придавала этому значения. Но через несколько дней мы с Тедди вернулись из школы раньше обычного...

- Па-ап, мы дома! - привычным хором произносят брат и сестра.

Тедди бросает рюкзак прямо в прихожей и бежит наверх, не дожидаясь ответа. А вот Джил непривычное молчание озадачивает. Лишь прислушавшись внимательнее, она различает в гостиной звук нескольких голосов.

- Надеюсь, мы можем и дальше рассчитывать на твою помощь. Так ведь? – скрипучий мужской голос.

Джил отворяет дверь гостиной и останавливается на пороге, с интересом разглядывая сидящего в кресле рябого парня лет двадцати пяти и стоящего около него долговязого старика, чья лысина забавно поблескивала на солнце. Отец Джил нервно меряет шагами комнату. Заметив дочь, он останавливается, в глазах на мгновение виден испуг.

- Пап, ты не говорил, что у нас будут гости.

Отец выразительно смотрит на собеседников, и Джил кажется, что он вот-вот испепелит их.

- Они уже уходят. Так ведь?

Старик с готовностью кивает.

- Мы уже все обговорили.

Джил поеживается под изучающим взглядом рябого, который ехидно скалится неровными зубами.

- Симпатичная у тебя дочурка.

Отец сжимает кулаки, глядя на уходящих «гостей», и Джил становится еще тревожнее.

- Пап, кто они такие?

Джил опустила взгляд и замолкла. Вспоминать дальнейшее совсем не хотелось.

- Только потом я узнала ответ на этот вопрос. Когда было слишком поздно.

- Ну да, - краем губ усмехнулся следователь. – Они бандиты, для которых твой отец был информатором. За очень хорошую плату.

Джил захотелось расплакаться от несправедливости всего происходящего. Но нельзя, надо держать себя в руках.

- Он просто хотел, чтобы мы ни в чем не нуждались. А потом...

Весь день отец был сам не свой. Ладно бы просто тих и молчалив – он вообще был неразговорчив - но излишней рассеянности за ним раньше не наблюдалось. А сейчас вот сидит в кресле напротив телевизора и вместо пульта вертит в руке телефон.

- Пап, идем ужинать, все уже остыло, - а ведь обычно это он ровно в шесть вечера звал детей поторопиться к столу.

Отец словно бы не слышит слов Джил. Тогда она присаживается рядом посмотреть, что так расстроило отца. Новости. Скууучно.

- Сегодня ночью неизвестными были убиты трое полицейских, чудом уцелевших во время вчерашней спецоперации, - вещает ведущий, одетый в костюм с иголки.

Отец неосознанно сжимает руку Джил, которую уже некоторое время держит в своей ладони. Джил вскрикивает от боли.

- Папа!

Отец, все так же не замечая ничего вокруг, проходит в свой кабинет и затворяет за собой дверь. Значит, все даже серьезнее, чем Джил могла подумать. Она подошла к двери и прислушалась.

- Райли! Райли, возьми трубку, - в тихом голосе отца чувствуется отчаяние. - Просто перезвони, как можно скорее. Я должен тебе рассказать... Я так запутался. Больше не могу... прошу, перезвони.

- Он собирался с этим покончить, - всхлипнула Джил. - Рассказать обо всем. Но они узнали... Можно мне воды?

Следователь как-то неопределенно пожал плечами, пробормотав: «И за что мне досталась такая подозреваемая?». Но повода отказать не было, так что буквально через минуту, когда Джил уже немного успокоилась, он поставил перед ней бутылку воды и одноразовый стаканчик. Вздохнул, вызвав у Джил невеселую усмешку.

- Со мной так скучно? Вы бы предпочли, чтобы я пыталась выкрутиться, а вы – поймать меня на лжи?

- Вообще-то да, - не стал лукавить следователь. – А так даже неинтересно тебя допрашивать.

Что ж, зато ответил откровенно.

- Уж извините, все-таки вам придется дослушать мой рассказ до конца.

Джил лежит на кровати, уставившись в потолок. Этой душной ночью ей совсем не спится. За окном слышится шорох. Джил поднимается, подходит к окну и видит, что две неясные фигуры крадутся через парк. На пару секунд свет луны освещает лицо одного из них, рябого, чей кривозубый оскал она еще долго не забудет. Едва не вскрикнув, Джил пулей летит в комнату отца, который с отсутствующим видом сидит при тусклом свете настольной лампы.

- Папа! Там... там...

Слышится звук открывающейся входной двери. Отец вскакивает с кресла.

- Прячься, быстро! – отец подталкивает Джил в сторону шкафа, не давая времени на возражения.

Почти в то же мгновение, как захлопывается шкаф, дверь спальни открывается, и на пороге показываются оба недавних «гостя». Лысый направляет на отца Джил пистолет.

- Жаль, ты оказался слишком ненадежным.

Гроном гремит выстрел. Джил в шкафу зажмуривается и сжимается в комочек...

Джил была не в силах остановить охватившую ее дрожь.

- Знаете, о чем я молилась с тех пор каждый день?

- И о чем же? - следователь скептически хмыкнул.

- Чтобы если снова случится беда, она обошла бы Тедди стороной, как тогда.

Следователь нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

- Эти двое расплатились сполна за то, что сделали.

- Отсидев пять лет вместо положенных двадцати? – голос Джил был полон негодования. - Считаете, это справедливо?

- Неважно, что считаю я. Раз их выпустили раньше...

- Раз их выпустили раньше, мы с Тедди больше не были в безопасности.

И когда в тот же день я снова увидела их, когда увидела, как они на меня смотрят, - Джил закрыла глаза и нахохлилась, словно озябший воробей. – Я поняла, что они не оставят нашу семью так просто. Ведь это мои показания помогли упрятать их за решетку. Но я была готова к встрече...

В коридоре слышались быстрые шаги. Дверь рывком распахнулась, и в комнату буквально влетел щеголеватого вида мужчина средних лет. Нахмурившись, он перевел взгляд с Джил на следователя.

- Уже допрашиваете?

- А вот и защитничек явился, - сквозь зубы процедил следователь.

Адвокат тем временем подошел к Джил, взял ее за плечи и внимательно посмотрел ей в глаза.

- Ты как, Джилли? Сможешь подождать минутку?

Джил пожалала плечами, но адвокату этого, похоже, оказалось достаточно. – Мне нужно перемолвиться словечком с мистером Картером.

- С удовольствием, мистер Райли, - прошипел следователь и с недовольным видом вышел в коридор вслед за адвокатом.

Если эти двое и хотели сохранить свой разговор в секрете, то им это не удалось – Джил все прекрасно слышала и через дверь.

- Тебе что, так трудно было дождаться меня, а уже после начинать допрос? - голос адвоката почти срывался в ультразвук. - Так не терпится запугать бедную девочку, чтобы она во всем созналась?

- Во-первых, эта «бедная девочка» убила двух человек, - жестко осадил его следователь. - Во-вторых, она вполне может сама решать, дожидаться помощи или начать говорить самой. А в-третьих...

- Довольно! Что она успела наговорить? Хотя это не важно. Если бы ты потрудился немного потерпеть, то узнал бы, что твоя подозреваемая не может отвечать за свои слова.

- Да неужели? Думал, ты придумаешь что-нибудь поинтереснее, чем невменяемость. Во время нашей милой беседы она выглядела вполне нормальной.

- Вот именно, выглядела. Она умеет фантазировать очень убедительно. – удивленная этими словами своего адвоката Джил сделала шаг назад и едва не упала, споткнувшись о ножку стула. - Но я друг ее семьи и знаю, что у Джил уже около трех лет большие проблемы. Антидепрессанты, которые вскоре перестали помогать. Потом наркотики...

- Вот как? – судя по голосу, следователь был озадачен не меньше самой Джил. - Судебный врач это проверит.

- Разумеется. А сейчас я хочу поговорить со своей подзащитной.

Не дожидаясь ответа, адвокат открыл дверь комнату допросов. Следователь хотел было зайти в комнату вместе с ним, однако адвокат преградил ему путь.

- Поговорить наедине.

Следователь равнодушно махнул рукой.

- Пять минут устроит?

- Более чем.

- И игрушку свою заберите, - адвокат кивком указал на лежащий на столе диктофон.

Когда следователь вышел, адвокат сел рядом с Джил и приобнял ее за плечи.

- Мне так жаль.

Джил всхлипнула, и адвокат прижал ее к себе. Затем, заметив стоящий на краю стола стакан с остатками воды, протянул его Джил. Девушке на мгновение показалось, что он что-то подсыпал туда. Умеет убедительно фантазировать, значит...

- Попей, тебе станет легче, - будто издалека донесся до Джил успокаивающий голос адвоката. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение. Осушила бокал залпом, снова всхлипнула.

- Мистер Райли...

- Я знаю, ты была очень напугана.

Джил вытерла слезы рукавом и отрицательно покачала головой.

- Они получили по заслугам.

- Жаль, что меня не оказалось рядом.

- Не оказалось. Как и в тот вечер, когда мой папа звонил вам.

Вдруг Джил ощутила, будто пол уходит у нее из-под ног, схватилась за край стола.

- Что такое? Голова кружится? - На мгновение на губах адвоката появляется улыбка. - Чувствуешь странную легкость, будто поднимаешься над землей...

Джил в ужасе отшатнулась, но адвокат успел ее поддержать и вновь прижал к себе.

- Папа тогда звонил только вам... нет, не может быть.

- Догадалась? Я боялся, что ты рано или поздно догадаешься.

- Но...

- Да, те два идиота работали на меня. Только кто же поверит словам наркоманки.

- Я не наркоманка! – попыталась возразить Джил, но заплетающийся язык помешал говорить внятно.

- Знаю, - снисходительно кивнул адвокат. - Но анализ крови покажет обратное.

- Вы мне что-то подмешали? – едва слышно пролепетала Джил.

В следующее мгновение дверь с грохотом открылась, и в комнате появился следователь в компании еще троих полицейских. Адвокат в недоумении перевел взгляд с полицейских на тихонько хихикающую Джил и обратно.

- В чем дело? Пять минут еще не прошли.

- Для тебя прошли, - следователь рывком поднял адвоката на ноги. - Джордж Райли, ты арестован по обвинению в преступном сговоре и организации убийства Оливера Моргана. И у тебя нет никаких прав, мразь!

- Но при чем тут я? Это же она – убийца!

- Джиллиан никого не убивала. Это все был спектакль, специально для тебя, - следователь кивнул Джил, та непослушными руками отцепила от манжета миниатюрное записывающее устройство и передала следователю. - Малышка Джил оказалась достаточно умна, чтобы давно тебя вычислить, Райли. Мы вместе разработали этот план, а ребята просто не могли отказаться помочь в таком деле. Ведь мы все уважали Оливера Моргана.

- За что? – адвокат был уже близок к истерике. - За то, что он продавал все ваши операции?

- Вранье! – Джил плюнула в лицо бывшему другу семьи. Она бы бросилась на него с кулаками, если бы следователь вовремя не остановил ее руку.

- Успокойся, Джиллиан. Он ведь не знает, что твой отец действовал по секретному заданию.

- Ему нужна была поддержка лучшего друга, - всхлипнула Джил, глядя на адвоката. - Ваша поддержка, мистер Райли.

Когда Райли, уже в наручниках, вывели в коридор, Джил больше не могла ни на чем сфокусировать взгляд. Ноги сами подкосились, и она рухнула на пол. Чьи-то заботливые руки усадили ее на стул.

- Не надо было использовать тебя, как приманку, - в голосе следователя слышалось неподдельное сочувствие.

- Ничего, я в порядке.

- А это уже мне решать, милочка, - грузная женщина в белом халате стала светить в глаза Джил маленьким фонариком.

«Зато теперь я по-настоящему свободна», - Джил счастливо улыбнулась.

Надежда Янович

ОБГУЗ ТКПБ 2050

(жизнь в России в 2050 году)

– И твое заболевание заключается в том, что ты рассказываешь знакомым и малознакомым людям все-все-все?

– Да, и это действительно удивительно – ни от кого не ждать зла и подвоха. Хотя я иногда и страдаю от этого.

Они гуляли по просторному, широкому парку. И одна из них с ужасом вспоминала, как ужасно это место выглядело не так давно – в 2009... А он не знал, он только что окончил ординатуру и работал в этой больнице первый год. И тем страннее ему казался этот случай. Но уже ушла назад эра нейролептических средств, теперь понятны стали этиология болезни, которая, как и болезнь Дауна, заключалась в генетическом коде человека. И уже ясно было, как исправлять генетический код в перинатальном периоде жизни человека. Так что теперь только что и осталось прогуливаться с такими вот шестидесятилетними старушками, которые родились до рождения ПДЧ (перинатального декодера человека), и понимать, что такие болезни остались только в прошлом и умрут вместе с ними. И очень жаль, что туберкулез еще не был побежден, что инфекционные болезни не поддавались лечению декодером.

– А Вы знаете – снова начала она – когда в двадцать лет мне поставили диагноз, я думала, это все. Что это конец, что у меня никогда не будет ребенка... Вы знаете, у меня тяжелая наследственность. Один мой дядя умер здесь от алкоголизма, другой покончил свою жизнь самоубийством. Мой отец алкоголик, бросил пить только в 50 лет после инфаркта, а моя сестра алкоголичка так и не смогла, к сожалению. Я боялась мужчин, считала, что любой способ забеременеть закончится для меня неудачей. Такие вот глупые мы бываем в 20 лет!!!

– А алкоголики – это кто? – осмелился спросить он.

– Ооооооо... это люди, которые очень сильно потребляют алкоголь. Неужели Вы не знаете, что такое алкоголизм? Так еще же и наркомания была!!!

– Алкоголизм... наркомания... – смущенно пробормотал он. Мы проходили это как историю. И как Вы жили тогда!

– Как жили, хорошо жили. У мамы дача была, 12 соток. А Вы знаете, я такой же вопрос бабушке задавала, когда узнала, что она родилась не в роддоме.

Они все еще шли по периметру психбольницы. На поржавевшем от времени заборе виднелся широко разросшийся плющ. И видно было, что

этот забор уже не нужен, что уже сама больница не нужна, что она морально устарела. Но ей предстояло еще прожить некоторое время, так как декодер был изобретен только 17 лет назад, значит, самым молодым шизофреникам было по 17 лет... И они вынуждены были лечиться устаревшими методами, но это уже подходило к концу. Они ничем не отличались от нормальных людей.

Красиво, какая-то бездумная красота творилась вокруг. И это было правильно.

ЗАПАХ СМЕРТИ

Джер сидела на Альго и опять летела в неизвестном направлении. Правда, теперь в ее жизни была цель, которой не было еще года два назад, но все равно... Эниты ничем особым не занимались, дрессировали зацеров и исследовали вселенную (может, когда-нибудь и пригодится), свято верили в легенду о пятнадцати разведчиках и жили в пещерах.

Два года назад Джер самым случайным образом напоролась на одних из пятнадцати, имеющих номер 13. Тогда же они переселили на хорошую планету всех неэнитов. Они жили вместе в любви и согласии, их было довольно мало, потому они не ссорились из-за территории и ресурсов.

Тогда же начальник высказал идею о возможности найти остальные 14 экипажей, может быть, они нашли планету еще лучше. Эта идея целиком и полностью занимала его, но выполнить поиск сам он не мог – мешал возраст. Известно, что эниты, достигнув определенного возраста, уже не могут потреблять энергии, но спрятаться от излучения практически невозможно. Престарелые эниты селились глубоко под землей и всегда держали при себе зацеров. Поэтому поисками занялась Джер, которой для этой цели пришлось слегка переучить Альго.

Альго теперь уже не был тем непослушным подростком. Он повзрослел, увеличился в размерах, пообщавшись с людьми, почти изучил звуковую речь, но главное – теперь он чувствовал чужое сознание, находящееся весьма далеко, так же хорошо, как сознание наездника, мог почуять расстояние до него, и то, что оно из себя представляет.

Ни Джер, ни даже ее начальник не пытались выяснить, почему Альго это может, а большинство других зацеров – нет.

Существует множество комбинаций сознания зацеров и наездников, но никто никогда не пытался составлять пары, наиболее подходящие друг другу. Зацер сам выбирал себе хозяина, и никто не смел спорить с ним, потому что зацеры были не только так же разумны, как и эниты, но и гораздо более приспособленными. Но, являясь с самого начала домашними

животными, они не понимали своего существования без присутствия рядом человека.

Внезапно приятный сон оборвался; Джер почувствовала беспокойство, проснулась и села. Вокруг нее по-прежнему расстилался необъятный и молчаливый космос. Не было видно ни одного крупного небесного тела, только лишь звезды, казалось, смеялись над ними. Все было как обычно, но беспокойство не проходило, наоборот, оно вскоре переросло в панический страх.

"Странно. У меня не может быть агорафобии – лениво подумала она – может, опять Альго чудит? Да нет, зацеры не знают страха, особенно такого мощного."

Зацер теперь быстро летел к одной только ему ведомой цели. Он почувал что-то странное, то, чего не мог объяснить ни символами, ни словами, то, чего он сам хорошенько не понимал. Альго знал, что Джер может разобраться со всем – или почти со всем – и потому торопился доставить ее к месту непонятного, а потому и пугающего, излучения.

В самом деле, еще не было случая, чтобы зацер, даже самый молодой, не смог бы разобраться в своих ощущениях.

Вскоре Джер увидела странный объект. Он был мало похож на космический, но все-таки летел. Лишь когда они подобралась поближе, она смогла различить, что это. И у нее невольно вырвался вздох разочарования.

В самом деле – это был искомый корабль, и на его боках по-прежнему гордо красовалась цифра "3", выведенная красной краской так, как будто это было сделано только вчера. Но все это было мифом, так как Джер не ощущала присутствия здесь людей. Либо корабль был покинут экипажем, либо сам экипаж погиб, но для нее этот корабль был окончательно и бесповоротно мертв.

Альго проснулся, оглянулся и посмотрел ей прямо в глаза, как будто бы спрашивая "что это?"

– Не знаю, не знаю – пробормотала Джер, не забыв передать это самое распространенное у земных студентов выражение символами – я ничего не знаю, но подробности надо бы разузнать.

Альго согласно кивнул; подлетел поближе и сделал несколько витков вокруг мертвого корабля, пытаясь обнаружить проход вовнутрь.

Вскоре один из люков был обнаружен; Джер оставила Альго снаружи, а сама храбро проскользнула вовнутрь.

Она проходила помещение за помещением, но нигде не находила ни малейшего признака присутствия человека. Она уже совсем было подумала, что здесь никого нет, когда в одном из помещений не натолкнулась на старика, видимо, когда-то красивого и сильного, но теперь уже совсем дряхлого и беспомощного. Он был жив и крепко спал.

Джер не хотела его будить, но он услышал ее шаги и проснулся сам.

– Кто... кто здесь? – испуганно спросил он. И это был не староанглийский и не русский, которые Джер знала, это был какой-то другой язык, совершенно ей незнакомый. Она лишь по интонации поняла, что у нее хотят спросить, и решила использовать русский язык для общения.

– Я Джер. Я с земли и ищу древних разведчиков. Я вас нашла, но, видимо, у вас произошла какая-то катастрофа.

– Я Ник. У нас сломался двигатель, мы не могли развивать большую скорость, и потому у нас на корабле не было большого замедления времени. Прошло уже несколько веков с тех пор, как мы оставили землю. Мы не смогли найти ни одной мало-мальски годной планеты, и вот, наконец, остался я один. – рыдания душили старика – я никогда не увижу землю! Никогда!

– 13 номер нашел хорошую планету. Я могу переправить вас туда.

– Нет, не стоит... – теперь уже слишком поздно... – только возьмите у меня семена и животных... у 13 этого не было... потому что у них были необлученные люди, а у нас простые рабочие... и еще возьмите записку... записку... от меня... – голос старика прервался; видимо, силы вконец изменили ему. Он вытянулся на кровати, закрыл глаза и затих. И лишь когда он не откликнулся на призыв Джер, она поняла, что тот умер.

У энитов не было понятия о смерти как таковой. Все они рождались, старились, а потом исчезали, но никто никогда не видел, каким образом. Джер догадывалась, что умершие деатомизируются, разлетаясь по всей вселенной. Также она знала, что люди умирают по-другому, но ей ни разу не позволяли увидеть, как это происходит. В конце концов, она же не была чистым энитом, и вопрос о том, что будет с ней после смерти, не раз занимал ее.

Она нашла письмо старика в рубке.

"Привет, интересно, кто ты, читающий это? Я никогда не узнаю. Да и сможет хоть кто-нибудь когда-нибудь прочесть русский текст? Земля оставлена нами ровно 17 веков назад. Конечно, мы размножились, но... вчера умер Том. Сейчас я один. Один в бесконечности. Что Это? я не знаю. Как глупо было решать задачи по математике, находя область определения функции $(-\infty; +\infty)$. Это была насмешка, символ, не имеющий смысла! Я чувствую всю ту пропасть пространства, отделяющую меня от земли, и она меня пугает. Но это философия. Закончим с ней, поговорим о деле.

В грузовом отсеке лежат семена. если кто-нибудь найдет их, то пусть берет себе. Только, пожалуйста, сначала проверьте их на токсичность для себя. Это первое. И второе. Пожалуйста, выведите животных из анабиоза. Я не знаю, кто вы, но они живые и не могут спать вечно. Они любят кислород и не только. Оживите их или убейте, лишь бы они не мучились больше, без надежды на избавление. Это все. Спасибо за внимание. Ник.

(это письмо переведено на 10 известных мне языков, один и один международно-космический. прочтите, если сможете)".

Джер вылезла наружу и позвала Альго.

– Ну и что это было?

– Здесь мы опоздали. ты учуял запах смерти.

– Значит, все зря?

– Нет, здесь богатый груз и даже животные.

Альго тяжело вздохнул, но с обязанностями не спорят, потому он прижал корабль лапами корабль к себе и вскоре уже приземлился на планету – 13. там он сдал добычу с рук на руки людям из XXII Сказать, что они обрадовались – значит, не сказать ничего.

Альго и Джер грелись на солнце, лениво лежа рядом. Внезапно зацер сказал:

– Знаешь, я теперь много знаю. Но почему я выбрал тебя? Мог бы и не выбирать, спал бы спокойно. А то эта охота уже надоела.

– Мне не надоела. Но на вопрос "почему" я не смогу ответить. Наверно, ты просто любишь меня, вот и все.

– Что такое любовь?

– Ну, это сложно объяснить...

Ну а все-таки?

Джер привлекла его поближе к себе и все рассказала ему. Как даже такое независимое животное как зацер способно привязаться к человеку или эниту настолько, что все сделает ради него, без оглядки на жертвы со своей стороны и на то, что будет взамен

НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

Альго – веселый, жизнерадостный, не способный долго ни на чем останавливаться подросток и Джер – серьезная взрослая девушка, выглядящая раза в два старше своих лет – летели в космосе, как две машины в арифметической задаче – из пункта А в пункт В – летели, выполняя одно из наиболее пустячных заданий: обнаружить на планете присутствие высокоразвитой жизни или же отсутствие таковой.

Альго плохо поддавался ментальному контролю; быстрый и легкий зацер, он не мог выдерживать одного направления и летел куда угодно, только не туда, куда нужно. Джер много сил потратила на то, чтобы заста-

вить его прибыть к месту назначения, но они все-таки опоздали. Задержка злила Джер; она знала, что за нарушение графиков по головке не поглядят.

Начальство... она давно была на плохом счету, но сегодняшней провал мог стать окончательной отставкой. Она знала, что никакие оправдания не помогут; бесполезно было бы указывать им ни на плохую подготовку задания, ни на домашние проблемы, ни даже на слишком молодого зацера, всю дорогу закидывающего ее чередой абсолютно не шифрующихся символов.

Она уже была готова к тому, что по возвращении ее ждет очередная головомойка, очередное понижение по пещере и очередное снятие с очереди на детей. Поэтому он возвращаться ничуть не хотелось, здесь, в открытом космосе, очень хорошо, тихо и приятно, тихонько мерцают звезды, зацер исправно поглощает избыток энергии, аккумулируя ее. Здесь она сама себе хозяйка. А дома, на Земле – начальство...

Можно было, конечно, обвинить во всем Альго, но он не был виноват, он первый раз оторвался от земли, у него не было ни одного тренировочного полета. Он просто-напросто ошалел от увиденного, ему все было внове и все интересно. Вот и теперь он радостно глотал космическую пыль, фыркал и поддавал носом невесть откуда взявшийся метеорит. Образы, выдаваемые его сознанием, стали совсем не шифруемыми. Они передавали только эмоциональный настрой – радость и чувство глубокого удивления.

Внезапно Альго замер. Оставил в покое метеорит и выдал замешательство. Потом, не справившись с образами, выдал:

– На планете плохо – эти слова раздались в голове у Джер. От неожиданности она едва не свалилась в темноту с теплой спины зацера. Почувствовала, как он напрягся – он, который в жизни никогда ни о чем не задумывался – и ободряюще почесала его между ушей.

– Спокойно – мысленно отдала она приказ – можешь дать изображение или вербализировать?

Зацер, животное, чужавшее все силовые поля и ориентирующееся только по ним, просто кивнул.

Для большей концентрации Джер закрыла глаза и улеглась на спину Альго прямо между крыльями. Она медленно отключалась от всех внешних раздражителей – холода, вакуума, темноты. Она чувствовала только теплую спину своего друга, который внезапно вдруг понял, что такое ментальная контролируемость и стал с ней единым целым.

-Я не могу понять – выдались образы – даю тебе слова, может, ты поймешь.

В голове Джер зазвучали слова.

– Черт! Все вырубил!

– Админ, где админ?

- Мы падаем, падаем!
- Где кабель?
- Он порван, нет запаски!
- Я не могу ничего сделать!
- Мы умрем! Она нас захватила, мы падаем!
- Все приборы сдохли!
- Мы сдохнем вслед за ними???
- Всем молчать!!!

Диалог был выдан разными голосами. Было ясно, что люди – а может, и не люди – в общем, разумные существа, общающиеся на смеси староанглийского и русского – терпят бедствие. Это было понятно, несмотря на такие невнятные слова, как "сдохнем", "приборы", "админ", "кабель". Эмоциональный настрой говорил о многом – отчаяние и неизбежность, даже без тени надежды. Джер скомандовала:

- Туда! Быстро!

Они немедленно подлетели к месту своего назначения, планете. Теперь ни Джер, ни тем более Альго не интересовал вопрос о том, есть там разумная жизнь или нет. Зацер сам понял, что ему делать, он ослабил гравитационное поле планеты до такой степени, что старинный корабль, только что камнем падавший вниз, полетел как воздушный шарик и благополучно коснулся литосферы. Альго красиво спланировал вниз. На поверхности планеты он сказал:

- Говори с ними сама, ладно?
- Угу.

Из корабля вышла группа человек. Они общались словами, и зацер все равно не смог бы их понять. Но их поняла Джер. Она приподняла руки, выставила их ладонями вперед и пошла к незнакомцам. Их было много, среди них были мужчины, женщины и даже дети.

– Привет-весело сказал один из них, судя по всему – предводитель-это вы помогли нам?

– Да – неуверенно сказала она. Ее собственный голос казался ей невероятно противным. Умение говорить считалось невероятно архаичным, говорили вслух только низшие разряды общества, те, которые не умели общаться с зацерами, не имели профессии, бесконтрольно рождали детей и жили в пещерах под землей – так называемых "мокрых пещерах". Они до сих пор являлись белковыми существами, и при дыхании поглощали кислород, которого становилось все меньше и меньше, и, если бы не многочисленные мхи и лишайники, дающие им пищу и воздух, все обитатели "мокрых пещер" без сомнения, погибли бы. Джер была одним из многочисленных переходных состояний – от белкового человека до энита – и тщательно скрывала умение говорить, но дед заставил ее выучить несколько древних языков.

- А кто вы?
- Я с Земли.
- Мы тоже. 9 лет назад.
- Вы двигаетесь в соответствии с СТО?
- Да, как же иначе.
- Я, например, нет. На Земле прошло уже много веков. Я из XXXIX.
- Мы из XXII, но как...
- Я не смогу объяснить. Но мне кажется, или вы – одни из 15?
- В смысле?
- Очень древняя легенда говорит о том, что когда-то на Земле были леса и поля, она была зеленая, было очень большое разнообразие живых организмов. И человек тогда опирался в основном на технику. Вот и ваш корабль... он не похож на живое существо.
- Ну да, так оно и было – человек из XXII нервно почесал подбородок. А что?
- А потом человек что-то не так сделал. Одна из технологий вырвалась из-под контроля, наступила зима и большинство организмов погибло.
- И это тоже правда.
- Наступила ядерная зима. Стало холодно, и остались только горы с пещерами, которые светились по ночам. Люди поняли, что им не выжить, собрали 15 кораблей и 15 экипажей. Оставшиеся были обречены на гибель, все так считали.
- Да, это было свинство – улетать, когда все остальные погибали.
- Но мы выжили, только сильно изменились и приспособились. Вы же видите, что я могу находиться в открытом космосе безвредно. И любой энит может.
- А нас пустят сейчас обратно?
- Насчет пустят – не знаю, но вы не выживете там теперь.
- Почему?
- Высокий (для вас) уровень радиации, отсутствие озонового слоя, сероводородная атмосфера. Дальше перечислять?
- Что же нам делать? Если путешествие оказалось бессмысленным?
- Вовсе нет. Вы поселитесь здесь, и мы будем дружить. Мы можем переселить к вам всех не энитов, которые до сих пор белковые и нуждаются в кислороде, мы сможем торговать, но главное – общаться. Вы поможете технологией, которая запрещена у нас. Надо спросить у начальства.
- Значит, мы остаемся здесь?
- Да. Кстати, какой у вас номер?
- 13.
- Несчастливое число?
- Да.
- Часа через два вернусь.

Через час Джер стояла перед начальством.

– Вы опоздали!

– Извините, я встретила тринадцатого.

– Из пятнадцати?

– Да.

– И они на планете?

– Да, пришлось им немного помочь.

Начальник выдал сложную систему образов, смысл которой сводился к тому, что "вот, оставили нас подыхать, а сейчас слабее нас, а мы им помогаем". Потом сказал (вслух!):

– Мы переселим туда все "мокрые пещеры". Они похожи на людей из XXII, так что у нас с ними больше не будет проблем. Да и них с нами тоже. Они смогут выйти на поверхность (жаль, что не здесь), а у нас будет больше пещер, можно будет отменить очередь на детей. А что касается лично вас... это ценное заявление, и потому я повышаю вас. Или ты хочешь быть с теми, из XXII?

– Если есть такая возможность.

– Поручаю тебе эвакуацию "мокрых пещер". Возьми сколько надо зацевров, экранов, и так далее. Они тоже достойны жить как люди. Конечно, им будет сложно там, но не хуже, чем здесь. Эх, найти бы остальных четырнадцать... Ты-не человек и не энит, взяла лучшее у обоих. Эволюцию назад не повернешь, эниты останутся так же, как и были, но у тебя есть выбор. Между нами и людьми из XXII.

– Простите, но я пока не хочу его делать!

Прогноз начальника полностью оправдался – обитатели "мокрых пещер" были рады переехать в более комфортные условия, и Джер поняла, что ее "низшим" родственникам уже не грозит смерть от удушья. В самом деле, виновата ли большая часть людей в том, что медленно эволюционирует? Что ей нужна пища и кислород, в то время как остальным нужна лишь любая излучаемая энергия? Я думаю, что нет а как думаете вы?

Возрастная группа 35+

Виктор Вайнштейн, пенсионер, Томск

ЭПИЗОД ИЗ ЕВАНГЕЛИЙ

Считая лишь своих людьми, и даже не скрывая это, не удивляйся, чёрт возьми, коль тебе платят тою же монетой.

Много историй из жизни Спасителя рассказывают нам евангелисты. Одну из них (Мк.10:17- 21, Мф.19:16-21, Лк.18:18-22) я и хочу напомнить – и продолжить.

Некий богатый человек спросил у Иисуса:

– Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Иисус сначала перечислил общепринятые вещи, – но, узнав, что всё это его собеседник и так выполняет, добавил:

– Одного тебе недостаёт: пойди, всё, что имеешь, продай, и раздай нищим. И этот человек смутился и отошёл.

А вот что было дальше – никто из евангелистов не пишет. Пришлось мне.

Подошёл к этому человеку один из следовавших за Иисусом, и спросил:

– Почему ты смутился и отошёл? Ужель тебе сокровища земные временные краше небесных вечных?

– Иди своей дорогой, и не спрашивай о моей – по-разному видим мы мир, и ты не поймёшь моего ответа, если не услышал его до меня в сердце своём.

– Что же ты услышал в своём сердце? Любовь к мягкой постели и сладким блюдам и напиткам?

– Думай так, если подобное пришло тебе на ум.

– А что ещё могут подумать люди?

– Для начала – хоть то, что богатство, мало оно или велико, не находят на дороге – хоть правдами, хоть неправдами, но за сладким столом и на мягкой постели не создаётся оно, а только тратится. И нет к ним любви в моей душе.

– Но зачем тогда тебе это богатство?

– Мне принадлежат сады и виноградники, поля и пастбища, корабли и мастерские. Тысяча людей работает на них, и я честно плачу им их заработок. Если я продам всё своё добро, то свою работу – наладить работу их и проследить, чтобы честно воздалось по труду каждого – я переложу на других. А я свой труд, как сказал твой Учитель, свой крест, на других не перекалдываю. Если бы Он сказал: там-то сидят нищие, дай им работу по силам, помоги им устроить свою артель, чтобы ели они не чужой кусок, а

получили свой – я пошёл бы за Ним. Если бы Он сказал: там лежат больные, устрой для них лечебницу и заплати за них лекарям, чтобы они, выздоровев, своей работой воздали миру за заботу о них – я бы пошёл за ним. Но Он сказал: брось свою ниву, пусть пахут её другие – и за это получишь жизнь вечную. И понял я в душе своей, что Он не тот, за кого себя выдаёт, потому что если все последуют Его словам, то через неделю весь мир умрёт с голоду. Я не знаю, какова жизнь вечная, которую даруют за тунеядство – и потому я пошёл работать и кормить для мира жизнь живую временную.

Куда пошёл его собеседник – я не знаю.

По евангелиям, люди сразу, априори, или Его верные последователи, или враги... – и, конечно, никто от Него не уходит. Думаю, и эта послушная овца... – ой, он же мужчина! – и этот баран спокойно пошёл за Ним дальше...

ДЕНЬ В ЛИМБЕ

Не тем лучом не так сосна согрета, пескарь метнулся ль, замутив струю,

вздыхнул ли филин – и в ответ на это ВСЕЛЕННАЯ меняет ось свою.

И человек, смещаясь вместе с миром, не тем хулит, возносит и громит,

и новый ритм грохочет его лира, и лик другой впечатал он в гранит.

И сам себя в себе переплавляя, и сам перерастая свой кумир, он мыслит, проникая, понимая – и этим изменяет весь свой мир.

И вновь себя по Миру изменяет.

Вообще-то, название совершенно неправильное. С тем же успехом можно назвать «век в Лимбе». У нас в Лимбе нет ни дней, ни ночей, да и с самим временем тоже много неясностей. Многим даже кажется, что оно не идёт вообще.

Но я, тем не менее, твердо убежден, что остановить время невозможно – даже у нас. Ведь раз у нас что-то происходит – значит что? И кто бы что бы ни говорил, а Мир будет меняться, и у нас тоже всё изменится. Даже наше окружение меняется – медленно, но верно. И поэтому этот заголовок сохраню.

Конечно, я здесь – не самый старый поселенец. Многие здесь много дольше меня (вот вам и ещё доказательство, что время идёт!) Но много и новеньких.

Интересно за прибытием этих новеньких наблюдать – и каждый раз находится с тысячу желающих при сём поприсутствовать – других-то развлечений нет. Почти нет.

Сначала раздаётся легкий гул, затем начинает дрожать воздух. Возникает марево – и в нём прорисовываются ворота. Каждый раз разные – когда стрельчатые, когда округлые, а когда и такие, что сразу и не опишешь – это зависит от того, кто новичка в эти ворота запикивает.

Раскрываются они тоже по-разному: одни распахиваются, в других приоткрывается калитка, третьи поднимаются вверх, в иных протаивает проём... А затем то демоны, то ангелы, то ещё кто вталкивают новичка. И, прежде, чем он успеваеет вскочить и добежать до них, ворота исчезают.

Впрочем, не все новички кидаются к ним – бывает по-всякому. Но большинство...

Помню, совсем недавно через стрельчатые несколько существ в белом с белыми же крыльями втокнули к нам молодую женщину. Девушку – она на этом печальном пункте своей биографии очень настаивала и даже этим достойным сожаления фактом весьма гордилась. Эта до ворот успела добежать.

– Что вы делаете?! Это ошибка! Я должна попасть в Рай!

Но ворота уже исчезли, и ничего не напоминало о том, что здесь хоть что-то было. Она огляделась – и я представил себе, как она то, что увидела, восприняла. Радостного, конечно, мало: серый грунт, серый воздух, слабоватый свет ниоткуда, множество местных, с откровенным любопытством глядящих на неё со всех сторон. И далеко не все они люди. И всё это уходит вдаль, но не к горизонту, а просто через какое-то расстояние теряется во мгле.

Я стоял ближе всех, и она обратилась ко мне:

– Это Ад? Чистилище? А вы... демон? Или грешник?

– Это Лимб. Ты кто? Сюда попадают те, кто мешает нынешним правителям – в основном прежние боги. И люди – кто что-то сделал.

– Это англичане подстроили. Я здесь по ошибке. Я должна была попасть в Рай. Но Господь меня не оставит... – Она говорила ещё долго.

– Здесь все по ошибке. Кроме двух. Видишь вон те горы? Одна во-он там, а другая – напротив. Они не горы, а наши стражи. Гекатонхейры. Вот они здесь не по ошибке, а правильно.

– Я скажу им! Я добьюсь...

Много от такого «Скажу» толку. Эвриал почешет в затылке одной из голов и важно ответит другой – «Не положено». И всё.

– Успокойся, женщина. Они так же не могут ничего сделать, как и любовью из нас. Мы все здесь навечно. До конца этого мира.

Правда, в отношении её, как выяснилось позднее, ошибся я. Спустя некоторое время – не знаю, несколько десятков лет или веков, тут за такими вещами следить трудно, да и неинтересно – в очередной раз открылись те же ворота и те же – или такие же – белые создания воззвали:

– О возлюбленная дочь нашей Святой Церкви Жанна! Приди же к нам, ибо ты отныне причислена к сонму святых! – И Жанна понеслась чуть не вприпрыжку, восклицая, что она же говорила, что она тут по ошибке!

Собственно, она не единственная, кого вызвали, и я видел, как проклинавший новых владык, услыша зов, уходил к ним. Разве что одни бегом, а другие в глубокой задумчивости. И почти ни один не отказался.

Смешнее всего получилось с Николаем Посейдоном – новые владыки позвали его сразу в две стороны, и он так и побежал: Старый Ник со своим трезубцем и Святой Клаус со своей бородой – тут он, правда, успел

прихватить у какого-то епископа его посох и красную мантию, но зато сохранил свой обычай пристраиваться к зимним подаркам – вместе с новорожденным Гелиосом. До меня доходил слух, что в одной из стран Гелиос стал девчонкой, внучкой Посейдона, который, соответственно, забыл о море и стал жителем северных лесов. Да, чего желание пристроиться возле хозяев с нами ни делает...

Некоторые сразу по прибытию опускаются на грунт и предаются отчаянию. Довольно долго – один монах на моей памяти стенал (именно это слово тут и подходило) подряд несколько лет – пока его не отвлекло прибытие Меркурия.

Этот каждый раз прибывает через разные ворота. Мне кажется, что в этом он даже находит некоторое удовольствие – что-то вроде своеобразного шика. Ворота возникают, раскрываются – и очередные стражи вбрасывают помятого Гермеса. Грязный хитон разорван, жезл помят так, что одна из змей кажется прямой, одна нога босая, но сандаля, трепеща крылышками, влетает за хозяином, каждый раз успевая проскользнуть в тающий проем за миг до его исчезновения, а крылатый шлем врывается, отталкивая стражу, ещё за долю секунды до него.

С самым невозмутимым видом Гермес поднимается с грунта, садится, поправляя складки быстро белеющего хитона, подставляет ногу сандалю, расправляет кадуцей и начинает причесываться. Шлем ждет, трепеща крылышками, а затем аккуратно садится на аккуратные кудри.

Новички, впервые видящие сие явление, сначала удивляются реакции старожилов.

– Привет! – Как дела? – Что там новенького? – Хорошо гульнул?

Явно реакция не на новичка, а на своего, хорошо знакомого.

Гермес не отвечает, разве что кивнет, погрузившись в раздумья. Все новости – а они таки есть – он расскажет потом, когда сам их осознает, и не всем, а... Трудно сказать, как он выделяет нас. Дружбой это назвать трудно. Доверием? Так здесь никто, даже если очень захочет, никого предать не может.

Новички, когда поймут, что Гермеса впахнули сюда не в первый – даже далеко не в первый – раз, начинают волноваться.

– А как отсюда бежать? А кто может помочь? – Сами можете продолжить весь круг вопросов.

Гермес терпеливо отвечает почти на всё.

– Отсюда бежать невозможно. И помочь никто не может. И такого секрета я не знаю...

И только на вопрос, почему он не хочет поделиться знанием с товарищами по несчастью, раздраженно бросает своё «Пусть делятся нищие!» – и после этого замолкает.

Собственно, никакой тайны у него нет – не он бежит, а его вызывают. А как очередного адепта Трисмегиста разоблачат и отрегулируют – его и возвращают. Так что способ бежать – я имею в виду хотя бы временно бежать – один: заведи себе паству.

Я со своей распрощался... уже и не помню, когда.

Впрочем, со стороны может показаться, что кто-то и сбежал: ходил меж нами, ходил – и исчез. Да вот только дело в том, что и вправду исчез. Конечно, мы, обитатели Лимба, бессмертны – да только и бессмертные умирают. Да, у нас – вечная жизнь, но только пока нас хоть кто-нибудь помнит. А то ходит кто-то *вечный* – а сам весь прозрачный: и помнят-то о нём считанные единицы, да и так слабо и неотчетливо... Такие обычно и исчезают – один прямо во время разговора со мной. Кажется, бог какого-то состояния воды у кого-то, кого я и сам позабыл.

Самое смешное, когда кто-то у тебя на глазах слепляется из пары разных личностей или разделяется на них. Тот же Гермес давно уже слился с Меркурием, но то соединяется с Тотом, то разделяется с ним опять. Однажды я видел и совсем уникальную картинку: Гермес, Тот и их объединенная ипостась о чём-то меж собой беседовали в полголоса – видимо, какие-то их собственные дела, меня они, во всяком случае, в них не посвящали. Впрочем, если вспоминать что-то уж совсем специфическое, то это парочка десятков персонажей театра абсурда вроде Леля-Лели, которые и сами не знают, какого пола они будут в следующую минуту. Причем сами они к этому за последнюю тысячу лет настолько привыкли, что даже не обращают на свои превращения ни малейшего внимания.

А недавно у нас стали появляться и люди. Я не о тех, кто святые и противоположные им – я о людях, что так людьми и остаются. Вон, идёт один из первых таких, расталкивает тех, кто мешает его проходу. Можно подумать, здесь есть куда торопиться. Наверное, просто его натура не дает ему успокоиться. *Демон революции*. Явился: – голова пробита каким-то ломом, и из неё фонтан идей о преобразовании мира и человечества. Так что события у нас происходят, время идёт.

Вот и сегодня (если всё это действительно сегодня) – целых два события. Одно – достаточно обычное: окончательно слились вместе бог-человек-олень и бог-человек-лось. Собственно, дело к этому шло давно, так что ничего удивительного. А второе...

Возникли совершенно новые ворота – темный провал меж черных колонн. В них – небольшая возня. Сначала возня, затем голос:

– А не хочешь вместе, так отцепись! – И в Лимб самостоятельно прошёл человек. – А здесь любопытно. Эй, вы там, вы закрывать не торопитесь, думаю, я такой не один!

И впервые за всё время существования Лимба ворота исчезли не сразу, а некоторое время помедлили. И ещё прежде, чем они полностью растаяли, я у него спросил:

– Что, Мир меняется?

– Так на то он и Мир. А разве здесь всё недвижно?

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МЫСЛИТЬ?

Вечер начался паршиво. Казалось бы – с чего? Вроде бы все разумные люди, не какие-нибудь недоумки и недоучки... Хотя, с другой стороны,

недоумки и недоучки – понятия хоть и коррелируют, но не совпадают. Мало ли ученых недоумков и недоучившихся или даже совсем не учившихся умниц? Наличие диплома ни об интеллигентности, ни об интеллекте не говорит.

Ладно, не буду отвлекаться. К нам пришли сын со снохой... Да, забыл её представить. Зовут, как и мою жену, Ниной, умница, хорошенькая, пожалуй... Характер твердый нордический – так, кажется, писали в характеристиках немцы. Но характерец точно о-го-го, такой и поискать – не вдруг найдешь. И упрямая – как я. Продолжу.

Сын вчера напился. Нет, так он практически и не пьёт, а тут что-то на работе не заладилось, приятель зашёл, а у того тоже какой-то повод, сидят, болтают, прихлёбывают... И он перебрал.

Даже внучку – ему-то она, конечно же, дочка – стал укладывать и сам уснул. А у Нины головка болит. Я понимаю, что больная голова – не лучший повод для терпимого отношения к чужим недостаткам, но не так же! А она утром потребовала от Вовки чуть ли клятвы не пить вообще – ну, не напиваться. Бдеть за нормой. И ещё бдеть, и еще... И пореже – ещё реже – и ещё...

А он утречком в киоск хватить пивка на опохмел, оно хорошо легло на вчерашнее, ещё не просохшее – и он с копыт. Подошел к крыльцу и сел в сугроб. Хорошо, Нина его в окошко увидала. Но зато и сделала далеко идущие выводы.

– Сделайте что-нибудь со своим сыном! Я с алкоголиком жить не собираюсь. Что же мне, разводиться с ним? Угораздило ж влюбиться, дуру, в тряпку, что своего слова даже сутки сдержать не может... – и так далее по всем пунктам.

Я попробовал вмешаться, налегая на логику, но Ниночка (это уже жена, сноха – Нина) выставила нас обоих за дверь – «идите и охолоните». Она сама будет со своей тезкой договариваться, она сумеет, у неё тоже характер, только сверху в мягкую бархотку замотан: кто не знает, может и поверить, что из неё можно веревки вить, но она и сама из любого дуба такой коврик сплетёт, что глазам не поверишь – хоть ножки вытирай. А тот ещё будет думать, что сам все так решил. А порой и хмыкнет – так даже и не обидишься. Помню, один её прежний ухажер что-то с неё тряс, она упёрлась, он «Я на тебя обижусь!» – а она «Ну и глупо». Гарик этот только глазами похлопал – а что, и впрямь глупо.

Вышли мы с Вовкой на улицу, погода теплая, снежок, перекурили, он хотел было с большой обиды рвануть по друзьям-подругам (скорее всего – к одному приятелю на преферанс, разбежались давно его подруги), но я посоветовал ехать домой и каждые минут сорок звонить к нам, мол, не пора ли ехать к теще за внучкой (для него, понятно, дочкой) Юлечкой. И не ерепениться – Нина-то по большому счету права.

– В чём она не права – ты ей потом потихоньку объяснишь. А то и не станешь – она и сама не дуручка, со временем разберется. А в чём права – сам себе на ус мотай. Знаешь же, что нервные клетки не восстанавливаются – так и не рви их ни себе, ни другим. Нервы не только от скукидохнут,

но и от перенапряжения. А Нина твоя с одной стороны, конечно, тот ещё подарок, но с другой – так действительно подарок. Таких больше и нет. Да и не надо. И пойми, раз к нам пришли, а не к её предкам – значит любит тебя, балбеса, бросать не хочет...

А что мысль эта у неё есть – вина её родителей: её отец частенько закладывает, а мать терпит, терпит... Мы попрощались и я пошёл по улице.

Конечно, вторая половина зимы не первая, весной хоть и не пахнет, но уже посветлее, чем в конце декабря, но ещё и далеко не лето, ещё нет семи, а сумерки накатили. В сквериках вдоль Кирова – бывшей Бульварной – почти ни души. Народ торопится – в транспорт и в магазины, в садики за всякими Юльками... Кто с работы, те проносятся волнами к остановкам, с визгом и шипением втягиваются в трамваи, маршрутки и троллейбусы... А скверики пока пусты. Да и кому на ум придёт сидеть на этих лавочках, даже и очищенных от снежка, что снова покрывает их разноцветные рейки своим белым пухом. Впрочем, ещё полчаса – и их цвет и без снега не различишь...

Я невольно задержал шаг. Впереди, углом сдвинув скамейки с разных сторон аллеики (и не поленились – такая тяжесть!) сидит молодежная компания. Но вроде ни бутылок на снегу, ни мата, спокойные голоса... Пуганая ворона. Бывают же и нормальные компании.

– Нет, Рыжий, ты не прав. Дело не в том, что человек не хочет мыслить, он и не умеет мыслить. Как сказал чей-то дедушка Крылов, тому в истории мы тьму примеров слышим.

– Где уж нам уж против вашего сиятельства. Бросай свой снобизм. Белая, нашла на что ссылаться – историю. Это же как юриспруденция – доказательны только положительные факты, отсутствие оных не доказывает ничего. И потом *не умеет* никак не означает *не может* – вдруг просто поленился научиться, а в потенции – мудрец не хуже...

Он произнес имя, которое я не понял. Компания изобразила почтение – не то к доводу, не то к названному имени. Ёрничают ребята, я не представляю имени, к которому...

– Ну так вернемся к основному вопросу – может ли человек мыслить?

– Не, Синяя, кончай базар. Мы на сегодня уже выдохлись – нужна свежая идея, а то по третьему кругу пойдём.

Действительно, откуда наши беды? От неумения мыслить, от неспособности или от нежелания?

А может и от совсем других причин? Может, нам из-за эмоций и не до мыслей?

– Вы разрешите и мне присоединиться к вашей беседе?

– А вы кто?

Действительно, а кто я? Хотя, раз они все зовут друг друга всякими Рыжими и Синими, то и я представлюсь так же. Прикинул свой облик – кто же, кто же...

– Пожалуй, ближе всего к истине, если сказать что я – Серый.

Девочка Белая аж привстала и тронула меня рукой, Рыжий присвистнул, Синий и Красный (они все были в куртках соответствующих цветов, по-

тому, видимо, и выбрали себе такие имена) молча приподнялись и поклонились... немножко, конечно, а сидящий на самом стыке скамеек Чёрный буркнул что-то вроде «Наслышан, слышан, ну да, твоё время».

Видимо, я нечаянно присвоил себе чей-то псевдоним. И тут все на ты.

– Вы извините за вторжение, но мне кажется, что у вас неточность: не ясно, что вы считаете способностью мыслить, и валите все в одну кучу – и здравый смысл, и науку, и творчество как таковое... Я, правда, не слышал начала вашего диспута, мог и ошибиться.

– Не мог, не мог. – Это Чёрный. – Но, коллега, как мышление ни определяй, а человек – двуногое без перьев, занятое сохранением, умножением и распространением во Вселенной своей плоти. И только о том все его думы и печали – как бы они ни были замаскированы.

Что-то в этом было. Да вот не нравится мне сия поза циника, стоящего над миром. Печальный Демон, дух изгнания. Только коньяк есть вещь, а прочее всё тлен.

– Ага, первый тезис в определении мышления забит. Цель. Кто согласен?

Не согласился никто. И даже сам Чёрный сказал, что имел в виду нечто другое.

– Эмоционально я с тобой, Чёрный, согласна, но придётся согласиться: низменность поводов для мышления не служит его дискредитации.

Ничего себе «низменность поводов» – прогресс человечества. Ай да Белая!

– Тогда я предлагаю такое: будем считать мышлением выражение мысли, пробуждающей у окружающих ответную реакцию.

– Талант ты, Синий, и не лечишься. Значит мышление – это выраженная мысль. Я – корова на лугу, меня кусают слепни. Я хвостом выражаю мысль «Больно, чтоб вы все сгорели!» И слепни, вняв оной мысли, разлетаются кусать менее мудрую корову. Так?

– Ну так предложи свое. Ты, Рыжий, всегда только критикуешь.

– Разумная критика – необходимая часть мыслящего содружества.

– И кого ты отнесешь к мыслящему содружеству? – это опять Белая.

А теперь подала голос Жёлтая, до того молча сидевшая между Белой и Чёрным:

– Похоже, определение мышления надо отрывать от его носителей. Скажем так: способность к рефлексии, не связанная с проблемами выживания, и – привет Синему – способная в свою очередь вызывать следующую... скажем, волну рефлексии.

– Уже неплохо – отозвался я. – Всякие чудеса природы, обвалы и цунами – повод для рефлексии, но не мышление, их уже отсекли. Если я что ляпнул, но понимания не нашел – скажем, читаю Канта муравьям – придется тоже отсечь. Да и чтение Канта, тем более муравьям, много о моем разуме и не говорит. Изобретение атомной бомбы или паруса – не подойдут, они для выживания и процветания изобретателя в конкретных обстоятельствах. И весь здравый смысл туда же. Что, с одной стороны, не значит, что в этих случаях не мог проявиться разум, но эти действия сами

не служат индикатором способности человека мыслить (Ай да я – не хуже их). И, естественно, выносим за скобки всех политиков. Возражения есть? (Их, естественно, не было. Когда это кто из мыслящих людей политиков вообще людьми считал?) Техника... Видимо, туда же. (Возражений тоже нет – а жаль, я-то сам технарь, знаю, как иной раз приходится поломать башку). Остаются наука и искусство. Среди ученых мыслящие люди редко, но бывают, сам встречал – если такой подход в данном диспуте допустим. А вот искусство... Вы согласны, что произведение искусства является выражением какой-то рефлексии? И некоторые из них в свою очередь вызывают ответную рефлексию – я имею в виду не «Руки-ноги оторвать тому халтурщику...», а свои мысли, чувства...

– Да, коллега, это ты меня уел. Я слышал, ты мастер дискуссий, но такое... Доказать мне, что человек -мыслящее существо! – Чёрный был явно удивлен.

– Ничего, я тебя утешу. – Рыжий был доволен моим выступлением больше всех. – Резюме: Человек мыслить может, но Аз) не любит; Веди) как правило не умеет и учиться не хочет; и Глаголь) пользуется этой своей способностью редко, спонтанно, непредсказуемо... Да, ещё и Добро) использует эту свою возможность не для добра – даже как он его понимает. А если и как понимает... Знаете же, как он его понимает.

А чего он буки пропустил? По ошибке или по числице? А все загалдели одновременно:

– Но ведь мы сами договорились, что цель не является... – А это его подробность... – Ну и что, вопрос-то в принципе... – Так что, теперь людей и не тронь?..

Что-то реакция у них уж очень интенсивная -будто ответ на этот дурацкий вопрос и впрямь имеет для них какое-то значение.

– А если так (это опять Жёлтая) – человек существо потенциально мыслящее, но до мышления в своей социальной сути не доросшее, и эта его способность проявляется, как уже в нашей компании сказано, спонтанно и даже не ситуационно. И в целом все сложности могут быть сняты: его, человека, следует считать не разумным, а хитрым (Да, есть трудно формализуемая, но тем не менее ощутимая грань между умом и хитростью с одной стороны, и хитростью и подлостью с другой. И даже эту вторую границу некоторые переходят. Но продолжают называть это умом), да и те, что мыслят, часто ведут себя, как безумцы. И даже хуже – как хитрецы (Хорошо, до подлецов не дошла). Вы как хотите, а я буду исходить из этой концепции. Прощайте. А что любопытное – известите. – И провалилась под землю.

– Так вы что, не люди? Вы потому это так и обсуждали?

– А ты... – человек? Не может быть!

– Почему же не может. И у нас, людей такой диспут вполне возможен – особенно среди молодежи, что любит повоображать, выглядеть поумнее... А за кого вы меня приняли?

– А, Серый – он из сумерек. Одиночка. Ты правда не он? – Чёрный протянул ко мне руку с растопыренными пальцами и по мне пробежала волна.

– Правда. Тогда придется признать человека мыслящим: если некто в беседе не отличим от нас, значит он – один из нас. Но не возражаешь, если с оговоркой Земли? Просто при охоте будем повнимательнее.

Интересно, что это за охота? И чем человечеству аукнется, если я возражу? Или не возражу? Это уже не логика, это игра на чужом поле. А сейчас хоть пообещали быть внимательнее -видимо, отличать мыслящих от стада – только как?

– Ладно, пока, Человек. Приятно было познакомиться. Может, кто из нас к тебе заглянет. Ты не против?

И Белая, вскинув руку в жесте «Чао!», исчезла.

Я оглянулся – остальных не было тоже. И побрел домой – как-то там?

Нина и Ниночка молча и сердито глядят друг на друга. Они уже договорились, но обе собой очень недовольны. И где тут хоть капля разума? Особенно у сына. Одни эмоции.

Так можем мы мыслить и поступать разумно, чёрт нас дерит, или нет?

СИЛА ПОЭЗИИ

Ну что тебе ответить? Да, со второго, с девушкой сидел.

Что ты сразу сочиняешь? Тут так вышло – и нарочно не сочинишь. Вот я и хочу по порядку, а ты всё перебиваешь. И никакой я не бабник, просто читать люблю.

Ты утром ушла, а я почти сразу и за работу. Всё по твоей инструкции: позавтракал, убрал и помыл со стола... в смысле помыл посуду, а со стола убрал. Ну и пошел мыть окна на балкон.

Да нет же, трезвый – только бутылочка пива.

Да я осторожно, просто нога соскользнула. Ну говорила ты, говорила, я что, спорю? А нога соскользнула. А я хотел снаружи подальше, а стекла не вынимать. И не лень, а рациональность.

Ну я и полетел. Нет, не в смысле, как птица, а вниз.

Восьмой этаж, значит всё, кранты. Знаешь, говорят, перед смертью человек всю свою жизнь вспоминает – а ни фиги. Лечу вниз, понимаю, что последние секунды – а сам в окна гляжу.

Не, я на балконы, а за ними-то окна! Только всё мелькает. Миг – и нету.

Баба с шестого – ну ты знаешь, она с каким-то мужиком, тот за столом, не, не муж, муж у неё высокий и тощий, а этот квадратный какой-то – так я и не понял, снимает она рубашку или надевает. Миг – и всё. А часть окон – и совсем пустые. А я гляжу, точно, гляжу во все гляделки, а сам думаю, что ещё миг – и врежусь я в землю. И останется от меня одно воспоминание – с такой-то высоты и об асфальт!

И вдруг, на втором этаже, на балконе девушка с книжкой. Ну, что девушка – это я потом. Я сперва книжку усёк. А что я читать люблю – сама, что я за каждую книжку спотыкаюсь.

Главное, у меня как раз перед этим, мол, вот бы не я всмятку, а земля промялась. И тут стихи. И как раз в тему:

*Пусть Мир рассядет пополам –
я говорю: «А фигу вам!»
гремит стихами моя лира,
поэт – над Миром и вне Мира!*

Я глазом зацепился и читаю. Дочитал страницу – и руку протянул, перевернуть.

Девушка аж подскочила – и как завопит!

– Кто вы?! Что вы здесь делаете?

– Извините, пожалуйста. А я... – Я не сразу вспомнил, что я тут действительно делаю. – Я здесь падаю. С восьмого этажа. – И упал. Но оставалось-то мне падать всего-то со второго, так я, считай, почти и не расшибся. Так, коленку ушиб да локоть содрал.

А теперь представь себе мою ситуацию. Не, я не про локоть. Тебя нет, и вернёшься нескоро, ключи у меня в квартире, а в окно до восьмого этажа и не доберешься – я про по стене. Я и пошёл в гости к этой девушке со второго – ну, что девушка, это я потом, в смысле когда пришёл, понял, сходу-то да на лету – просто, раз книжка, вроде как родственная душа, хоть до твоего прихода о поэзии потреплюсь. Вот до этого времени и трепались. Опять? Да я б тогда *до*, просто ключей у меня...

Да нет, не запомнил. Причём тут цвет глаз, мы ж о поэзии, а не о...

Нет, не помню, блондинка она или брюнетка. Какие-то волосы были, эт' точно, а то я б это заметил, а какие... Да ты сама, кто там у нас на втором точно под нами, ещё я классификацию всех встречных-поперечных по масти. Да кончай ты расспросы, всё есть – и ноги-руки, и зубы – я б иначе заметил. А вот какие именно – извини. Мы ж о поэзии, а не о красках для волос.

Да, я её в гости позвал. А то неудобно как-то: я-то у неё чуть не день просидел. Да и то: не её бы книжка – и хлопотать бы тебе сейчас с ритуальными услугами. Не, поэзия – это сила.

Ольга Вылегжанина (Савина), 35+, с. Чердаты, Зырянский район

РАССКАЗИКИ ВЫМЫШЛЕННЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

ИЗЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

Здравствуйте! Меня зовут Алёна. И я начну свой рассказ с банальной по нынешним временам фразы. Я своего отца никогда не видела. Он исчез из моей жизни, когда узнал, что моя мама беременна. Но я никогда не мучилась от этого. Всю мужскую любовь мне давали мой дедушка и мамин брат, мой дядя Юра. Так получилось, что моя бабушка умерла в день моего рождения и из-за меня этого меня и назвали в честь бабушки. Моя мама была студенткой и своего жильё не приобрела, и мы жили у дедушки дома. Дядя Юра то же не торопился жениться. И так как я была самая маленькая, то меня буквально залюбливали. Мама отучилась на журфаке, когда мне было три года. Пошла работать и я очень часто оставалась с дедушкой и дядей Юрой. Я как то легко прожила с ними до восемнадцати лет. Закончив школу, я как и мама поступала на журфак. Там и познакомилась со своим будущим мужем Володей. В нём всё как-то удивительно переплелось, и дедушкина любовь ко мне, и дядина, какая-то заботливая суровость. У нас с Володей всё сразу было откровенно. Я рассказала, что никогда не видела своего отца, он, что поздно перенёс ветрянку, почти в 17 лет. Но я этому тогда не предала значения. Мы поженились после первого курса. Мы были так счастливы! Почему были? Потому что нас с Володей больше нет! На втором году нашей с Володей жизни, я стала задумываться о ребёнке, но муж предложил отложить до конца учёбы. Я опять не предала значения, что всё это время мы не разу не предохранялись. Я согласилась подождать. Мы отучились, и что бы наш малыш родился здоровым, мы решили сначала пройти обследования. Вот тут то и выяснилось самое ужасное. Мой муж, мой Володя, никогда не сможет иметь детей! Я думала, что наша жизнь оборвалась. Я оглохла, ослепла тогда. Домой приехали никакие от переживаний. Было ощущение, что нас переехал асфальтоукладчик. Как мы этот год прожили, не знаю. Но однажды Володя подошёл ко мне, обнял меня и предложил: -Давай попробуем ЭКО. Я как очнулась! Господи! Вот он выход! Как мы сразу до этого не додумались! Скажу сразу, что я с Володей никогда не хотела разводиться! Он моя жизнь! Моя половинка!!! Мы прошли обследования и пока меня подготавливали к оплодотворению, Володя все это время был рядом. ЭКО прошло без осложнений. Я забеременела с первого раза. Первые месяцы моя беременность протекала хорошо, на пятом месяце мне сказали, что есть незначительные отклонения у плода. Выписали таблетки, витаминки. Когда курс таблеток закончился, меня повели на УЗИ, но малыш, повернув-

шись спинкой, не показал себя. Все следующие УЗИ он то же отворачивался от меня. Роды проходили как то сложно. То ли потому что первые, то ли из-за отклонений в развитии ребёнка. Я так намучилась при родах, что сразу же отключилась после них. Меня откачали на вторые сутки и сказали что мой ребенок не как все. Я в первые секунды подумала, что он без ручки, или без ножки, или вообще даун. Но удар был ещё сильнее! Они сказали, что мой ребёнок рождён от близкого, родного человека! Врачи извинялись, не понимая как это случилось, и только заглянув в базу донорства спермы, они назвали мне фамилию, имя и отчество донора. Им оказался мой отец! Я его никогда не видела, но всегда знала его паспортные данные. Я умерла тогда во второй раз! Ребёночек не прожив и пяти дней, умер. Володя как то сломался и не приходил ко мне. Моя мама и мой дядя не отходили от меня. Дедушка на тот момент уже три года как помер. За что мой папа поступил так жестоко со мной???

МАЛАХОЛЬНАЯ

На свете жила женщина. Жила в городе. Даже в трёхкомнатной квартире, доставшейся от родителей. И не то, что в своей многоэтажке, но даже в своём районе, её называли не иначе, как малахольная. И вот по какой причине. Она была не красавица, и даже не стройная, но родители внушили ей обратное. И вот она уверенная, что она самая, самая размечталась выйти замуж. Но мужчины на неё не очень то и заглядывались. Но вот однажды на её горизонте появился мужчинка. Она то женщина высокая, плюс большого объёма тело, а он маленький, метр пятьдесят. Тощенький. Но для неё он казался принцем на белом коне, точнее на белой Оке. И такая у них любовь пошла, месяца так на три. За это время мужчинка смог её узнать как женщину властную и благополучно от неё убежал, оставив беременной. Она немножко поплакала, с недельку так, и успокоилась. Решила, что будет растить ребенка одна. И так она опять размечталась, что у неё будет именно сын, а не какая то там дочь, что за время беременности накупила всего и много. Ребёночек родился в срок и даже мальчик. И решила она назвать его Добрыня. И размечталась, что сыночек её будет богатырь необыкновенной силы, но сынок рос похожим на папу. Но она этого и не замечала. И вот он уже юноша, окончивший школу. Она выходит на балкон и кричит ему таким властным, низким голосом: «Добрыня!» и отзывается сынок таким высоким, то есть писклявым голосом: «Что мама?» и опять она: «Кушать пойдём!» и он: «Сейчас мама, только с парнем своим попрощаюсь!» А она малахольная в своих мечтах услышала, что он сказал про девушку и начала мечтать уже о внуках, таких же как сын богатырях.

ЛИСТОК

РОС В ПАРКЕ КЛЁН. ЕМУ БЫЛО УЖЕ ЛЕТ ШЕСТЬ ИЛИ СЕМЬ. ПРОШЛА ОЧЕРЕДНАЯ ЗИМА, НАСТАЛА ВЕСНА И КЛЁН НАЧАЛ РАСПУСКАТЬ ЛИСТОЧКИ. ВСЕ ЛИСТОЧКИ БЫЛИ КРАСИВЫЕ, РЕЗНЫЕ, А У ОДНОГО БЫЛА ЕЩЁ МАЛЕНЬКАЯ ЗВЁЗДОЧКА ПОСЕРЕДИНЕ. ЗА ЛЕТО ЛИСТОЧЕК ОКРЕП, СТАЛ ЕЩЁ КРАСИВЕЕ, ЗВЁЗДОЧКА В СЕРЕДИНЕ СТАЛА ЧУТЬ БОЛЬШЕ. ВСКОРЕ ЛИСТОЧЕК СТАЛ ПОНИМАТЬ, ЧТО НАСТУПАЕТ ОСЕНЬ, И ЕГО ЖИЗНЬ СКОРО ПРЕКРАТИТСЯ, КАК И У МНОГИХ ДРУГИХ ЛИСТЬЕВ, И ПОРА ЗАДУМАТЬСЯ, КАК СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ О СЕБЕ. ЛИСТОЧЕК СТАЛ НАБЛЮДАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВОКРУГ И ЗАМЕТИЛ, ЧТО ОДНА ДЕВОЧКА ПРИХОДИТ В ПАРК И ЗАЧЕМ - ТО СОБИРАЕТ ЛИСТЬЯ.

НАСТАЛА ОСЕНЬ, ВСЕ ЛИСТЬЯ С ДЕРЕВЬЕВ ОПАЛИ. НАШ ЗНАКОМЫЙ ЛИСТОЧЕК, ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ ДЕРЖАСЬ ЗА СВОЮ ВЕТЧКУ, ВДРУГ УВИДЕЛ ТУ САМУЮ ДЕВОЧКУ, СОБИРАЮЩУЮ ЛИСТЬЯ. ОН ОТОРВАЛСЯ ОТ ВЕТКИ, ПОЛЕТЕЛ И УПАЛ ПРЯМО У ЕЁ НОГ. ДЕВОЧКА УВИДЕЛА КРАСИВЫЙ ЛИСТОЧЕК, ПОДНЯЛА ЕГО И ВЛОЖИЛА В РУКУ, В КОТОРОЙ УЖЕ БЫЛИ ЛИСТЬЯ.

ПО СЧАСТЛИВОМУ СТЕЧЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, В ЭТОТ МОМЕНТ ХОДИЛА ПО ПАРКУ ХУДОЖНИЦА. ОНА ПИСАЛА ПЕЙЗАЖИ, ПОРТРЕТЫ И ИСКАЛА И НОВОЕ ЛИЦО ДЛЯ КАРТИНЫ. УВИДЕВ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ С БУКЕТОМ ИЗ ЛИСТЬЕВ, ХУДОЖНИЦА ПОЗВАЛА ЕЁ И СПРОСИЛА, НЕ ХОЧЕТ ЛИ ДЕВОЧКА ПОПОЗИРОВАТЬ, ПОКА ОНА ДЕЛАЕТ НАБРОСКИ.

ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА КАРТИНА "ДЕВОЧКА С БУКЕТОМ ИЗ ЛИСТЬЕВ" БЫЛА НАПИСАНА. ВОТ ТАК И СБЫЛАСЬ МЕЧТА ЛИСТОЧКА КЛЕНОВОГО СОХРАНИТЬ О СЕБЕ ПАМЯТЬ НАВЕЧНО!!!!

Нина Габдрахманова, 35+, с. Берлинка Зырянского района

УМЕРЕТЬ ОТ ...

(рассказ)

Война. Сколько горя, принесла она, сколько оставила вдов и сирот! Сколько она поклечила судеб людских.

Мне хочется поведать о настоящей большой любви. Жила в Берлинке молодая семья Крупцевых. Встретились молодые на вечёрке, как водится в деревне. Клавочка Безрукова давно заприметила Петра Крупцева. Был он парень красивый, высокого роста, смуглый, чуб волнистый, волосы темные. Девчата проходу ему не давали, сами липли, а Клавочка стеснялась даже близко к нему подойти. Была она росточка небольшого, худенькая, глаза голубые, что синь поднебесная, коса русая до пояса, певунья. В общем, хрупкая вербочка, тем не менее Пётр её заприметил.

Однажды на вечёрке Пётр вызвался Клаву проводить до дома, а возле ворот признался, что она ему нравится. Стали встречаться, а вскоре и поженились. Любовь у них была неземная, жить друг без друга не могли. Через год после свадьбы родился у молодых сыночек Ванечка. Все шло сладко. Пётр Викторович был очень хорошим семьянином, а Клавочка замечательной хозяйкой. В доме был достаток. Казалось, что счастьем не будет конца, но оно оборвалось в одночасье.

Началась Великая Отечественная война. Петра забрали на фронт защищать Родину, а Клавдия осталась одна с сыночком Ванечкой. Письма от Петра приходили редко, но какие это были письма! Полные любви, надежды! В каждом послании Пётр просил Клаву о том, чтобы берегла она сына, и обещал вернуться после победы домой. Строил планы на будущее. Клава с нетерпением ждала заветного треугольничка, а получив его ревела от радости: значит, Петенька жив. Но вот писем не стало. Клавдия выбегала навстречу почтальону в надежде получить весточку от мужа, но ничего не было. Однажды почтальон сам зашёл к Безруковым (Клавдия в то время была у своей матери) и протянул её конверт с казённым штампом вместо адреса отправителя. Это была похоронка на Петра. Прочитав похоронку, Клавдия забилась в истерику, рвала волосы и выла, как волчица. Сбежались соседи. У каждого было свое горе, кто-нибудь да погиб на войне или пропал без вести, но горе Безруковых никого не оставило равнодушным. Это пришла третья похоронка, на третьего зятя. Все три дочери остались вдовами.

От горя Клавдия слегла, не было сил не есть, ни пить. Жить не хотелось. И только сыночек Ванечка вернул её к жизни. Сын был смыслом её жизни. Ещё один удар судьбы пришлось пережить Клавдии – погиб на войне ее отец.

Закончилась война, стали возвращаться в село те мужчины, кто остался в живых. Кто без руки, кто без ноги, но и таким были рады, всё таки хозяин в доме. Шли тяжелые послевоенные годы, нужно было поднимать хозяйство. Рабочих рук не хватало, и женщины несли на своих хрупки плечах нелегкий груз вдовьей судьбы. На лошадях да быках пахали, сеяли. Жали хлеб серпами, вязали снопы и складывали скирды, а зимой молотили и возили мешки в амбары. Работали, не покладая рук, от зари до зари. Нужно было успеть сделать дела дома и бежать на работу в колхоз.

Очень трудно было в зимнюю пору. Дрова возили на себе или коровах, лошадей для личных нужд не давали, а топить печь нужно было, вот и шли с саночками в лес за дровами. Нужно было как-то жить, растить детей. Клавдия жила ради сына Ивана, в тайне питала надежду, что вернется её любимый Пётр. Долгими зимними ночами прислушивалась Клавдия к

завыванию ветра, к каждому шороху, стуку. Ей казалось, что вот сейчас стукнет калитка, и её Петя взойдет на крыльцо, постучит в дверь и скажет: «Я вернулся, любимая!». Но, так и не дождавшись заветного стука, ложилась Клавдия спать в холодную вдовью постель, подушка мокла от слез. Сердце разрывалось от горя и одиночества, от смертельной тоски по мужу, по его крепким рукам, по шершавым мозолистым ладоням, которыми он нежно ласкал ее.

Время не стоит на месте. Прошли годы. Вырос сын Иван, красивый, сильный, высокий в отца, а светлый - в мать. Полюбил Иван Катю Грошеву, женился на ней. Мать рада была за сына, сноха попалась работящая, умная, ласковая. Свекровь она называла мамой. Родился у Ивана с Катюшей первенец, назвали его Сашей, а второго внука Клавдия попросила назвать Петей, в честь деда. Мальчонка родился смугленький, с тёмными волнистыми волосами, росленький такой крепыш. Жили все вместе и дружно. Сын целыми днями пропадал на работе, он был механизатором, Екатерина тоже работала в колхозе, а Клавдия помогала растить внуков. Всю свою нерастратченную любовь Клавдия отдавала им, особенно баловала Петеньку, он был ее любимчиком.

Как не стоит на месте в реке вода, так и время не остановишь. Подросли внуки. Сашеньку уже взяли в армию, на подходе был и Петя. Подрастая, он всё больше и больше походил на своего деда, даже голос был такой же. Иногда Клавдия вздрагивала, и её сердце начинало бешено колотиться, когда Петенька, возвращаясь из училища домой, с порога говорил: «Я пришел, бабуля, кушать хочу, корми скорей». Как счастлива была Клавдия в эти минуты, кормила внука, а сама представляла, что это ее Петя, её муж вернулся с работы. Уж сильно походил внук на своего деда, как две капли воды.

Настал черед и внуку Пете идти в армию. Его проводы Клавдия переживала болезненно. Сердце Клавдии щемило и болело, даже лекарство иногда не помогало, и тогда молила Бога, чтобы он дал терпения и здоровья на эти два долгих для нее года. Часто не могла она уснуть по ночам, ворочалась, вздыхала, вспоминала свою молодость, своего Петра Викторовича и плакала. Плакала горькими вдовьими слезами. Сколько её сватали после войны, но всем был дан ответ: «Нет».

Хранила она верность своему мужу. Ведь дала слово ждать, вот и ждала и любила его одного. Пронесла через годы она свою лебединую верность мужу.

Теперь у нее была одна забота – дожидаться из армии внука Петеньку. Увидеть его в военной форме. И вот настал долгожданный день – на пороге дома Пётр. Высокий, красивый, кареглазый, смуглый, волосы волнистые, черные. Он произнес заветные, до боли знакомые слова: «Я вернулся, бабуля! Родная, я так верил, что ты меня дождешься!» сердце Клавдии сжало словно тисками, не вздохнуть, не охнуть, ноги подкосились, в голове всё перемешалось. Смешалось для нее прошлое и настоящее, но не хватило сил у Клавдии Егоровны для того чтобы броситься навстречу к внуку, обнять, поцеловать, прижаться своей седой головой к его широкой груди. Всё, что смогла сделать Клавдия, это тихо прошептать: «Петя!». Внук сам подбежал к бабушке, обнял, поцеловал её и положил свою голову на ее колени, как он делал это в детстве.

Вечером в доме собрались гости, многочисленные родственники, друзья, чтобы отпраздновать возвращение солдата. Так уж повелось на селе – праздновать встречу. Пили за встречу, за здоровье, за тех кто ждал. За мать, за отца, за солдата – удальца. Весь вечер Клавдия была веселая. Не могла оторвать взгляда от любимого внучка Петеньки. Заиграла гармонь, женщины пошли плясать. Клава тоже вышла на круг и запела частушку, голос был чистый, звонкий:

Дайте в руки большой нож,
Бело полотенце.
Разрежьте мне грудь,
Посмотреть на сердце...

Её сердце трепетало из последних сил, и казалось, что ему не хватает места в груди. Все очень удивились, что баба Клава запела. Ни сын со снохой, ни внуки никогда не слышали её пения.

Поздно, почти за полночь разошлись гости. Баба Клава помогла снохе Кате убрать со стола и помыть посуду, потом все легли спать, пожелав друг другу спокойной ночи. Но ночь получилась беспокойной. Клавдии Егоровне сделалось очень плохо. Её старое, больное сердце не смогло перенести такой большой нагрузки. Ослабленное за долгие годы горем разлуки да смертельной тоской одиночества, оно не вынесло радости встречи, остановилось. Только и смогла Клавдия громко простонать, а когда к ней подбежали сын и сноха, она тихо и радостно прошептала: «Я его дождалась!». Её сердце перестало биться. Смерть была мгновенной.

Утром известие о смерти Клавдии потрясло всё село. Люди удивлялись, как это можно умереть от радости. Оказывается, можно. Сердце не камень, оно может не вынести большой радости. Тем более, что оно ждало всю жизнь этой встречи. Оно любило, любило безответно. Оно было одиноко, ему не с кем было биться в унисон.

ЛИТОРГИЧЕСКИЙ СОН

За Томью, в селе Тахтамышево, играли татаро-русскую свадьбу. Жених был татарчонок, невеста – русская. У мусульман не принято жениться на иноверках, это большой грех, но современная молодёжь наплевательски относится к обрядам, к поверию. Молодость и любовь берут своё. Вот и Нурилка не послушал родственников и привел в дом русскую девушку Надю, которую любил безмерно. Свадьба была пышная, гостей много. Все гости едят, пьют, пляшут, песни поют. Молодым всех благ желают. «Горько» - кричат. Всем весело, гармонь играет. Я тоже была в числе приглашенных гостей со стороны невесты. Я заметила, что одной женщине не весело. Она сидела задумчивая, отрешенная, будто горем убитая. Я подошла к ней, мы познакомились. Женщину звали Алией Касымовной. Это была гостья со стороны жениха. На вид ей было лет пятьдесят, она была очень красивая. У неё были длинные косы, как у всех татарок. Я спросила, почему она не веселится.

– Не до веселья мне, беда большая у меня, - ответила Алия Касымовна. Я попросила её поделиться со мной своей бедой, ведь если с кем-нибудь поделиться своими невзгодами, то станет легче. Женщина пожала плечами, смахнула набежавшую слезу, низко опустила голову и тихо начала своё повествование. Алия Касымовна работает главным врачом в районной больнице Кемеровской области. Её родной брат Ринат с семьёй тоже живёт в райцентре, он женат на красавице Нурии, она работает терапевтом в больнице. У них двое детей: шестнадцатилетняя дочь Мениса и двенадцатилетний сын Ильнур. У брата жила их мама. Всё было хорошо, но вдруг случилась беда, как гром среди ясного дня. Утром Ринат встал пораньше, тихонечко, чтобы не разбудить жену, пошёл убираться со скотиной, а мать в это время пекла кислые оладушки. Переделав все дела во дворе, Ринат зашёл в дом. На столе стоял вскипяченный самовар, дымились горячие оладушки, все было готово к чаепитию.

– А где Нурия? – спросил у матери Ринат.

– Что-то ещё не вставала, сынок, а будить мне её жалко, намаялась она вчера, очень трудный был день.

– Что вы говорите, мама?

Ринат зашёл в свою спальню. Жена лежала лицом к стене.

– Нурия, дорогая, просыпайся, солнышко давно уже встало, скоро дети проснутся, чай пора пить. Но жена ничего не ответила, даже не пошевелилась. Тогда Ринат решил разбудить свою любимую жёнушку поцелуем. Он наклонился над кроватью. Нежно повернул жену лицом к себе и резко отшатнулся: Нурия была холодна, лицо у неё было бледное, бледное, без признаков жизни. Ринат пулей выскочил из спальни и закричал на весь дом.

– Мама, мама, Нурия умерла.

От его дикого крика проснулись дети, в доме начался страшный переполох. Все кричали, плакали. Свекрови сделалось плохо с сердцем. Прибежали соседи, они не могли понять в чём

дело, были очень удивлены случившимся: молодая, здоровая, в расцвете сил женщина вдруг умерла. Приехала Алия Касымовна с участковым врачом, они констатировали смерть. Али я Касымовна велела брату везти Нурию в морг на вскрытие, но Ринат умолял сестру не вскрывать жену, и сестра сдалась, дала добро на захоронение. У мусульман принято хоронить в тот же день до захода солнца, а поминки справлять на третий день после похорон. Мужчины поехали на кладбище копать могилу, а женщины стали кроить и шить саван. Когда мужчины сообщили, что могила готова, женщины омыли тело Нурии, обрядили в саван, уложили на специальные носилки и передали мужчинам. Мужчины подняли носилки и понесли покойную на кладбище. Женщинам и девочкам ходить на кладбище не разрешают, это большой грех. Сорок шагов прошли от дома вслед за покойницей, и все женщины возвращаются назад, а мужчины продолжают траурную процессию. Так похоронили Нурию до захода солнца. Ринат почернел от горя, у детей не просыхали от слёз глаза, свекровь вообще слегла. Горе было безмерным.

Вечером возле дома Ахмедшиных собралась молодёжь, чтобы поддержать Минису и Ильнура. Миниса стала уговаривать ребят сходить на кладбище посмотреть, где похоронена их мама. Сначала ребята не соглашались, боязно идти поздним вечером на кладбище, но соседский паренёк, Шамиль поддержал Минису и они всей гурьбой пошли на погост. Сначала громко болтали, но чем ближе подходили к кладбищу, тем тише становилась их болтовня, потом шли молча. Вот и погост, страшновато. Вдруг они услышали женский голос.

– Не оставляй меня здесь, уведи меня домой, ну пожалуйста. Мужчина в ответ бубнил что-то невнятное. Миниса закричала: – Это моя мама! – и кинулась бежать на голос. Ребята побежали за ней.

Возле могилы Нурии они увидели странное явление: полуобнаженная женщина (саван был наполовину снят) ухватилась за ногу мужчины и волочилась за ним. Мужчина пытался всячески отбиться и убежать. Ильнур громко закричал:

– Да это же дядя Камиль.

Ребята поймали Камилу, связали ему руки вязками от савана и повели его в милицию. Это был их односельчанин. Женщина действительно была мать Минисы и Ильнура. Половина головы у нее была обстрижена, по правому виску стекала струйка крови. Миниса дала матери свою кофту, и они все вместе пошли домой. Нурия всю дорогу повторяла как заклинание, что могила осталась пустая и открытая, а это очень плохая примета.

Мужчину ребята отвели в милицию и рассказали там о случившемся, а Нурия с детьми пришла домой. Ильнур первым забежал домой и закричал во все горло: «Папа, бабушка, мама живая, она вернулась!» На пороге действительно стояла Нурия. Ринат не смог встать с дивана, у него отнялись ноги. Он так и остался сидеть на диване с широко открытыми глазами и ртом что-то пытался сказать, но не смог.

На шум и крики из своей спальни вышла свекровь, увидела сноху, схватилась за грудь и прошептала: «Шайтан уйна, шайтан». Она упала на пол и перестала дышать. Прибежали соседи, приехала милиция и скорая помощь. Когда Алия Касымовна зашла в дом к брату, то увидела страшную картину: на полу лежала мать без признаков жизни, сноха и брат сидели, обнявшись на диване и рыдали. Дети были рядом и тоже плакали толи от горя толи от радости, не понять. Вид Нурии очень напугал Алию Касымовну, она все поняла, поняла свою роковую ошибку.

Мать Рината и Алии Касымовны схоронили на завтра. Её положили в ту самую могилу, где была захоронена Нурия. Могила не осталась пустой и открытой.

Прокуратура начала расследование этого из ряда вон выходящего инцидента. Личность мужчины была известна в селе, он жил одиноко, нигде не раболтал, часто куда-то уезжал на какое-то время. Посещал все похороны, вел замкнутый образ жизни, как волк одиночка. Во время следствия в его доме сделали обыск. С улицы дом был большой, а внутри – не очень. Когда обследовали подполье, то обнаружили потайной лаз в комнату. Там не было ни дверей, ни окон. На полках в коробках и на полу лежали женские волосы, а так же ювелирные украшения. Много было готовых париков и шиньонов. Этот мужчина занимался странным

промыслом. Он всегда знал кого, когда и где хоронят. Камиль ночью выкапывал покойниц, обстригал волосы, забирал украшения. Камиль был очень хороший ювелир и мастер по изготовлению париков шиньонов. Камиль присутствовал на похоронах Нурии, он знал, что у нее очень хорошие волосы. Поздним вечером он пробрался на погост, раскопал могилу, вытащил Нурию наверх, развязал саван на голове и поясе, снял кольца с рук, серьги из ушей и начал стричь волосы. По неосторожности, а может в спешке он простриг на правом виске кожу, задел нерв, потекла кровь по щеке. В это время Нурия очнулась. Это был летаргический сон. Нурия поняла, что ее заживо схоронили. Она крепко схватилась за Камиля. Он хотел убежать, но Нурия крепко держала за ногу, началась борьба. В это время подросла молодёжь, парни связали Камиля. Так был задержан Камиль Нурутдинов. На него и на главного врача ЦРБ завели уголовное дело – началось расследование.

– Какая дальнейшая судьба у Нурии? – спросила я у Алии Касымовны.

– Все в порядке, она прошла психологическую реабилитацию, работает терапевтом, родила сына Тимерлана, носит искусственный парик, а свои волосы отрастают, – ответила Алия Касымовна. – Меня же ждет суд, я нарушила закон, дала добро на захоронение снохи и мамы без вскрытия.

Она глубоко вздохнула, взяла меня за руку и сказала: « Пойдемте к столу, сегодня свадьба у моего племянника, я Вас и так утомила своими проблемами».

Свадьба была в самом разгаре, тамада провозглашал тосты, молодым кричали: «Горько».

Александр Егоров, 1937 г.р., пенсионер, Томск

О МОЁМ ДЕДУШКЕ ФЕОКТИСТЕ. И НЕ ТОЛЬКО...

(рассказ – воспоминание).

Моего дедушку звали Феоктист Николаевич. Его не стало, когда мне было всего шесть лет. А отца не стало спустя год, когда я пошел в первый класс. Но оба оставили о себе неизгладимые воспоминания.

Сегодняшняя история будет про моего деда. Я его очень любил и уважал, хотя виделись мы лишь летом. «А что мне привезешь?» спрашивал я его, а он отвечал с доброй улыбкой «А редьки хвостик». И, конечно же, праздниками были поездки на лошади вместе с дедушкой или самостоятельно верхом на водопой к пруду. Видимо с той поры и полюбил я лошадей. Хотя чуть от них не пострадал.

Как-то отправил меня дед пяти-летнего и одного с копной сена, а конь свалил и меня и сено... Сегодня мне уже девятый десяток лет, но я недавно на майских праздниках попросил славную девочку Олю, катающую ребятшек, разрешить мне взобраться на коня и проехаться в седле. Довольны были все: и я, и Оля, и, жеребец Цыган.

Конечно, сам о себе дедушка мне не рассказывал, мал я был, да и не приветствовались тогда откровенные рассказы, время было такое... Так что основные сведения о нем я получил от бабушки Матрены Дмитриевны, а также от моей мамы Зинаиды Феоктистовны и дяди Василия Ивановича. Из их рассказов и сложилось убеждение, что дедушка мой Феоктист Николаевич был человеком незаурядным.

Во-первых, был грамотным, поскольку учился в ЦПШ (церковно-приходской школе). Во-вторых, был глубоко верующим человеком. В-третьих, никогда не матерился, даже в «критические» моменты, что всегда было характерным для русских мужиков.

Бабушка Мотя вспоминала, что на ее вопрос «страшно ли было на войне?», дедушка отвечал: «было и страшно» и с улыбкой, добавлял, что страх заставлял солдат вспоминать о Боге. Только отправившие всех «по матери», солдатики, во время вражеских артобстрелов - бросались на дно окопа со словами: «Господи, помилуй!».

Одним из главных достоинств Феоктиста были его золотые руки. Казалось, он умел делать все: выполнять любые плотницкие работы, шить обувь, подковывать лошадей, стеклить окна. Я не говорю уже о его столярных способностях. До сих пор сохранились комод и буфет его работы из кедровой древесины.

А еще он очень внимательно относился к своему внешнему виду. Его одежда всегда была опрятной, лицо чисто выбрито. Кроме рыжих усов, которые он красил в черный цвет, несмотря на бабушкины усмешки. Наверное, такому отношению способствовали и несколько лет службы в армии. Сначала на действительной военной службе в железнодорожных

войсках на КВЖД (китайско-восточная железная дорога, принадлежащая России), а затем на фронтах Первой мировой войны.

Достоверно известно, что на фронте Феоктист не прятался за спинами, о чем свидетельствуют боевые награды: солдатский крест и медаль «За храбрость второй степени». Медаль мои дети еще в семидесятые годы отнесли в музей школы № 48, где тогда учились. Тогда это было принято - все свое отдавать государству. Учителя предложили детям принести каждому в музей какие-то исторические реликвии. Принесли почти все. Был отличный школьный музей. После того, как школу реорганизовали, ликвидировали и музей. Так исчезли и все экспонаты. Недавно я разыскал директора того музея. Она лишь вспомнила, что подъехал самосвал, все свалили в кузов и куда-то увезли. Куда, никто не спросил и на варварское отношение к историческим реликвиям никто не обратил внимание. Я пытался разыскать следы этого музея. Но безуспешно.

Искал я не награды (хотя и они важны), а уникальную фотографию, на которой были запечатлены мой дед и еще несколько солдат, возвращавшихся домой после революции 1917 года и окончания войны. Все они сидели на железнодорожной насыпи, на заднем плане которой был состав из десятка вагонов «теплушек». На одном из вагонов огромный транспарант эсеров «Земля и воля». Вот в таком вагоне мой дед и возвращался домой.

Ехали в теплушках не только люди, но и лошади. Их, после роспуска армии, роздали демобилизованным солдатам. Привез коня по кличке Гнедко в свою деревню и мой дед Феоктист.

У этого коня тоже интересная биография. Во время войны он возил пушки, был огромного размера и недюжинной силы. Удивлял всех в деревне своей статью. В обмен за этого коня давали двух других, да еще корову в придачу. Но дед не предал своего друга. Когда ездили на мельницу, а тогда мололи зерно с помощью лошадей, этот конь тянул так, как не могли тянуть пара лошадей...

Гнедко однажды чуть опять не попал на войну. Уже на Гражданскую. А спасла его, на сей раз, бабушка. Было это так. В поселке Богашево остановилась на два дня воинская часть адмирала Колчака. Отбирали у крестьян лошадей, молодых мужиков насильно мобилизовывали в Белую армию. Попался им в лапы и родной брат моей бабушки Федор. Он сбежал, был пойман и жестоко избит плетями, однако опять сбежал. Дед мой с другими мужиками тоже скрывался в соседней деревне, где белых не было. А вот бабушка Матрена проявила себя очень отважной женщиной. Она сохранила Гнедка, спрятав его в заросле (стоге) сена, который стоял в огороде метров в двадцати от дома. Риск был большой, так как конь мог заржать и тем самым выдать себя. Тем более прямо в нашем доме ночевал белый офицер с двумя солдатами, а в конюшне стоял его собственный конь с кошевкой. Но, слава богу, обошлось.

Радоваться бы им, когда непрошеные гости уезжали. Так нет, хозяева, не смотря на риск, еще и вернули их, увидев в снегу торчащий край забытого ковра. Моей маме тогда было десять лет и она рассказывала, как бежала за офицерской кошевкой, когда колчаковцы, уезжали. И кричала

им: «Дяденьки, дяденьки! Вы ковер забыли!». Ковер чистили на огороде, выпал снег и запорошил его. Вот и не заметили. Но бабушка не могла взять чужого и потому послала дочку сообщить о находке. Те, конечно спешили, вернулись и забрали его, по словам бабушки это был великолепный ковер ручной работы.

Дом этот, в котором проживали бабушка и дедушка и которому сейчас уже более ста пятидесяти лет, до сих пор стоит в Богашево на улице Дзержинского. Рядом мы построили еще один, который используем, как дачу. Разобрать старый дом пока рука не поднимается, хотя уже все балки прогнили и жить там давно небезопасно.

Но не только лошадей привозили с войны. Всех в поселке Богашево несказанно удивил старший брат моего деда - Трофим, который привез шестнадцатилетнюю жену, красавицу, австрийку по имени Амалия. Она пришлась ко двору сибирякам за свою доброту, отзывчивость и трудолюбие. Хотя всегда говорила с акцентом, трудно её давалась русская речь. Баба Маля надолго пережила своего мужа и умерла в преклонном возрасте (под девяносто лет) в городе Томске, так и не научившись произносить некоторые русские слова.

Боевые заслуги, личные качества, а также уважение односельчан к деду Феоктисту, приглянулись и новой советской власти. В конце двадцатых годов деда назначили первым председателем сельского Совета. Однако выполнял он эти обязанности лишь короткое время. Начиналась коллективизация, власти требовали «раскулачиваний», в результате которых были репрессированы многие трудолюбивые крестьяне целыми семьями. Деду, как представителю местной власти, велели участвовать в этом деле, что оказалось для него нестерпимым. Баба Мотя вспоминала о том, как потряс их арест очень уважаемого всеми мастера, создавшего в деревне столярную артель под названием «Смычка», которая обеспечивала рабочие места многим мужикам. Звали его Викентий Викентьевич Воронько. Когда я спросил «За что арестовали?», бабушка полупшепотом ответила: «Не знаю».

По линии НКВД».

Еще один сильнейший удар дедушке нанесло то, что «новая власть» не верила в Бога, а новые активисты еще и оскверняли его образ. Как-то по сельским улицам в один из православных праздников двигался «крестный ход». Несли иконы, хоругви. Вдруг к шествию пристроилась местная активистка. Высоко подняв измазанную навозом лопату, она замыкала шествие. Дед, увидев из окна это действие, не выдержал, выбежал на улицу, выхватил лопату и дважды огрел черенком по филейным местам этой хулиганки.

Потрясенный последними событиями, дед несколько дней не выходил на работу, а потом явился к начальству и доложил, что «был в запое и ...потерял печать». Его и уволили. Баба Мотя говорила, что могли посадить в тюрьму. Крутое было время...

Много лет спустя, мой дядя Василий, который в то время был мальчишкой, рассказал правду о том, что дедушка печати той совсем даже не

терял, а закопал ее в огороде. Понимал, что за одно и то же дело – пьяного могут и простить, а вот трезвого - посадят. Вот и ушел в «придуманый запой».

Несколько лет после этого дед Феоктист трудился на мебельной фабрике «Краснодеревец» в Томске, затем был завхозом в средней школе села Богашево. Умер он в 1943 году от воспаления легких.

Вот таким был мой дорогой дед Феоктист Николаевич Стулов.

Я не располагаю достаточными сведениями о других родных братьях дедушки. Кроме уже названного Федора, были еще: Роман, Капитон и Полумен. Вот такие были тогда интересные имена, некоторые из которых сейчас опять возвращаются. Так вот все эти братья, вместе со своими соседями Приходкиными, Шевелевыми и другими мужиками - односельчанами задумали и построили вручную топором и лопатой в живописном Богашевском кедровнике настоящую жемчужину – лесной пруд, несколько лет назад разрушенный, и восстановленный лишь осенью 2012 - го года.

Два года я посещал властные кабинеты всех уровней, чтобы восстановить это озеро. Показывал фотографии, как оно выглядело еще десять назад и какое оно стало: практически высохшее, напоминающее лужу, заросшую тиной, со старой корягой, плавающей посередине. По вине предприятия, которое сбрасывало свои отходы в него. Нашел других сподвижников, которые тоже стали заниматься этим вопросом. Наконец из бюджета области были выделены средства на восстановление озера в Богашевском кедровнике. В мае 2013-го года оно было наконец-то полностью восстановлено. Более того: в него выпущены зеркальные карпы.

Я и сейчас каждое лето продолжаю отслеживать, в каком состоянии Богашевское озеро. Карпы в нем на следующий же год по неизвестной причине исчезли. Да и восстановленное озеро, не смотря на обещания властей сельсовета, совсем не очищается. А над подступах к нему, в кедровнике построено много самовольных дач. Да так, что привычной дорогой к нему уже не пройти, надо обходить кругами. Печально все это. Ведь кедрач – это жемчужина Сибири. Здесь в советское время бы замечательный дом отдыха, детские лагеря. Восстановить бы их, построить оздоровительные центры, экскурсии проводить, показывать ребятишкам красоту лесную...

Эх, силы мои уже не те... Я уже сам дед. Но для меня озеро – это память о моем замечательном дедушке Феоктисте, который создавал его со своими односельчанами более ста лет назад.

И я очень надеюсь, что найдутся и другие неравнодушные люди и работа по благоустройству Богашевского пруда и прилегающей территории будет продолжена и станет достойным знаком уважения к нашим предкам, для которых любовь и защита родной природы были святым делом.

Николай Кони́нин, 35+, Томск

БЕЗ КРЕСТА

В первое лето этого века Александр Кони́нин, мой двоюродный дядя, глядя на принадлежавшие неизвестно кому бывшие колхозные поля, сказал: «Был бы жив Николай Кони́нин, брат твоего отца, никакого Ельцина на нашей Земле не было бы, а жил бы Советский Союз. Николай голову носил прямо!

Прозвучала команда: «По машинам!» и призывники, перелезая через боковые борта стали рассаживаться на лавках. Николай ещё в строю сообразил, что на передней лавке сидя спиной к движению, можно будет долго видеть деревню.

До войны он несколько раз писал заявления, в военное училище, ну а с войной – в армию, думал: «Эх, разобьют «Адольфа», а он в тылу застрял. Мужиков позабирали, работа навалилась. Бабы и детишки трудились от зари и до темна... Николай работал учётчиком в тракторной бригаде, на месте старшего брата, призванного в 40г. Он с гордостью смотрел на большие буквы – А.Я.К. написанные на стенах будки полевого стана братом – Анатолий Яковлевич Кони́нин. – «Братишка, служи я не подвиду надо две нормы – будет две». А когда было легко: «Маме с тятёй при царском прижиме, или тятё в гражданскую. Может когда попросился человек заночевать – отужинал, выпили с тятёй – говорили об охоте и песни пели, а мама подтягивала: «В той степи глухой замерзал ямщик» и «Ой Мороз, Мороз – не морозь мэне, ой ни так мэне, як коне мого». Песню тятя мальцом перенял от деда, Николаевского ещё солдата (четвертак отрубил, как топором отрубил). Прохожий, с Полесья, с Пинских болот оказался, земляк стало быть деда – солдата. На утро, когда тятя ушёл, Пинчук надевая шапку глядя в пол на топор – выдавил: «Людины, а ведь я приходил убивать вас». Да в двери, через огород, и был таков. Мама после топор всегда на ночь стала прятать, и людей перестала привечать. Вот она, какая классовая борьба. Или после, когда тятю председателя колхоза по навету обвинили в утрате семенного фонда, хорошо наш народный суд разобрался – легко никогда не было. Товарищ Сталин верно сказал: «Классовая борьба будет нарастать»

В августе проходило колхозное собрание – «О создании фонда «Обороны Страны» - Николай пожертвовал 40 трудодней и 25рублей, его тятя – барана и 100 рублей. Никто не остался в стороне, даже самые злобствующие, и только один гнус, из ссыльных отказался. Хотя на собраниях и звучали речи о скорой победе, все молча знали: «Ох, как будет трудно!»...

Расселись по лавкам - из раструба репродуктора, из черноты раненого горла, разрывая душу, прорывалась песня «Вставай страна огромная». Мамы, сестры, невесты заголосили – сколько похоронок уже пришло, а сколько еще прейдет. Машины тронулись, люди бросился за ними, но

вскоре отстали в клубях пыли, и копоты и только мальчишки на конях держались. Александр Конинин мчался с его стороны, успевая настёгивать лошадь, да размазывать рукавом пот. Машина спускалась в низинку – деревня пропадала, выныривала – с ней выглядывала деревня, вот уже и с самых высоких бугров невозможно стало разглядеть дома. И только белый лик Ишимской Церкви, в темном окладе соснового бора неизменно стоял перед глазами.

Николай сколько себя помнил – при возвращении в деревню первое что выросло над лесом – церковь. Особенно в сумерках – ждал, ждал явления её светлого лика. Ему стало стыдно, что первый раз надев пионерский галстук, пробежал босиком по луже и забрызгал деревенского батюшку, что сочинял и пел нехорошие частушки, и смеялся, когда взрослые подпоили батюшку, да пьяненького опрокинули в канаву. И вспомнил, как он весело бежал за машиной, увозившей батюшку, как тот смешно тряс седенькой бородёнкой на кочках, стучаясь головой в плечо то одного военного, то другого – Классовая борьба! ...

Уже только пристав на ноги, можно было, ухватить краешек купала. Он первый раз в жизни, но далеко не в последний, пожалел, что скинули крест, ведь – сколько бесконечных мгновений они бы глядели друг на друга. Ещё несмышлёнышем, он смотрел на это второе никогда не заходящее солнышко. Со временем – Тятя, и в школе объяснили: «Религия – опиум для народа, мракобесие, шоры для ослепления масс» А тогда собрались со всех окрестных деревень, играла музыка, конные с винтовками, отделяли народ от церкви. Старухи причитали, крестились – большинство, сняв шапки, как на похоронах молчало, все были крещены в Ишимской церкви. После митинга комсомольский вожак и несколько активистов полезли с верёвками на купол. Вожак как то изловчился и с четвёртого раза накинул петлю на крест, но не удержался и заскользил по куполу, раз другой бухнул барабан и замолчал – даже вороны смолкли. Но босые ноги нашли опору, и он цепляясь за верёвку накинул ещё петли. Спустился за ним и остальные. Дёрнули веревки, и крест 100 лет державший Мир и небо на раскинутых руках рухнул – аж но небо о село. Крест положили на телегу и в сопровождении военных увезли. Сам не зная, почему Николай плюнул в след. Стали расходиться, а комсомольцы во главе с вожаком, пионеры весело вертелись тут же. Кирками разбирали один из приделов, кирпичи на клуб, да куда там кладка то на яичных желтках, на века – теперь только крошево одно! ...

Вот и конные отстали, и самый упорный, двоюродный брат Александр настёгивал лошадь, где то за холмами. Машину подкинуло, и блеснул позолотой Ишимский крест, Николай удивлённо протёр глаза – и опять блеснул крест – это солнечный луч, выскользнув из – за тучи пронзил слезу, пошёл мелкий, скорый дождик – а в дождь уезжать к удаче. Вчера день на полях, а ночь напролёт – проводины, глаза закрылись сами собой. Машина повернула, солнце переместилось за спину, одея головы сиянием. Шум мотора перебила гармошка – Нюра, одноклассница дрожащим голосом причитала: «Коля, Коля, Николай – сиди дома. . .» она пела, и смотре-

ла, смотрела на Николая. Только утром, уже после команды: «Стройся!», вытирая опухшие глаза, она подскочила к нему – губами прижалось к губам – ударило током: «Ко – ля, Ко – ля!», и уткнулась в плечо – их единственный поцелуй. Машина голосом мамы всхлипнула: «Спаси и сохрани раба твоего Николая!» Тятя – щетиной прижался к щеке, тут же стоял в солдатской гимнастёрке брат Анатолий и Батюшка. . .

Бабахнуло – Николай очнулся, заваленный комками мёрзлой Сталинградской земли, возле головы торчала телефонная катушка с проводом, руки сжимали винтовку. Тело было не своим, как отсиженная за ночным чтением нога. Голова гудел – взрывов, не очень далеких слышно было только от земли. Проверил рукой – цел ли? Ладонка стала, липкой, на телогрейке с боку мокрая прореха, боли не чувствовалось. В кармане, в пергаментной бумаге небольшой моток бинта – мало, мало! Выдрал из телогрейки вату, завернул в марлю, и под гимнастёрку, под тёплую рубашку. Располосовал одну из портянок, обмотал – пойдёт! Надо спешит. Николай вернулся по своим следам, нашёл обрыв кабеля, срастил с кабелем на катушке. Обернулся – и в уши ударил грохот взрывов, щелчки пролетающих над головой пуль, а в тело боль. Всё перепахано взрывами – обрыв где – то впереди, наклоняясь как можно ниже, а то и ползком он стал продвигаться. Николай сам тянул эту «связь» и помнил маршрут до деталей, главный ориентир – церковь. Когда он первый раз увидел ещё не разрушенную с куполом церковь – сердце кто – то взял в тёплые ладони, так хорошо было только с мамой.

А сейчас жгла мысль: «Время, время!», часы были разбиты, он не знал сколько пролежал без памяти. Катушка, и винтовка толкали в спину: «Вперёд!». Воронки кончились, можно искать место обрыва, а время утекало – кровь из раны, телогрейка взялась куржаком. .. Ага, нашёл, но катушка размотана полностью, надо ещё метров десять кабеля. На высоте уцелевшие козлы с обрывками колючей проволоки, подобрался, раздирая рукавицы и ладони вытянул кусок, больше нет – может хватит? Повернулся, и кто – то стеганул кнутом по ногам. Оземь пал – трава под косой! Так Тятя стеганул, когда разгорячённую лошадь стал поить студеной водой! На локтях дополз до катушки, срастил, потом к месту обрыва. Метр, один метр не хватает! Оглянулся, нет ничего! А в голове туман и спать хочется – мочи нет! Намотал на из раненую ладонь провод, и раскинув руки дотянулся до колючей проволоки, сжал в руке, почувствовал уколы от зуммера: «Ко – ля, Ко – ля, Ни – ко – лай!» Повернулся лицом к церкви – Тятя, брат, мама, Александр, Нюра, Пинчук, Батюшка пели: «В той степи глухой, замерзал ямщик».

Из каждых 30 призывников 22г. рождения нашей необъятной страны вернулся один, а на машине было 25. Солдат Николай Кониин лежит в Сталинградской земле, в братской могиле без креста, а на Земле от него осталась – Наша Страна, имя – что я ношу, письмо и похоронка. Солдаты – погибшие за родину находятся одеснУю Господа Бога

Галина Крестинина, 35+, с. Зырянское

ЛЕБЁДУШКА БЕЛАЯ

Предисловие

Сколько много написано, воспето и спето о любви и сколько ещё будет написано и спето. Любовь – у каждого она разная, своя – счастливая или несчастливая. Есть она или нет? только вот первая любовь – была у каждого человека и она не забывается и вспоминается всю жизнь. Первая любовь – взаимная или нет, но она была у каждого человека в своём возрасте. Она может быть в раннем возрасте, например в детском саду, школе или в более зрелом возрасте, в студенческие времена. Но надо не путать детскую симпатию с первой любовью. Симпатия – это когда четырёхлетний сынишка приводит домой соседскую девчонку Наташку того же возраста и важно заявляет: «Мам, пап, я женюсь на Наташке». Хорошо сынуля отвечают родители, но только тебе придётся с ней вместе спать на твоей маленькой кроватке. Да? Да мне же будет тесно. Всё, жениться не буду. Или история повторяется через десятки лет. Уже пятилетний внук приходит из детского сада и важно говорит: «Всё, я женюсь, свадьба завтра» «Васёк, а кто эта девочка? «Это Катя». «А её родители знают? Нет, но узнают, им сегодня Катюшка расскажет». Хорошо – говорят родители, теперь Катя будет жить с нами, играть на твоём компьютере, твоими игрушками, читать твои книжки, спать на твоём диванчике. Да? Нет я так не согласен! А нельзя жениться так, чтобы она жила у себя дома, а я у себя? Нет так нельзя. Ну, тогда я не буду жениться – объявляет, после небольшой паузы нам внук. Смешная ситуация. Но это поучительная история. а любовь, первая любовь – это такое непередаваемое чувство, эмоции, когда восхитительно трепещет сердце, когда ты ждёшь встреч, переживаешь и эти эмоции ты вспоминаешь и эти воспоминания ты проносишь через всю свою жизнь. И не важно – отвечали ли тебе взаимностью. Были ли первые свидания, первые поцелуи или просто дружеские встречи, почему то это уходит в прошлое и теряется во времени, а вот те эмоции, те волнения в душе, в сердце никогда не забываются, а с возрастом становятся каким-то ностальгическим чувством, когда хочется вспоминать и думать о первой любви. И вспоминать те чувства всю свою жизнь. Думая, вспоминая о ней – ты вспоминаешь себя молодой, юной со своей детской непосредственностью, невинной, ранимой, но такой счастливой. У тебя ещё нет за плечами ни забот, ни хлопот. Впереди вся твоя жизнь, с мечтами, желаниями. Исполнятся они или нет? Об этом ты узнаешь потом, а сейчас в том юном возрасте – ты купаешься в своих чувствах. Ты счастлива, потому что твоё чувство взаимно и тебе хочется от переполняющих эмоций летать, петь, танцевать. Дорогие живите: любите, если это

возможно, если вам это чувство послано свыше, ведь воспоминаниями об этих чувствах вы будете жить всю свою жизнь и думать о них с такой ностальгией и с такой печалью. Первая любовь – человек прожил не зря, если испытал это чувство, те эмоции – еще не взрослые, но уже далеко не детская симпатия. Юные, молодые влюбляйтесь! Берегите свои чувства! Оберегайте от грубостей, злого слова, от зависти – это чувство нежное не защищённое, его можно испугнуть. Любое плохое слово, поступок и она, как нежный ранимый цветок, может завянуть, угаснуть, погибнуть на первых, едва проросших ростках. Ведь у каждого из вас всё будет впереди, каждого ждёт любовь всей жизни: создание семьи, рождение детей, но каждый всегда будет помнить и вспоминать ту, самую первую любовь! И я ещё раз повторяю, что у каждого человека она своя и у каждого в своём возрасте и независимо ответная она будет или нет – не имеет значения. Каждый из нас будет помнить или помнит ту Первую, юную свою Любовь.

Ольга стояла у окна, зябко куталась в вязаную шаль и смотрела, как падал первый снег. Снежинки большие, пушистые озорно танцую снежный вальс, мягко ложились на землю, покрывая её белым пушистым одеялом. Вот и зима пришла, подумалось ей, очередная одинокая зима – с её капризами – холодом, метелями, снегом и мысли тут же скользнули в прошлое: её детство: она была не желанным ребенком. Мать как могла, хотела избавиться от неё – носила тяжёлые ведра с водой, таскала тяжести, колола дрова. Но Ольга усиленно цеплялась за жизнь, родилась она болезненным, замученным ребенком и мать, словно ей стало стыдно за свои поступки, стала её выхаживать. Ольга отставала в развитии от сверстников – позже стала держать головку, ходить. Часто болела, но дойдя до школьного возраста она словно родилась заново, обогнав своих сверстников в росте и знаниях и совсем перестала болеть. Легко училась, была общительной, так как быстро находила общий язык со всеми, никогда не лгала и всегда говорила правду глядя прямо в глаза того человека с которым хотела поспорить. У неё было много друзей и подруг, но была и самая близкая, тоже Ольга, с которой они жили на одной улице, их дома стояли через дорогу. С детства они были всегда вместе и называли себя сестрами. Они носили одинаковую одежду, платья и.т.д. и даже на выпускном бале были в одинаковых платьях. Отличались лишь внешностью. Ольга была стройной, беленькой блондинкой с голубыми, как небо глазами, кожа была белой и она никогда не могла загореть. Мама говорила, что ей это досталось в наследство от поляков – шляхтичей. В роду у неё были предками – князья. Её же подруга была в противоположность ей – черные как смоль кудрявые волосы, карие глаза, ниже Ольги, но очень была красивой, в общем жгучая брюнетка. Ещё в школе от кавалеров у неё отбоя не было. Ольге вспомнился тот день, когда в её жизни впервые появился Он – новичок. Это было в 10 –ом, выпускном классе. Звали его Николай, его родители были переведены в наше село по работе. Высокий шатен с синими глазами. Сразу же все девчонки в их классе влюбились в него – спортивный, веселый, он

расположил всех к себе и легко влился в их коллектив. Ольге он понравился, но она никогда не думала, что он обратит на неё внимание; ведь вокруг него крутились такие красивые девчонки, в том числе и её подруга Ольга. Но однажды на Новогоднем вечере он пригласил её на танец, покраснев от смущения, она приняла его предложение и вскоре они кружились в вальсе. С этого вечера и началась их сначала дружба, переросшая в любовь, в ту первую школьную невинную любовь. Вскоре они были неразлучны. Её подруга обижалась: «Ты совсем про меня забыла и променяла нашу дружбу на Николая». Ольга как могла сначала оправдывалась, а затем престала, любовь затмила всё вокруг. Наступили экзамены, переживания, затем прощальный школьный бал и всё до свидания школа! Здравствуй новая, взрослая жизнь! Надо было решать куда поступать? Кем быть? Ольга давно для себя решила – она будет воспитателем, ей нравилось возиться с детьми. Ольга же её подруга, сказала: «Я люблю праздник, веселье – буду культурным работником». Николай сказал: «Я пойду в наше СПТУ – буду учиться на шофера. Осенью – Армия, а затем решу ещё кем я буду в жизни! Армия – у Ольги предательски сжалось сердце. Это ведь скорая разлука на целых 2 года. Николай, как мог, успокоил её, подумаешь 2 года, пролетят не заметно, да и ты будешь занята учебой, и тебе будет не до меня. Эти последние летние дни были только для них одних: купались в реке, потом лежа на песке, они мечтали о своей дальнейшей жизни: Николай шептал ей на ухо: «Лебедушка моя белая, нежная, моя первая и единственная любовь. Я всегда буду тебя любить, моё счастье, моя радость». У Ольги от этих слов таяло сердце, она крепко целовала своего любимого и горячо шептала ему свои слова любви. Её подругу будто подменили – она стала злой, раздражительной, от каждого слова вспыхивала как спичка. Ольга не могла понять, в чем дело? Но затем она просто не стала брать Ольгу с собой, и они с Николаем были только вдвоём. У них появилось своё любимое место, где они постоянно встречались. Но время не остановить пришло время прощаться – Ольга со своей подругой уезжали в город учиться. Николай оставался в родном селе, ведь ПТУ – находилось здесь. «Ничего – прощаясь говорила Ольга – скоро будут праздники и я приеду или ты на выходные будешь приезжать ко мне». «Да, да родная – говорил в ответ Николай – время не властно над нашей любовью, мы всё выдержим, мы всё переживём и будем опять вместе. Плача, Ольга села в автобус и он тронулся с места и постепенно набирая скорость всё дальше увозил её от родных мест, любимых людей, от любимого. Сердце предательски сжалось, подумалось «Ну вот и всё больше я его не увижу». Подружка, наоборот была очень весела. «Ольга, ну что ты разнюнилась – говорила она – давай радоваться, вот она свобода. Свобода от родительской опеки, впереди своя самостоятельная жизнь. Мы теперь взрослые люди, впереди столько всего нового и неизведанного, столько соблазнов! И, я буду не я, если этим не воспользуюсь! И Ольга зарядившись этим подружкиным энтузиазмом, её мечтами – перестала плакать и улыбнулась, всё-таки она у меня умеет поднять настроение и профессию себе выбрала правильную, по своим возможностям. Летели дни, Ольга

привыкла к быстротечной городской жизни. Несколько раз они встречались с Николаем, когда она на выходные приезжала домой. В последний раз встречаясь с ним, она узнала, что его забирают в Армию, уже повестка пришла, она должна обязательно приехать и проводить его. «Конечно, конечно, какой разговор – ответила Ольга – обязательно буду. Но её обещаниям не суждено было сбыться, очень сильно простудилась и с воспалением легких попала в больницу. Плакала, просила лечащего врача отпустить её домой, но врач был непреклонен, и ни в какую не соглашался на эту авантюру, как он говорил. Ольга хотела даже сбежать из больницы, но без одежды как уйдешь, просила подругу принести одежду, но та также была непреклонна: «Ничего не случится с твоим Николаем, если ты не приедешь, у тебя уважительная причина. Напиши прощальную записку, я как раз собираюсь домой в эти выходные и передам ему. Ольге не хотелось поступать так, ей хотелось посмотреть в бездонные глаза Николая, прижаться к нему, ощутить его тепло, запах. Но ничего не поделаешь, судьба правит и у неё свои законы. Хорошо, я напишу. Оленька ты только ему обязательно передай и ещё может он сможет приехать и навестить меня в больнице, и мы с ним здесь попрощаемся. «Хорошо, я всё ему передам» - ответила подруга. И правда, через несколько дней в дверях её палаты появился Николай с большим букетом цветов и авоськой с фруктами. Ольга осунувшаяся, от болезни, встрепенулась, засветилась от счастья, и Николай целуя её заплаканное лицо, будто дарил ей вместе с поцелуями живительную силу здоровья. «Лебедушка моя белая, нежная, любовь моя первая и единственная! Ты пиши мне, слышишь, пиши каждый день и я буду. Эти два года пролетят незаметно, а когда я вернусь, мы поженимся и тогда, ты навсегда станешь моей, моей женой, счастьем, радостью слышишь? Ты только меня дождись, ты только помни и дождись меня и у нас всё будет хорошо!» «Конечно милый, мой единственный, моя любовь на всю жизнь. Я люблю тебя и буду ждать тебя вечно!» Николая забрали в армию, в танковые войска. Они переписывались, Ольга с нетерпением ждала его писем, так прошел год, письма как ласточки их любви приходили часто, каждую неделю она обязательно получала письмо от Николая и вдруг их не стало. Ольга продолжала писать, а в ответ ни строчки месяц, два, три. Приезжая домой Ольга бежала к родителям Николая и волнуясь спрашивала: «С Николаем всё в порядке?» «Оленька, да с ним, слава Богу всё в порядке» - отвечала мать Николая, тётя Таня: «А что он тебе не пишет разве?» «Нет, давно писем не было!» «Да у них, наверное, учёня, времени нет,- говорил отец Николая. «Может быть, - отвечала Ольга, а на сердце была какая-то смутная тревога. Вот пролетел и второй год. За этот год Ольга от Николая не получила ни одного письма. Она терялась в догадках, в чём дело? «Вот придет из Армии – там разберетесь, - говорила её подруга, когда Ольга в очередной раз плакалась ей в жилетку. Вот и наступил этот день. Николай вернулся из Армии, узнала она это от своей матери. Ольга всё ждала, вот он сейчас приедет к ней, будет её целовать, приговаривая: «Здравствуй лебедушка моя белая, нежная, любовь моя первая и последняя!» и скажет: «В чём дело? Почему же он

перестал ей писать?» Но его всё не было. Выбравшись, домой на выходные, Ольга отправилась к Николаю домой. Почему-то мать её не отпускала, говоря: «Нечего тебе там делать! Не ходи, не хорошо это, но Ольга не послушалась, ей так хотелось увидеть своего любимого, она так соскучилась, и всё остальное ей было не важно. Идя к нему, её сердце пело от радости, вот сейчас настанет этот миг, и она его увидит. Подходя к дому Николая, она увидела много машин, было многолюдно, играла музыка. «Вот, наверное. Встречину организовали его родители, всех родных собрали. Она прошла в дом. В доме были накрыты столы, было шумно, весело, пройдя вперед, Ольга увидела Николая сидящего за столом, не глядя ни на кого, Ольга подошла ближе. Красивый, возмужавший, он сидел в черном костюме с бабочкой. «А почему не в форме? – подумалось ей. И вдруг рядом с ним она увидела свою подругу Ольгу в белом платье невесты с фатой. И вдруг со всех сторон послышалось: «Горько!», «Горько!». Жених и невеста встали, и её Николай стал целовать её подругу. Сердце сжалось в комок, ноги стали ватные. Она посмотрела на своих бывших самых родных на свете людей, сердце кричало, внутри всё горело от их предательства. Вот почему она уехала домой без неё, говоря, что ей очень надо. Но как же так? Разве так можно поступать? Что я ей и ему сделала? Николай увидел её и сказал теперь уже своей жене: «А что эта здесь делает? – его тон был холоден и безразличен. «Коленька я не знаю. Я её не приглашала» - залепетала в ответ подруга. Развернувшись, не видя перед глазами ничего, Ольга пошла домой, перед глазами стояла лишь одна картинка – её Николай целует её подругу! Дома с ней случился нервный срыв. Ольга долго болела, но молодой организм взял своё, она выкарабкалась и взяла себя в руки. Закончив педучилище, Ольга поступила в пединститут, закончив его с отличием, она по распределению приехала в своё родное село и стала работать воспитателем детсада, как и хотела. День сменялся днём, год годом. Всё вроде стало налаживаться, только в личной жизни было по-прежнему, её заледенелое сердце никак не могло растаять. Ольга была симпатичной девушкой и за ней пытались ухаживать, но она как Снежная королева была холодна и неприветлива. «Ольга, ты, что творишь – говорила ей неоднократно мать – молодость уходит, и она не вернется, останешься старой девой!» «Мам, а я не верю этим мужчинам, говорят что любят, а сами, я ни кому не верю». Познав горьким опытом дружбу, Ольга не заводила и подруг. У неё были знакомые, коллеги, но подруг не было, хватило одной через край. И чтобы ещё раз пройти через это, нет, я просто не выдержу. Пусть всё идёт, как идёт. И всё шло своим чередом. Через знакомых Ольга слышала, что жизнь семейная Николая с Ольгой не задалась. Любительнице праздников и веселья надоела эта рутинная семейная жизнь, и она стала погуливать от мужа, сначала тайком, затем - в открытую. Николай сердился, бил жену, но разводиться не хотел, ведь у них был сын и у него он был за мать и за отца. Матери было наплевать на сына, и Николай ради сына всё терпел. Он так и не стал дальше учиться и работал в совхозе шофером. Ольга слыша это поневоле радовалась: «Так тебе и надо». Ведь на несчастье других своё счастье не постро-

ишь, правильная пословица. Мудры были предки. Но всё равно часто она приходила на то их любимое место, тихо стояла и вспоминала те счастливые дни. И вот однажды поздней осенью стоя на этом месте, она услышала шаги за спиной и забытый, но такой родной голос сказал ей: «Здравствуй лебедушка моя белая, нежная, любовь моя первая и последняя наконец-то я тебя увидел. Я тоже часто сюда прихожу и вспоминаю то время, тебя. Ты помнишь Ольга? Помнишь – вот поэтому ты и здесь. Оля прости меня, каким я был дураком, надо было бы поговорить с тобой, объясниться, но я был молодым, горячим!» «Николай, скажи всё-таки, в чём же дело и почему ты перестал мне писать, почему женился на Ольге, почему? Сколько раз я задавала себе эти вопросы, но не находила ответа. Почему?» «Так ведь ты мне изменила!» «Я?! И с кем же и кто тебе это сказал?» «Как кто Ольга – твоя подруга. Она мне даже фотографию прислала, где ты с тем другим обнимаешься!» Ольга взбесилась: «Я с кем-то, да у меня кроме тебя никогда, никого не было даже в мыслях и где же эта фотография?» «Да вот она, - ответил Николай – я её всегда с собой ношу, потому, что на ней ты!» И он показал ей фотографию, где она и её преподаватель музыки, когда он ей вручал диплом за участие в конкурсе. «Да ведь – это мне диплом вручали, когда я в конкурсе участвовала. Было очень приятно, и я попросила Ольгу меня сфотографировать на память. Так вот в чём дело. И ты этому поверил? И всю нашу любовь, всю нашу жизнь ты порвал, разорвал, предал!» «Оля, милая подожди, не горячись, я так же люблю тебя, думал, что забуду, да нет, не мог и сейчас не могу. Давай начнём всё сначала. Я разведусь. Да меня уже с ней давно ничего не связывает. Ты только скажи, но не говори сразу, обдумай. И завтра вечером я буду ждать тебя здесь, на нашем месте. Если не придешь, я всё пойму, но ты хорошо подумай Оля!» И вот сейчас Ольга стояла у окна и думала, а за окном падал первый снег, он был девственно чистым и нежным.

«Нет, я не могу решиться, я не могу разбить семью, пусть хрупкую, но семью и ведь в этой семье есть ребенок, который всю жизнь будет её ненавидеть, как злую тётю, разрушившую их семейное счастье, пусть его и нет этого счастья, но есть семья». И вот опять дни полетели за днями, года за годами. Ольга нашла своё женское счастье, вышла замуж, родила сына и дочь. Сейчас она вышла на пенсию, водится с внуками и ещё у неё есть хобби – она выращивает цветы. И они в её палисаднике цветут яркими красками от ранней весны до поздней осени. И вот в один из солнечных осенних дней Ольга шла в магазин. Навстречу ей попала парочка: Высокий седой старик и маленький мальчуган. И поравнявшись с ней, старик сказал: «Здравствуй лебедушка белая, нежная, любовь моя первая и единственная». Ольга молча прошла вперёд, но предательски сжалось старое, больное сердце. «Дед, а кто эта бабушка?» «Это моя первая любовь» - серьёзно ответил дед.

Вот и закончилась эта история, история моей жизни, история моей первой любви!

И где-то в поднебесье синем
Облако нежное лебедем белым плывёт.
Всё зовёт эта лебедь белая
Всё кого-то за собой зовёт!

РАССВЕТ

Рассказ

Наступило раннее утро. На небе погасла последняя звезда. Подошла к окну - открыла его, через него в комнату ворвался свежий, прохладный воздух. Забрезжил рассвет, где-то там, на горизонте появилось солнце. Его лучи неохотно вылезли из плотной постели облаков. Они сначала робко, потом все смелее и смелее стали дотрагиваться до верхушек деревьев, спускаясь все ниже и ниже и, вот, наконец, дошли до травы, покрытой крупными каплями росы, блестящей, как жемчужины с розовыми бликами внутри. Вот солнечные лучики, весело играя между собой, дошли до воды, а она вся заискрилась, стала переливаться всеми цветами радуги, словно драгоценными камнями. Это было чудесное утро. Солнышко уже всю светило, и его лучи уже проникли в дом, сквозь открытое окно и украсили стены, пол "волшебным узором" из светлых пятен. Наконец проснулись птицы и их трели звонко зазвенели в ветвях деревьев. Захотелось подойти к окну, вдохнуть свежего, утреннего воздуха, пахнувшего ароматом влажной коры, разогретой на солнце. От ее аромата закружилась голова. Ах, моя родная Земля - как ты красива! Просто восхитительно прекрасна, красива для каждого человека по-своему. Закат и восход - это такое великолепное зрелище. Ты смотришь-вдаль на солнце-его лучи, окрашивают облака, придавая им различные оттенки от ярко-красного, оранжевого до нежно-розового. Наступает день или день уходит, и ты становишься невольным свидетелем его прихода или ухода. Как здорово! Радоваться восходу солнца или смотреть на его закат. Как прекрасна жизнь! Как прекрасно жить и просто наслаждаться жизнью! А еще у каждого человека есть любимое время года. Любимое место, где ему нравится бывать. Я, например, люблю вечером выйти из дома, подойти к Райздравскому обрыву и жадно вдаль глядеть и любоваться дальними просторами земли. А там, вдали: небо с землею сходитья и облако там просто можно достать рукой, а уходящее солнце осторожно взять в ладони и легонько подуть на него губами, пусть искорки заходящего солнца разбегутся в разные стороны, озаряя своим светом сумерки уходящего дня. И бликами солнечного света заискрятся пусть леса и поля. Ты будешь стоять, смотреть на эту красоту Родного края, и станет волнительно на душе, а в голове забьется мысль: "как красива наша матушка-Земля", как прекрасна окружающая нас природа!" А сейчас ты стоишь возле окна - дышишь свежим, утренним воздухом, любишься ,открывающимся из окна пейзажем. А он прекрасен: о чем-то весело щебечут птицы, наверное, передают друг другу свежие новости. Деревья в саду, что-то тебе говорят, легко покачи-

вая ветками, наверное, здороваются, подумалось мне или хотят просто меня приободрить, как близкие или подруги. Захотелось им кивнуть в ответ или просто улыбнуться! Как хорошо! Люди! Давайте будем беречь красоту Родного края! Давайте с любовью относиться к окружающей нас природе! Ведь у многих есть любимое дерево: то сосна, ель, или наша славная русская береза или еще другое родное ему дерево, кустарник, цветок к которому можно подойти, обнять, прислониться или просто поговорить, посмотреть на его красоту. И если ты общаешься всем сердцем, всей душой то они ответят тебе тем же, наполнят тебя живительным соком, энергией или просто тягой к жизни. Так давайте любить, оберегать природу! И она ответит нам тем же!

В нашем мире - море горя, океаны безразличия и зла

Вот поэтому вздохну я поневоле и подумаю:

О, если б я могла...

Всем - помочь

Беды, злость - искоренить до дна,

Пусть - все будут счастливы!

О, если б я могла.

Человеку каждому-любви кусочек подарить

Что бы одиноким - никто не мог бы быть.

О, если б я могла!

Чтобы только светлой жизнь наша была

чтобы только счастьем полны были сердца,

и от радости - сияли наши бы глаза!

О, если б я могла!

Я бы свою душу Вам - люди отдала

Чтобы не болели, жили бы в достатке,

Чтобы в каждом доме - было б все в порядке!

О, если б я могла!..

СЕЛО БОГОРОДСКОЕ

Небо за дальним лесом слегка порозовело. Близился рассвет. Солнце, цепляясь за верхушки сосен, медленно выползло навстречу новому дню. И вот уже, охваченная его светом, ожила и заиграла волнами порозовевшая река. Засверкали цветными бликами прибрежные камушки. Заискрились, усыпанные капельками росы, застывшие на берегу, прибрежные травы.

Едва в окошке забрезжило утро, как Дарья проснулась. В избе было холодно и спать приходилось одетой. Первым делом она принялась растоплять печь. Сырые дрова горели плохо, слабо отдавая тепло. После наводнения трудно было просушить дом, да и дров сухих совсем не осталось. Приходилось на растопку щипать лучину и подсушивать на печке. В подполье стояла вода. Каждый день Дарья вычерпывала её и выносила на улицу по несколько ушатом.

Была середина июня, а тепла ещё не было. Бесформенные улицы то и дело прерывались глубокими лужами. Да, взбунтовалась нынче река. Накопив за зиму могучие силы, вспучившись из подо льда, прорвалась она на свободу, щедро разливая мутные воды, гоня на север быстрые льдины, сметая всё на своём пути. Ночью вода начала прибывать сильнее. И уже через несколько часов улицы Богородского были затоплены. Люди спасались на крышах домов, кутая сонных детей. Мужики открыв стайки, отвязывали скотину, подгоняли лодки. Те, кто побогаче, грузили в лодки добро. Несколько дней спасались на крышах. Скотину связывали и переплавляли в лодках на остров, возвышающийся посреди Оби. Этот участок суши, густо поросший ивняком, стал теперь для многих спасением. Говорят, что раньше он был частью берега, где потом своенравная река промыла рукав. Почти неделю держалась вода, после чего начала спадать, оставляя после себя топляки, наносы из песка, ила, да разного мусора. Вода не пощадила ничего. Дороги были размыты, местами затоплены, изгороди снесены, часть дров из поленниц унесло с потоком. Старики молились. Всякое бывало, но такое впервые. У одних во дворах скот пропал, не успели стайки открыть, у других вообще крыши с домов посрывало да унесло течением. Многие семьи приняли решение покинуть село.

Дарья поставила на печку котелок, стала варить похлёбку. Закурила трубку, ух и крепок же был самосад, свой, доморощенный. Надо было идти на двор, править изгородь. Да, был бы жив муж, разве билась бы она теперь одна. И дров заготовь, и крышу подлатай, и со скотиной управься. Да и здоровье уже стало не то, ныли и болели суставы, на глаза порой напознала какая-то пелена. Снова подкатило щемящее чувство одиночества. Дети выросли, отделились. Она сложила усталые руки на старый передник, тяжело вздохнула. Память лихорадочно работала, подбрасывая, как в топку дрова, картины из прошлого. Муж был родом из семьи ссыльных поляков. Много их было в то время в Сибири. Несколько семей прибыли и

в Богородск. Александр Лях ловил с отцом рыбу, Дарья разбирала сети на берегу. Перемолвились несколькими словами, вечером они уже сидели вместе у костра, варили уху. Дарья знала много песен, и голос у неё был сильный, звучный. Не раз заслушивался Александр её пением. А как рыбу ловила! Сама и обласком правила и со снастями управлялась. Отец – коренной остяк всему научил. Потом Дарья вспомнила мать. Её сильные смуглые руки, привыкшие к тяжелому труду, длинные черные смолянистые косы, расшитую бисером одежду... Когда-то ведя кочевую жизнь, двигаясь с севера, родители приняли решение осесть в Богородском, где были хорошие места: река, пастбища, лес, озёра, богатые рыбой. Выбрали место, срубили из осинника дом, а затем и огород пригородили, по примеру русских стали выращивать картошку. Дарья унаследовала от родителей тёмные волосы, глаза и скулы, свойственные остякам. Высокая, стройная, работающая, она сразу понравилась Александру, и он заслал сватов. А потом пошли детки: Артемий, Маремьяна, Лаврентий, Федосья. Немало испытаний выпало на их долю, нелёгкое было время. Придя израненным с Первой мировой, Александр Лях занялся хозяйством и домом. Несмотря на голод и трудности, Дарья была счастлива, что муж, соколик её, свет ненаглядный, вернулся. Казалось, жизнь было налаживается, но не давали покоя бандитские шайки, что шастали по лесам, делали налеты на деревни, сметали всё, что есть, одежду, еду. Забирали мужиков. Тех, кто сопротивлялся, рубили на месте. Два раза забирали Александра. И снова боль, страх за мужа, бессонные ночи. Но он возвращался целым и невредимым, словно берегла его неведомая птица, её любовь. А потом шли красные. И всё повторялось снова. Забирали вещи, резали скот. Сгоняли мужиков, изымали охотничьи ружья, уводили с собой. И снова бессонные ночи, мысли об одном, только бы он был жив. Снова ворожит она, сидя у ночного огня, и мысленно посылает ему в помощь белую птицу – оберёг. И муж возвращался, тощий, голодный, больной, обессиливший, изъеденный вшами, но живой, живой! Во время очередного налёта, Дарья успела спрятать мужа в подпол, около часа он просидел там, качая на руках грудного ребёнка. Он устал от войны, от этих бесконечных походов, зачем всё, ради чего? Его тянула земля, дом, дети.

На этот раз выгребли остатки запасов овса, пришлось отдать последних двух кур и вяленую рыбу. Старые раны давали о себе знать, Александр прихворал, несколько дней не вставал с постели, Дарья не отходила от него, поила рыбным отваром. Словно чувствуя приближающуюся разлуку, он благодарно держал её за руку, как-то по-особому глядел в глаза, говорил о детях, а сам будто её успокаивал... Внутри нее до последнего теплилась надежда, что муж поправится. Где ты, где ты, белая птица, что сберегала столько раз, помоги ему, помоги...

Она сама закрыла ему глаза. Словно половина души умерла тогда. И жить приходилось теперь с этой потерей... А впереди новая беда, отравился старший сын Артемий, несколько дней промучившись с животом, он тихо покинул этот мир. Где-то внутри поселились тупая боль, да щемящее чувство одиночества. Теперь совсем не спалось. Луна заливала в

окна мягкий жёлтеющий свет. Дарья встала, решила сходить на берег, посмотреть реку. Широкая, сильная, многоводная Обь плавно плескала волны, щедро оmyвая береговую линию. Своим величием Обь завораживала взгляд. Дарья любила реку. Сколько раз, умело правя обласком, она извлекала полные сети стерлядки и щуки, которую сама потом солила в бочки. Молодые прибрежные ветлы, несколько дней пробыв в воде, успели выпустить тонкие, как нити, корни, которые теперь причудливо свисали по коре. Вода отступила на несколько метров, обнажив пропитавшуюся влагой тёмную прибрежную полосу.

Когда-то это место люди выбрали, чтобы обосновать село, подумала Дарья. Названию села послужила святая икона Божьей матери Одигитрии – путеводительницы, лик этот, говорят, был писан святым старцем Василием. Казаки тогда плыли по Оби в лодке, началась буря, волны захлестывали за борт и люди взмолились святому образу. После чего буря утихла, а в этом месте решено было пристать к берегу. Так возникли первые постройки Богородского поселения. Икону поместили на большой пень, соорудив сверху навес, защищающий от дождя и солнца. Вскоре на этом месте была срублена деревянная церковь. Спустя годы её сменила белокаменная церковь. В ней Дарья с мужем крестили детей. А потом церковь снесли. Иконы, разная церковная утварь были выброшены на землю. До последнего сопротивляясь, пал с высоты и колокол. Женщины плакали. Собравшиеся жители не знали, что делать. Второпях Дарья с дочерьми Маремьяной и Федосьей собирали иконы с земли. В тот день многие жители разобрали иконы по домам. Маремьяна хранила святую икону Одигитрии у себя дома, пока не началось наводнение. Избу её, как и многие другие, стихия не пощадила.

Когда сын Лаврентий нашёл лодку, всё в доме, в том числе и иконы было уже в воде. Они вылавливали иконы, вещи из ледяной воды и складывали в лодку. В 1944 году Маремьяна отправилась в Томск, чтобы отнести иконы в Октябрьскую церковь.

После половодья люди из Богородского засобирались переезжать на другие места. Дочери с семьями перебрались в Нащёково, деревню расположенную на высоком яру, окружённую берёзовым лесом с одной стороны и болотом по низу с другой. Дарья с семьёй Лаврентия и снохой Павлиной переселились в новую Шегарку. Там они купили у ссыльных латышей пластовой дом. Сложен он был из нарезанных пластов дёрна. Дом оказался хороший тёплый. Но тут пришла беда - война. Дарья, как и другие женщины, ходили пешком вдоль берега Оби на работу в деревню Половинка, пилили лес на чурочку фронту. Там же работали и Лаврентий с Павлиной. Ночью от постоянного недоедания они пошли собирать оставшийся в низинках колхозного поля овёс.

Там их заметил караульный... Каждому был присуждён срок по восемь лет.

Дарья осталась совсем одна. Деревни охватил голод. Собирали разные травы: дикий лук, крапиву, лебеду, корни лопуха. Пролетело короткое лето. Всё чаще стали выпадать густые туманы. Старые ветлы погрузнели. Появились первые жёлтые прядки в гривах берёз. А к осени Дарье совсем

занедужилось. Сегодня она видела сон. Послышалось ей, будто стучит кто-то ночью в дверь, встала она, зажгла масляную коптилку. Дверь открыла, вышла, никого. За дом сходила, возвращается обратно, а в дверях стоит муж покойный, Александр. Испугалась Дарья, взмолилась. А он говорит спокойно так, тихо: «Не бойся меня, лучше передай дочерям, чтоб проведать тебя пришли. И знай, я всегда помню о тебе». И исчез, словно растаял в тумане. Проснулась Дарья, что бы мог значить сон?

Силы медленно покидали её. Дарья слегла. Утром зашла соседка Матрёна, согрела чай. «Послушай, Дарья, я, наверное, передам весточку в Нащёково дочерям твоим, чтоб проведать тебя пришли, не нравишься ты мне, смотрю, не ешь ничего, так и Богу душу отдать можно». Она ушла, а утром Дарья уже не открыла глаза...

Её похоронили на старом деревенском кладбище в Нащёково, на высоком яру в окружении частых берёз, ветви которых, свисая едва ли не до самой земли, шепчут о чём-то своём.

Больше полвека прошло с тех пор. Я с трудом отыскала на старом кладбище едва заметную могилку своей прабабки. Нужно было привести её в порядок и установить надгробие с памятником.

Стоял тёплый сентябрьский день. Солнышко нежно ласкало берёзы последним теплом и те красовались такой позолотой, которая бывает только в период бабьего лета. Лёгкий ветерок то и дело покачивал берёзовые ветки, отряхая на тропинки пожелтевшие листья. Мы привезли на кладбище памятник и стали его устанавливать. Внезапно набежали тучи, подул резкий порывистый ветер, небо нахмурилось и разразилось дождём. На могилку следовало бы натаскать земли, но после двух ведер мы уже изрядно промокли. Было принято решение приехать в другой раз.

Через несколько дней мы снова нашли машину, взяли лопату, вёдра и поехали в Нащёково. Едва принесли по два ведра земли, как на наших глазах ясный солнечный день превратился в лютую непогоду. Налетевший ураганный ветер с бешеной силой набросился и начал беспощадно трепать берёзы, которые буквально ходуном заходили. Поднялись в воздух сухие опавшие листья. Тут же застучали косые капли дождя. Всё повторилось как в прошлый раз. И снова работу пришлось отложить до лучших дней.

Приехав домой, я почувствовала усталость и прилегла. Едва сон сомкнул мои ресницы, как я увидела себя стоящей на кладбище возле предполагаемой могилки, за которой чётко вырисовывался силуэт моей прабабки Дарьи. Я хорошо видела её лицо во сне, хотя никогда не видела наяву, она умерла ещё до моего рождения. Я совсем не боялась, от неё исходило излучение добра. Она спросила меня, задумалась ли я, почему дважды, когда приезжали на кладбище, портилась погода. Я ответила, что задумывалась. А она мне отвечает, что вы, мол, памятник не на то место поставили. Я стала пожимать плечами - что не знаю, дескать, куда же ещё его ставить. После этого сна беспокойство закралось в мою душу. Но вскоре от своей пожилой родственницы, живущей в Томске, я узнала, что мы на самом деле ошиблись с определением места захоронения. В очередной раз, приехав на кладбище, мы правильно установили памятник и натаскали земли. На этот раз всё обошлось без происшествий. Стоял ясный прозрачный осенний день.

Елена Сидоренко, 35 +, Томск

ЭТО СЧАСТЬЕ – БЫТЬ ВОЛЬНЫМИ

Голос крестьян мало слышен в истории России двадцатого века. Века, который безжалостно прокатился по их семьям, забрав многих до срока... На войнах: Первой мировой, гражданской, Второй мировой... Через раскулачивание... Через Большой террор....

А те, кто остался жив, воспоминаний не писали. И редко рассказывали...

Эта тема и сейчас еще во многом табуирована. По разным причинам. Сами пострадавшие не хотели или боялись поднимать эти темы... Потомки, которые мало интересовались историей рода и не расспрашивали бабушек и дедушек...Власти, которые не хотели, да и сейчас не горят желанием «вытаскивать» неприятную правду наружу...

Тем ценнее те немногие и правдивые голоса, которые можно услышать сквозь шум истории...Истории, которую сейчас пытаются как-то переписать, переключить, преукрасить некоторые современные деятели...

Эти воспоминания моей бабушки Маши - Марии Максимовны Новосельцевой (в девичестве Выгузовой), я записала ровно тридцать лет назад. Тетрадку хранила все эти годы. А сейчас перевела в печатный вид. Ничего не меняя, оставив именно те слова и выражения, те акценты, которые делались во время рассказа... Чтобы знать историю нашего рода и сохранять память о нем... Это важно для всех нас - её потомков. Да и для других людей тоже... Собираем материалы со стороны рода отца, где тоже много тайн... Но это отдельная история...

Бабушка обладала хорошей памятью. В её рассказе много названий населенных пунктов, через которые проезжала семья Выгузовых... Но все она их запомнила, хоть и была еще ребенком... Может именно потому, что столько перенесла боли, потерь и испытаний... Перед своей кончиной бабушка сказала, что у меня родится дочка. Так оно и оказалось. Мы назвали её правнучку тоже Машей...

Итак: вот они, эти Воспоминания моей бабушки Маши:

Я родилась в 1915 году в Пермской губернии, Чердынский уезд (г.Пермь) в Новодеревне, это в пяти километрах от деревни Керчево.

Была у меня старшая сестра Анюта, которая умерла в девять лет, за ней вторым был Максим. Ему было восемь лет, когда я родилась... После еще рождались и умирали дети. Всего в семье было тринадцать детей, из них умерли девять. Девочка Дуся умерла грудной в 1918 году в Омске. Люба, младшая сестра родилась в 1924 году, за ней еще была девочка Маня в 1923 году. Они обе заболели корью, и младшая Маня умерла, а Люба выжила. Были и выкидыши. В живых осталось всего четверо детей – Максим, Маша, Люба и Гоша.

Оставшимся детям в жизни досталось лиха. Тяжелое время было. Революция. Война. Раскулачивание. Колесили по стране. Сначала из России в Сибирь переехали, затем семью раскулачили и выслали.

Мама моя Елизавета Ивановна родилась в деревне Керчево, по реке Каме. Окрестили в церкви в селе Шакшер в 8 км от Новодеревни. Её маму звали Евдокия, а отца Иван Дмитриевич.

Когда папа Максим Максимович и мама Елизавета Ивановна, поженились, то жили со свекром девять лет. Папа плотничал, на барже работал, потом устроился плотником на мельницу. По отцовской линии часто передавалось имя – Максим. Так у папы был отец Максим Елизарович. А его мать звали Анна, отчество не запомнила.

Жили тогда все вместе дружно в одном большом доме. Пять золовок и два деверя было у моей мамы, это значит, что у меня было пять тетушек и два дядюшки - д. Ваня и д. Егиша (Агей). Крестная моя – т. Агаша имела такие длинные, рыжие волосы, как у меня. Других теток звали: т. Дуня, т. Маня, т. Аксинья и т. Арина.

Тетка Арина была старше всех и уехала в город Пермь. Вышла замуж за грузина, после того, как первый муж умер. Была она очень красивой, с большими глазами и длинными, черными волосами. В новом браке родила мальчика Гришу. Жили очень хорошо, дружно, отец очень сына любил. Жили они в Грузии, город Потти. После землетрясения в 1920-ом году от них писем не стало...

Золовки очень любили мою маму. За добрый, веселый характер. Вместе ходили в лес за грибами, ягодами. Собирали черемуху, бруснику, клюкву, чернику, голубику. Да все с песнями. А я в детстве очень любила тетку Маню, та была младшая, предпоследняя, роста небольшого, черненькая...

Прожив в доме свекра девять лет, мама и папа ушли жить к мельничихе Евдокии Петровне. У неё было двухэтажный дом. Она жила наверху. А Выгузовы внизу. Папа стал работать у неё мельником, а мама помогала по хозяйству. Уедет Евдокия Петровна в Пермь закупать товар для лавочки, а вместо себя оставляет Елизавету. Бывало и целый месяц не приезжает. Доверяла своим работникам, верила в их честность. Уедет, а маме велит лавочку открыть и продавать сушки, да кренделя.

Вещей дорогих, да золотых, цепочек, да безделушек у хозяйки было много. Да неаккуратная была она. Мама и убирала все, боялась потерять. Двери- то не запирались. Бывало, привезет Петровна из Перми кашемира (шерстяная ткань), он дорогой был, по пятьдесят-шестьдесят копеек за метр, и дарит Елизавете за её труды. Одежды было много у мамы. Шали, полушалки, подарки. Потом, когда семью раскулачили, мама часто вспоминала, сколько всего было потеряно. С мельничихой они тоже прожили девять лет.

В 1918 году Выгузовы ушли от мельничихи. И собрались двадцать семей ехать в Сибирь. Новые земли искать. Петровна тоже просилась с нами, но папа сказал: «У тебя есть сын, как же ты с нами». У Петровны был сын в Перми, но она с ним была не в ладах. Поехали на трех больших

лодках. Бурлаки повезли их в уезд. Солекамское (Усолъе) г. Пермь, а от туда по железной дороге, в телячьих вагонах до Омска.

Пока ехали на мужиков были облавы, их забирали на войну. Во время облавы мужиков наряжали в платки, кофты, юбки, брили и прятали. Так и спасали. Приехали в Новониколаевск (Новосибирск), две недели ехали из Омска до Кольчугино (Ленинск). Еще больше стали облавы. Очереди за кипятком, за хлебом, все в военном.

Папа приносил хлеб подовый, матУшку кренделей и масло импортное, тесто дрожжевое. Деньги- керенки, мешками были... Нас в семье уже было трое. Похоронили в Омске девочку грудную Дусю, отпевали в церкви. Очень красивая была церковь, вся в золотых иконах...

Красивый город был, кружевной, двухэтажные дома в Керчево. А в Сибирь приехали – там одни землянки, на них полынь. А внутри все чисто. Красиво, перины пышные, подушки. Ночевали в такой землянке. Потом отъехали и в пятидесяти километрах дали землю в селе «Дунай Ключ». Тридцать дворов построились. Занимались хлебопашеством. Дали земли много и хорошей, не то, что в России. Там земли было мало, и давали только на мужиков, а у папы пять сестер. На девок не давали. Земля в России была неурожайная, скотины мало было, жили бедно.

А в Сибири земли дали много. Травы хорошие. Хлеба хорошие, покосы. В России не было столько цветов, сколько в Сибири. Еще в поезде удивлялись бабы цветам. Как остановка - выбегали и полное беремя набирали. Ехало много старых дев, лет по тридцать... Потому что парни землю получают, оставят родителям, а сами уезжают на заработки. Девкам не за кого было замуж, оставались одни.

При переезде потеряли багаж. В Омске. И пошли в найм к сибирякам (чалдонам). Платили хорошо. Мужик у 1,5 пуда за день муки, а бабе- 1 пуд. За день работы. Максим рано пошел работать - в тринадцать лет, возил копны на лошадях. Потом получили свою землю, засеяли. Папа пошел мельником в село Уроп к богатому мельнику. Тот платил по три-пять мешков муки.

1919-1922 года были неурожайными, голод, хлеба выгорали. Голая степь. На базар едешь пятьдесят километров. До Ленинска. А в Уропе и лес был ближе, в двадцати пяти километрах от села. Тайга, колба, шишки, горы. Уголь добывали, шахта была. Своедельская её называли. Сами, кто сможет, сколько набрать, накопать.

Тридцать шесть дворов в деревне, все голодают. Голод страшный, везде контроль. Выпишут талон отцу, а он привезет пудов десять муки и говорит маме: «Всем давай, кто попросит, не жалей, корми деревню». Придут кто с чашкой, кто с чем... Всем мама давала, кормили всю деревню.

В 1925 году папа ушел от хозяина и решил строить свою мельницу. Хлеба стали хорошие, решили все помочь строить мельницу, т.к. свою выгоднее иметь, не ездить далеко. Запрудили пруд. Купил папа жернова в

городе Гурьевске и сорок километров вез на двух лошадях. Поставили весы на цепях. Ребятишки бегали качаться на них. Гири в обхват были.

Еще мельница не оправдала себя, в 1927 построили её, а в 1928 образовалось за рекой коммуна «Восьмое марта». На Максима Максимовича налоги наложили. Чтоб государству хлеб сдавал. Налог большой. Приехала из коммуны тройка: председатель, секретарь и уполномоченный. И стали говорить: - Выгузов, заходи в коммуну. Мама согласилась, а папа нет. Мама плакала: - Ох, старик, старик, детей то сгубим. Пойдем в коммуну. А папа ни в какую. Председатель и сказал: - Ну, Выгузов, пойдешь в ссылку, вшей кормить. Отобрали мельницу и дом. Жили в бане. Забрали в коммуну почти всю живность: две лошади, гусей, шесть овец, быка, корову. Три ведра молока давала корова. Здоровая, красно-бурая, заводская. За пятьдесят рублей её покупали.

Две лошади остались и телеги. И поехали в ссылку на них Выгузовы. Было это после пасхи в мае. Мужик, который вез и говорит папе: - Охраны нет, у тебя есть справка, что ты середняк, доедешь до Гурьевска, лошадей бросишь, отсидишь это время. А папа - честный, не послушался его, поехал. На станции все и забрали, а нас погрузили в вагоны товарные битком – в Томск и до Черемошек не открывали почти. Приехали. Кругом вода, паника. Погрузили в большие баржи, в трюмы глубокие.

По реке плыли весело. Так запомнилось. На палубу выходили, плясали под гармошку. Богачей много было, а мы среди них, как белые вороны. Выгрузили на остров Баранакровский по ту сторону Оби. Холодно, голодно. Вымирили дети, старики. Устроились в стойле-нужнике. Вычистили, там и жили. Грелись у костра. Так две недели. Стали давать муку. Баланду из неё делали. Понос. Рвота, болезни... Хоронили в тряпках. Мы выжили, потому что папа велел воду пить только кипяченую. Кору пихтовую варили и пили этот отвар.

Через две недели опять погрузили всех в железную большую баржу «Мельник». Народ был с трех районов. Плыли по речке Чае. Шла она криво, возвращалась, петляла. Душно в трюме. Везли долго. Привезли в район Усть-Бакчар, на речку Бакчар. По ту сторону, чтоб не убежали. И река большая и на чем переплывешь...

Сосланные раньше - черные были, все оборванные. А у нас запасы еще кой-какие были, сухарики. Мама давала. А папа говорил: - Не давай. Намто никто не даст, у нас дети, их пожалей. Я спросила: - Папа, что все черные? Он сказал: - От голода, дочка. Поживем недели две, запас кончится, и мы такие будем.

Жили две недели. Потом повезли в поселок Парбиг, плыли к нему по реке Парбиг. Там сделали шалаш. Пила и топор с собой были. Сказали: - Тут будете жить. Только устроимся, опять снимают, в другое место везут. В Киселевске два месяца жили. Папа плотничал, очень хороший плотник был. Комендант его уважал.

А меня в пятнадцать угнали на речку Галку, черного цвета она была - от деревни Селивановка на корчёвку. Есть нечего, одна ложка крупы, одна ложка соли, хлеб четыреста граммов на день. Исхудали. Девчонки все из

деревень рядом, кто что принесет - из Малиновки, из окрестных деревень лепешки. А у меня ничего...

Работали все лето и осень. Май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь. То лето теплое было. Жили в шалашах. Но осенью холодно стало. У всех полно вшей. Баня была один раз за все время. Но у меня вшей почему-то не было. В бригаде двенадцать девчонок было. Комендант злой. Отправил нас в тот день дорогу чистить ломом. А накануне я сон вижу, мама шаньги печет и молоко с пенкой вытаскивает из печки, которая топиться... Жарко. Сели отдыхать, я Зойке – подружке своей, сон рассказываю. А та и говорит: - Кто-то придет к тебе.

А родители тогда жили в деревне Крыловке, рядом с Киселевском. Они уже потеряли меня. И мама пошла искать. Комендант дал ей пропуск и она собралась в дорогу. В триста километров. Сказала: «Живу или мертву, а найду её».

Только я сон свой рассказала, вдруг видим вдаль - женщина идет. Я не узнала сразу... А та, как бросится ко мне. На колени упала «Живу ведь я тебя, доченька, застала...». Где обозом, где пешком добиралась до меня, триста километров...

А я уже два раза в побег ходила. Трое собрались: сестра с братом и я с ними. И подались в ночь. Прошли двадцать пять километров. Кругом на дороге конвои. На Высокояре большой мост, на нем стража и арестовала. Хлестнули плетью, погнали в амбары. Переночевали и опять погнали обратно в Чернышевку. И штрафную - десять суток ареста, триста грамм хлеба и под конвоем. Только отбыли, опять бежать. Поймали. Двадцать пять суток уже дали...

Тут и мама пришла. А иначе опять в побег бы пошли. Бригаду направили на дорогу. Мама в шалаше осталась. Замерзла очень. Октябрь уже был. Спали на шабуре (рогожа) и накрывались тоже им. Стали обедать, я говорю бригадиру «Я пойду в медпункт во время обеда. За больных никого не принимали, работали все. А больные валялись, умирали на дорогах. В мухах так и лежали. А я пошла к коменданту, а не в медпункт. Прорвалась к нему и говорю: - Гражданин комендант, мне нужна зимняя одежда, можно пойду в поселок? – А придешь обратно? – Как не придти.

Выписал пропуск на восемь дней, хлеб - две булочки подовых и крупу.

С мамой поели и отправились... Солнце уже было низко, прошли двадцать километров, ночевали в Панычево. На второй день идет обоз в двадцать пять лошадей с бричками - здоровые такие телеги. Присоединились к ним. Где пешком, где сидя. Доехали до Высокояра. А там обоз завернул. А нам дальше. Набирали в огородах, просили оставшуюся мелкую капусту. Жадовали, боялись голода. Я простыла, заболели руки, желтые пузыри на руках.

Приехали домой, а папу с бригадой отправили в Усть-Бакчар на строительство. Участковый был знакомый, а на пайку не поставил меня. Как мать не просила. Переночевали, а в следующий вечер пошли с Гошей, младшим братом по просеке - к папе, двадцать пять километров. Свечерело. Увидели колодину, легли так, чтоб запомнить куда идти. Один с од-

ной стороны, другой - с другой. Утром проснулись, а рядом следы от медведя - катышки. Сидели на берегу речки. На пароме грузили большие обозы. Пришел небольшой обоз. И мы тихонечко с этим обозом – на ту сторону. Нашли папу. Он поставил нас у коменданта на учет, получил паёк. Сухую рыбу наварили. Наелись хлеба. Спали на отцовой стройке. Днем работали, носили землю, опилки, строгали тес с Гошей. Мне пятнадцать тогда было, а Гоше двенадцать всего лет. Отец жалел нас: «Отдохните, ребята». Спали на втором, только строившемся этаже.

Повезли семьи в Усть-Бакчар. Разрешил комендант семьям из бригады плотников. Ехали на плотах с неделю в октябре по реке Чае. Максим, старший брат, уже женат был на Тане, та с грудным ребенком. Приплыли, расселись, построили землянку...

Опять папу отправили в Подгорное плотничать. Опять мы помогали ему. Спали на стройке, на пакле.

Потом открепили от комендатуры. А документов еще не было. Максим уже служил в армии и стал писать в разные места. Рассмотрели, что мы незаконно высланные, что были середняками. Пришли и документы.

Но уже прижились, куда обратно ехать? Жили тогда в поселке Табоге, а работали в селе Подгорном. Речка там такая же протекала Табога. Я устроилась посудницей в аптеке. Уже вольные были. Получили годовые паспорта. Поехали в Томск. Но остановились в Колпашево. Невестку Таню отправили в село Уроп с ребенком, т.к. была справка, что она не принадлежала к выписке. Максим отслужил и забрал её. В Колпашево мы с ней пошли работать на засольный комбинат.

На Табоге продали времянку – избушку. Печка русская, три окна, пол настеленный. За семьсот рублей. В Колпашево все стали работать. Все стали стахановцами. Папа с Максимом плотничали, а Гоша был пекарем. Люба, самая младшая, в школе стала учиться. Хлеба вволю. Мама радовалась и плакала: - Думала, не доживу до того времени, когда хлеб на столе остается.

Рыбачили. Рыбы было много. Полный невод вытянем, сушим, солим. Всю зиму с рыбой. Уважали нас, премии давали. По десять метров материала. В магазинах было, но только за пушнину. Летом всегда много рыбы. Большая, икраяная. Жарили икру, молоку. Отправляли нас за сто пятьдесят километров в деревню Инкино, обрабатывать рыбу. В юртах остяцких. Большие амбары там стояли. Засольный пункт. И так до осени. Летом работали. А зимой - в прислуги, в домработницы. Зимы три пробыла в домработницах... Так и жили. Но это было уже счастье. Потому, что вольными стали... И не надо было нигде отмечаться... И жить стали все на одном месте...

Георгий Томберг, пенсионер, Томск

Набат Украины

Три года назад расстреляли людей, которых убийцы после назвали «небесной сотней». Расстрел был выгоден только заказчикам майдана, Януковича он уничтожил однозначно. Есть логика революций и логика их подавления. И есть искусство использовать массовые протесты и управлять толпой.

Митингующая масса – толпа, даже если она состоит сплошь из высокообразованных незаурядных людей. Эмоции толпы способны подавить разум отдельного человека, заставить совершить то, чего он будет после стыдиться... или чем гордиться.

Инстинктам толпы может противостоять только организация, дисциплина. Кучка заговорщиков способна грамотно просчитанной демагогией задать толпе нужной настрой, подвигнуть её на действия, в том числе и агрессивные. Однако, встретив отпор, толпа более склонна уступить силе и «самораспуститься», чем продолжать натиск. И тут организаторы бессильны – требуется мощное воздействие, чтобы люди, сбившиеся в единый животный организм, исполнили их волю.

Это чаще всего кровь.

Если толпу резко и сильно напугать, она разбежится. Так бывает при расстрелах демонстраций – картины 1917 года в России, Тегерана 1979...

Однако, если толпу напугать не до кровавого поноса, не пулемётами и ружейными залпами, то от страха она возбудится до слепой ярости и способна смести любые кордоны. Умело пущенная кровь – смазка всех революций и переворотов. И почти всегда эту кровь пускают заказчики революций. А если власть не стреляет в ответ, доводя толпу до исступления, то приходится стрелять снайперам, нанятым будущими правителями.

Именно это и произошло в Киеве три года назад. Вина организаторов майдана в кровопролитии доказана многократно – по видеозаписям того дня. Доказана беспристрастными исследователями – хотя бы канадским профессором Иваном Качановским. Имеются и признания отдельных «стрелков»-активистов. Есть утверждения членов майданных сотен, прямо указывающих на вину в расстрелах руководителей майдана. Более того – та бредовость, с которой ведёт расследование трагедии в Киеве, приводит к мысли, что украинские «компетентные органы» больше замечают следы, чем выявляют истину.

Нет смысла останавливаться более на доказательствах – их полно в интернете, найти не проблема. Вопрос в другом – можно ли считать законной властью то чудовище, которое для инициирования переворота убило более сотни своих же сторонников? И эти люди, придя к власти на кровавой смазке публично плачут о «небесной сотне»! Омерзительно, но и это ещё не всё.

После переворота правительство Турчинова двинуло войска в Донбасс, воспользовавшись, как предлогом, бесчинствами сомнительной личности – Стрелкова-Гиркина. Иначе говоря, Стрелков спас киевскую хунту, поскольку она держится только войной.

Итак, если признать власть Украины с марта 2014 года незаконной – а к этому есть все основания, кроме «международного мнения», то вся АТО является преступной, а участники войны на стороне хунты – преступники. И тогда «ветеранам АТО» после того, как на Украине установится действительно законная власть, не светят ни военные пенсии, ни льготы. В лучшем случае – пособие по инвалидности. А многим – тюрьма за соучастие в преступлении.

Сама по себе революция преступлением не является, преступлением она становится по способу свершения и по результатам деятельности пришедших к власти политиков.

В большинстве стран существующие ныне режимы появились в результате революций, переворотов или искусных подтасовок результатов выборов и референдумов. Некоторые режимы существуют только благодаря внешним силам.

По современным воззрениям, легитимность режимы обретают благодаря «демократическим» выборам или референдумам. Это не так.

Если страна после установления нового режима стала развиваться быстрее, если власть строит страну, а не разворачивает, такой режим – законный, хотя бы он появился в результате вооружённого переворота. Если власть обеспечивает стране экономический рост выше среднего по планете (пусть и не бурный!) – она легитимна, даже если в ней не проводятся выборы. Если в стране распределение доходов примерно соответствует различию талантов и умений людей – власть справедлива, даже если и нет «свободы слова».

Судьба Украины настолько поучительна, что эту страну надо исследовать чуть ли не с микроскопом. На ней всё «сошлось клином» - и бездарность властей, и жадность новоявленных магнатов, и дикость галичанского запада, и терпение красного востока... Безумие самозванных «патриотов» Украины предупреждает нас, россиян, об опасности медвежьих услуг собственных ультра-«патриотов», которые так легко используются чужими госдепами в интересах интернационального Банка.

Эта опасность не менее серьёзна, чем «равнение на Запад», проповедуемое либералами. И, по сути, обе опасности являются лишь двумя сторонами одной – опасности подчинения чужим интересам.

Ещё один урок Украины – ни одна национальность в стране, ни один язык не должны чувствовать себя ущемлёнными. И добавлю – ни одна церковь не должна не то, что стать государственной, вообще не иметь к государству иного отношения, кроме как его подданных. И когда РПЦ передают Исаакиевский собор, то этой идиотской провокацией раскалывают и ослабляют страну, а не объединяют. Церковь не может не играть политической роли, ибо она сама по своей сути политическая организация со специфической идеологией, но пусть она развивается и живёт за свой

счёт, платя налоги государству, как любая организация. Повторяю – речь идёт о любой церкви, не только РПЦ.

Страшен фанатизм – националистический, религиозный, политический. На него делают ставку враги России, ибо фанатизм раскалывает, разрушает многоликую, но единую страну.

Однако, самый серьёзный украинский урок – роль олигархов в обнищании и гибели страны. Когда крупнейшие собственники играют в политику, они разрывают страну на уделы. Ибо богатство неотделимо от власти, что бы там ни говорили демократы. Не может быть демократии в стране, в которой олигархи «сосуществуют» с ограбленным ими народом. Такая демократия неизбежно кончается или майданами или октябрями-17.

Олигарх может быть патриотом – в своих глазах. Но уже одно то, что его богатство есть сумма изъятого достатка у очень многих соотечественников, заставляет сомневаться в его «патриотизме». В конце концов, именно имущие сословия России устроили Гражданскую войну 100 лет назад. И олигархи Украины начали бойню в Донбассе и открыли широкие возможности для бандеровского террора по всей стране.

Украина состояла из нескольких частей с разными культурами и историей. Шансы сохраниться как единому государству у неё были, не было только ума у «першого прэзыдэнта незалежної», отказавшего русскому языку в статусе государственного. Украина имела все шансы стать зажиточной процветающей страной, но эти шансы сожрало неумение её нуворишей думать не только о себе, но и народе, стране в целом. Европейских богачей к этому принудила целая цепь революций XIX века и беды XX-го. Однако, похоже, на чужом опыте никто не учится – надо сначала положить собственную страну, чтобы потом собрать из неё что-то достойное... Украина занимала настолько удобную, выгодную часть Евразии, что, казалось бы, обречена была на богатство: обширный выход к тёплому морю, горы, покрытые ценными лесами, равнина с неглубоко залегающими рудами, уголь, нефть, газ, транзитные пути, умные люди... Две культуры – два крыла. Чего ей не хватало?

Разума. Умения жить собственным умом, не зарясь на сладкую европейскую халяву.

Ведь Европа сама строила себя, образцов и лекал у неё не было. И всем незачем «идти в Европу», чтобы обрести её уровень жизни. Достаточно построить свою Европу у себя, как это сделали японцы. Халява – вот что разъело Украину. Вернее, её призрак, в виде сияющих кружевных трусиков.

Советский Союз разъело то же самое. Умело возбуждённая зависть к чужой... витрине. Потому что истинного соотношения уровня жизни «там» и «у нас» мы не знали. Не будь европейской морковки, СССР лет за 50 превзошёл бы западный уровень жизни при сохранении социалистических преимуществ, включая и гораздо более справедливое распределение доходов.

Но... зависть к миражу чужого благополучия и национальное чванство
разрушили Советский Союз.
Украина наступила на те же грабли во второй раз.

Россия гораздо более разнообразна, чем Украина. И у нас находятся желающие заставить снова наступить на грабли.

После чего заново страну уже не собрать.

Прислушаемся же к набату Украины.

И не повторим ни её, ни своих прошлых ошибок.

20.02.2017

Сферический соленоид

Надоело! Вчера я пёр мешок картошки в городскую квартиру. Машины у меня нет, значит на саночках. А вокруг – месяц март, солнце, птички поют... Снег консистенции рыхлого воска, на магистральных улицах его уже нет, по обочинам же – высится непролазными горными хребтами. В общем, намаялся от души и решил – хватит! Надоело.

Пока чистил картошку, прокручивал в уме идею транспорта.

Идея-то старая, несложная, но – насколько мне было известно – дальше высокоумной болтовни дело не заходило. А ведь всё так просто!

Берёшь медный провод в изоляции, желательной высоковольтной. Делаешь маленький виток, следующий виток чуть сдвигаешь, далее навиваешь витки так, чтобы они легли по поверхности правильной сферы. Так, чтобы, допустим, северный полюс смотрел бы из поверхности наружу, а южный – к центру сферы. Когда подключишь к источнику питания, конечно. Не монополюсник, но близко. Даёшь ток – линиям магнитного поля деваться некуда, иначе как через ещё одно пространственное измерение, а это уже создаёт антигравитационный эффект. Школьный опыт, но так никем и не поставленный.

Сотворил я четыре таких сферы. Приладил на четыре угла санок, подцепил к батарее щелочных аккумуляторов. Санки как лежали на полу, так и лежат. Тронул их ногой – приподнялись на сантиметр над полом. Совершенно без усилий поднял на метр, отпустил – висят. Принёс початый мешок картошки, положил на санки. Видимо, нечаянно толкнул – они опустились на пол. Ничего! Снова – опять без усилий – поднял на метр. Зависли. С мешком картошки. Потянул за верёвочку – санки медленно двинулись. Странно, в горизонтальном движении инерция проявляется в полную силу – стена серьёзно гуднула от удара.

Так, значит, сани в включённом устройстве движутся по эквипотенциальной поверхности гравитационного поля Земли, остановить их может только внешнее усилие – трение воздуха, например. Или натяжение верёвочки.

Но почему для подъёма и опускания не требуется усилий? Этого я пока не понял, зато, сев на санки, получил удовольствие от парения в воздухе.

Идея! Сбросил мешок на пол, открыл балконную дверь и...

Идея оказалась глупой. Я медленно двигался на высоте пятого этажа – куда? И как вернуться назад? Балкон был уже в пяти метрах и удалялся со

скоростью полметра в секунду. Март-то март, но это всё же сибирский март, а я в рубашке, куртку прихватить не додумался.

В общем, когда, зацепившись за ветви кроны высокой берёзы за двести метров от дома, корячась, кое-как спустился с дерева в глубокий снег, да добрался до дому, я до смерти заоченел. А тут ещё дурацкий домофон... Эх, как в детстве мы забегали в любой подъезд погреться! Проклятый либералами совок даже до железных дверей и домофонов не развился. Не было замков на подъездных дверях, а квартирные были сплошь деревянные, любому топору впору.

Тут сосед со второго этажа вышел, глянул на меня изумлёнными глазами, а я уже и сказать ничего не могу – замёрз. Проскользнул наверх, припал к батарее родной квартиры, отогреваюсь.

И думаю сразу несколько думок.

Одна – теперь любые грузы нипочём. На санки хоть бетонный блок клади – нагрузки на хлипкие дощечки никакой. Лишь бы мощи хватило с инерцией справиться.

Вторая – как же всё-таки рулить в походе?

В полёте? Как менять высоту? Пропеллер! Винт. Вентилятор. Должно хватить.

Даже воздушный шарик реактивной силой при сдувании. Нет, импульс маловат.

Так, решено, вентилятор, который можно направлять в любую сторону. Питание? Автомобильный аккумулятор, кстати и сферические соленоиды от него же можно запитать.

Третья мысль – как люди-то на улице будут любоваться на подобное зрелище?

Четвёртая – провода воздушных электрических линий, особенно высоковольтных... Насколько близко к ним можно подлетать?

Пятая – как оборудовать санки, чтобы и мне, и аккумулятору, и вентилятору, и грузу место было? И пульт управления соорудить. Это надо санки попросторнее строить.

Шестая – как сконструировать – уже не санки – аппарат для передвижения в воздухе. Крытый, с салоном, с багажником, с панелью управления, с рулём... А колёса нужны?

Стоп, а зачем конструировать, когда можно соленоиды на готовый автомобиль поставить?

И совсем уже седьмой мыслью проскочило слово – патент.

Если я не запатентую своё изделие, идею, то любой японец выхватит её у меня, как некогда подводные крылья у советских конструкторов и делает бизнес. А я останусь... ну ясно, с чем останусь. Вы не знаете байку о подводных крыльях?

Их придумали в Советском Союзе. Построили речной трамвайчик и пустили по Москва-реке. Запатентовали, конечно, как полагается – международно. Но запатентовали трамвайчик вместе с крыльями. И пригласили иностранцев поглазеть на трамвайчики, как они лихо прогуливают москвичей по реке. Покатали даже. Американцы, как американцы – смотрели

вежливо, но с непониманием духовной высоты изобретения. Англичане, те просто тупо улыбались, даже не пытаясь мыслить. Но японцы! Расцветая улыбками и восточным обхождением, они хвалили трамвайчик, изобретателей и линию партии в целом, вызывая ответное расцветание лиц высоких товарищей. И их интересовало всё-всё. И им всё-всё рассказали. Показали. Пожали руки. Сфотографировались и расстались.

А когда решили пустить трамвайчики в Одессе, уже по морской воде, потребовалось изменить угол атаки крыльев – морская вода не речная, плотнее. И вот тут японцы с теми цветущими улыбками жёстко потребовали платить за использование их патента.

«То есть как? – Возмутились товарищи – Это же наше изобретение!»

- Ваше – отвечают японцы, - но патент на все прочие углы атаки, кроме вашего запатентованного, наш.

И действительно, ушлые японцы запатентовали все 360 градусов угла атаки кроме того, что был выставлен на нашем речном трамвайчике.

Плюнуть-то на японский патент в Союзе плюнули, но продавать за железный занавес трамвайчики с иным углом атаки стало невозможно – вежливые японцы не дремали и всегда были готовы с радостью штрафовать подобные попытки по решениям международных судов.

Значит, патентное бюро.

Вздыхнул я и стал собираться. Написал кое-как нужные бумаги (терпеть не могу канцелярщину!), взял санки с соленоидами и пошёл.

В нашем провинциальном городе официальные учреждения ведут себя совсем не провинциально. Дух московского чиновничества шибает в нос уже с порога.

Служебные дамочки крайне удивились моему появлению: «Санки-то можно было оставить на улице! Вы бы ещё в валенках сюда пришли!»

Объяснил, что это и есть изобретение. Дамы в ступоре. Одна из них попыталась было выговорить «соленоид», но что у неё получилось, пересказывать неудобно.

Наконец, показали мне нужную дверь с нужным господином. Нужник оказался достойным занимающего его чиновника.

Молодой, даже ещё прыщавый, парень косой сажени в плечах. Такому-то никаких санок не нужно, чтобы картошку таскать. Да не таскает он картошку – магазинную берёт. Чищеную. Костюмчик-то, пожалуй, трёх моих пенсий стоимостью, если не больше. Рубашка, галстук... Всё как должно.

- Здравствуйте – приветствовал меня хозяин кабинета, - с чем пожаловали?

- Да вот тут у меня – и я стал рассказывать и показывать.

И хотя меня слушали с видимым вниманием, поддакивали и подкачивали головой, но я чувствовал, что парню скучно. «Эх, такому бы за станок!» - грустно думалось мне. Сам я отстоял за станком два с половиной года – пока предприятие не рухнуло.

- Знаете, что – прервал парень мои объяснения, - оставьте свои документы и это вот... изобретение здесь. Мы тут рассмотрим и сообщим Вам решение в месячный срок.

Я не решился оставлять санки в бюро – чиновник видел уже их, висящими в воздухе, их движение, я даже чуть попарил на них. Странно, но на чиновничьем лице я не заметил даже тени удивления. Скука, космическая пошехонская скука царствовала на облечённом полномочиями лице. С той же скукой лицо позволило мне забрать санки с собой.

Дома я ещё поэкспериментировал с соленоидами и вдруг – какая муха меня укусила, - подал на катушки через латр переменный ток.

Квартира исчезла. Я сидел на санках посреди летнего луга, вдали синели горы, с неба светили... Да! Светили два солнца! Я ошеломлённо поднялся, обводя глазами местность. Цветы в траве – значит, должны быть и насекомые или что там их опыляет... Степь – деревьев не видно, но степь на границе с горами и, кажется, с вечным снегом.

От аппаратуры на санках тянулся провод к сети и исчезал, как обрезанный, вися на санках.

Я не стал испытывать судьбу, отключил латр на санках. И вернулся в свою квартиру.

Вот это да!

Неделя прошла в экспериментах. Кроме первого мира с двумя солнцами санки попадали и в другие миры – надо было лишь менять частоту и напряжение питающего соленоиды тока. Во второй и последующие разы сам я на санки не садился, а, вынеся пульт управления за их пределы, ставил на деревяшки фотоаппарат в режиме съёмки. После третьего «путешествия» пришлось покупать новый фотоаппарат, прежний вернулся со следами высокой температуры.

Продумав, я стал ставить на санки ещё стакан с водой (проба на вакуум), низкотемпературный термометр... Однако, убедившись, что электрическая связь моей «посылки» с квартирой не нарушается (я уже перестал ломать голову над решением загадки, просто экспериментировал, оставив теорию на потом), стал навешивать на санки разнообразные датчики и даже видеокамеру, имея возможность наблюдать чужие миры на экране.

Миры были разные. Луноподобные, безвоздушные. Пустынные, без признака жизни. И с буйной растительностью. Водные (я вовремя догадался установить санки в оцинкованную ванну, тщательно сбалансировав груз, чтобы она не перевернулась).

На исходе недели мне открылся мир, в котором можно было бы жить.

Равнинная саванна, рощицы с разнообразными фруктовыми деревьями, фауна не крупнее кошки, отсутствие кусучих насекомых и постоянная температура круглый год. По этому миру я погулял, даже спилил одно дерево. Годовых колец на спиле не было.

В общем, строй дом из веток и живи. Мясо, фрукты есть, вода есть... Рай неземной.

Также я выяснил, что при отключении от квартирной сети, санки теряют связь с нашим миром. Странно – ведь при отключении с пульта они просто возвращаются назад. Значит, если кто-то выдернет вилку во время моего «путешествия»...

Пришёл ответ из патентного бюро – непонятный и невразумительный. «Представленное Вами изобретение является вариацией гравитационной катушки Тесла и новизны не имеет. К сожалению, запатентовать его невозможно. В настоящее время прорабатывается вопрос о Вашем праве использовать Вами созданное Ваше изделие, поскольку имеются признаки плагиата, наказуемого штрафными санкциями» и так далее. Я был ошарашен. Раздавлен. Оплёван.

«Нет новизны!» Так почему я таскал картошку на полозьях, а не купил парящие санки в магазине! Плагиат! Сферический соленоид придуман мною, Тесла мыслил только тороид – нужный господин хоть знает об этом!?

Оказалось – знает. Недооценил я современную молодёжь...

Нанеся визит в патентное бюро, я не сразу попал в нужный кабинет. Меня подержали перед дверью, пока чиновник разговаривал секретные разговоры по телефону. Или голос парня был от природы могучим, или телефон барахлил со звуком, но мне через дверь слышалось, о чём там говорили. И нравилось это мне всё меньше и меньше.

Говорили по-английски. Худо-бедно, но этот неприятный для меня язык, я всё же разбирал.

«Да, уникально! Передвижение грузов по воздуху без затраты энергии».

«Эквипотенциально».

«Работает».

«Да, да, понял».

«А просто – ему от ворот поворот».

«Сто миллионов. Счёт Вам известен».

«Ну что Вы! Стоит-то оно много больше».

«Как, как?»

«Да нет, ну что Вы! Хотя бы пятьдесят».

«Ладно, двадцать пять...»

«Ну, двадцать, согласен».

«А он уже здесь. Сейчас отфутболим».

«Что? Адрес? Пришлю. А Вы что...»

«Круто... Но чтобы я не был замешан».

«Ладно-ладно, изделие оставлю у себя».

«Как скажете. Гудбай».

От такого разговора мне стало плохо. И что делать?

Я раскрыл дверь. Нужный господин резко опустил руку с телефоном в карман и уставился на меня.

- А, это опять Вы! Садитесь, садитесь. Вы уже в курсе? Мы Вам прислали ответ комиссии.

Я-то понимал, что никакой комиссии не было, но сдержал себя и виду не подал.

- Знаете, оказывается у моих санок появились новые свойства. На них можно передвигаться в любое место на Земле. Прямо сейчас можно попасть на пляж в Тайланде. Или на Ривьеру. Или в Нью-Йорк...

- И Вы можете это продемонстрировать?

Грешен – я без колебаний выдернул из розетки вилку. Обрезал её в месте, где она уходила в найденный мною рай, спрятал в карман и ушёл.

Конечно, меня таскали компетентные органы по факту исчезновения чиновника, но я показал, что господин вышел и не вернулся. Как ни странно, но две-три барышни подтвердили, что видели пропавшего где-то в коридоре во время моего визита и от меня отстали.

Вроде бы отстали.

Нет, я не убийца. Нужный господин живёт в раю и проживёт долго. Ящика спичек ему хватит на полжизни, нож я положил, а дальше...

Жаль одно – этот рай я приберегал для себя.

И ещё забота – ждать незваных гостей. Адрес они спокойно узнают в бюро. Ну да ладно, опасность подстёгивает изобретательность, и на случай их визита у меня уже кое-что готово. Им ведь необходим будет разговор со мной, а там мы уж поговорим!